

Российская Академия Наук
Институт философии

Ю.Д. Гранин

**ЭТНОСЫ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ**

Опыт философско-методологического исследования

Москва
2007

УДК 300.331
ББК 15.55
Г 77

В авторской редакции

Рецензенты

кандидат филос. наук *М. Б. Сапунов*

доктор филос. наук *В. С. Швырев*

Г 77 **Гранин, Ю.Д.** Этносы, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования [Текст] /Ю.Д. Гранин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2007. — 167 с.; 17 см. — Библиогр. в примеч.: с. 155–166. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0071-6.

В книге исследуется эволюция понятий «этнос» и «нация» в истории европейской философии и науки XVII- начала XX столетий, выявляются философские основания и исследовательские парадигмы конкурирующих в социальных науках концепций сущности, происхождения и эволюции этносов, наций и национальных государств, определяются типы современного теоретического дискурса, оцениваются их методологические преимущества и недостатки. Предлагается новая, социально-философская, основа междисциплинарного синтеза, позволяющего предложить приемлемое для большинства специалистов-предметников понимание основных дефиниций этнологии, теории наций и национального государства. Анализируются исторические формы «национальных государств», национальной интеграции и пути формирования наций в Западной, Центральной и Восточной Европе. В связи с этим предлагается комплекс мер для формирования российской нации как гражданского и культурного сообщества и совершенствования российского федерализма на основе концепции «нации-государства».

Для философов, обществоведов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9540-0071-9

© Гранин Ю.Д., 2007
© ИФ РАН, 2007

Предисловие

Вопросы о сущности, происхождении и эволюции этносов и наций, их мирного сосуществования в пределах одного государства относятся к числу самых острых проблем древней, новой и новейшей истории. Этническое противостояние лежит в основе многих международных конфликтов и двух последних мировых войн, в ходе которых погибли миллионы людей, чья «вина» состояла лишь в том, что они принадлежали к другому, нежели завоеватели, народу. Дикая геноцид армян младотурками 1915–1916 гг., технологический геноцид Третьего рейха в отношении евреев, цыган и славян, административно-политический геноцид сталинского режима в отношении чеченцев, крымских татар и других «непокорных народов» — в конце XX — начале XXI вв. меньшие по масштабам, но такие же чудовищные, эпизодические акты национализма в форме «этнических чисток» были осуществлены на территориях бывших Югославии и СССР, Азербайджана, Грузии, Таджикистана, Узбекистана, Афганистана, Бурунди, Руанды, Сомали, на Филиппинах и в некоторых других странах.

К великому сожалению, избежать волны этнонационализма не удалось и современной России. Анализируя причины российского политического сепаратизма, некоторые исследователи связывают его с историческими особенностями смены общественно-политического строя в России начала 1990-х гг.: одновременным реформированием экономической и политической сфер общественной жизни, не подкрепленным надежной законодательной базой¹. Действительно, несовершенство конституционно-правовой базы Российской Федерации в значительной мере определяет ее неустойчивость. Но дело не только в организационной и правовой «асимметрии» Российской Федерации. Помимо прочих причин, царская Россия и СССР распались еще и потому, что ни российская империя, ни федерация советских республик так и не были, подобно многим европейским стра-

нам, преобразованы в «национальные государства», население которых было политически и культурно интегрировано в новую историческую общность — «нацию».

В современной России «российская нация» тоже до сих пор не сложилась. В отличие от США, Франции, Германии, многих других стран, подавляющее большинство населения нашей страны продолжает идентифицировать себя прежде всего в качестве «русских», «татар», «якутов» или, допустим, «чеченцев», и лишь потом — в качестве «граждан Российской Федерации». И это свидетельствует о том, что многоязычная и мультикультурная Россия не застрахована от распада: этническое самосознание в умах миллионов все еще доминирует над «национальным».

Но как интегрировать полиэтничное, мультикультурное население России в политически и культурно единое целое («нацию»), не ущемляя при этом суверенное право народов на развитие их собственных языков и культур? Возможно ли это в принципе? И если «да», то какой (организационно и содержательно) должна быть система мер, совокупность которых, обеспечивая политическое и культурное единство РФ, вместе с тем сохраняла бы языковой и культурный плюрализм России?

Дать обоснованные ответы на эти вопросы — конечная цель нашего исследования. Но чтобы достичь, ее необходимо прежде решить следующие «простые» проблемы: чем отличаются «нации» от «этносов» и как, какими способами формировались нации и национальные государства в Европе?

Очевидно, что ответ на второй вопрос в значительной мере зависит от того, как мы ответим на первый. И вот здесь мы попадаем в концептуальный капкан: *теоретически* отличить нации от этносов почти невозможно. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов.

Пожалуй, нет ни одного характерного признака, по которому можно было бы точно различать этносы и нации. Функционалистское или же предложенное у нас С.А.Арутюновым (а за рубежом К.Дойчем) различение по плотности информационных связей внутри этносов и наций в современных условиях тотальной информатизации тоже не работает. Как не срабатывает и широко представленная в зарубежных исследованиях апелляция к «особому менталитету», «национальному характеру» — как и другие, она не позволяет провести четких границ ни между этносами, ни между нациями, ни тем более между нациями и этносами. Иначе говоря, оставаясь в пределах какого-либо одного — натуралистического, атрибутивного или субъективно-символического² — подхода, точно позиционировать понятия «этноса» и «нации» нельзя.

Получается, что «нация» — категория конвенциональная. Не случайно еще в первой половине и середине XX в. некоторые исследователи (П.Сорокин, Э.Карр, Г.Кон, Х.Сетон-Уотсон и др.) либо отказывались дать точное понятийное определение «нации», либо предлагали считать его пустой дефиницией, а то и просто «продуктом веры».

Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 г. британскому обществоведо Эрнесту Гелнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В дальнейшем этот принцип осознанного политического конструирования основных европейских наций, основательно подкрепленный анализом истории становления «национальных государств» в Западной, Центральной и Восточной Европе, получил развернутое теоретическое обоснование в работах Бенедикта Андерсона, К.Дойча, Энтони Д.Смита, Майкла Шадсона, Э.Эриксона и некоторых других зарубежных авторов³.

В современной России первым активным пропагандистом идеи «нации-государства» был директор Института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишков. Справедливо обратив внимание на колоссальный разброс мнений в пони-

мании ключевых дефиниций, он вообще усомнился в научности части категориального аппарата, много лет используемого отечественными этнологами, антропологами, политологами и социальными философами. Поскольку, дескать, этот аппарат разрабатывался не с сугубо научными, а с политическими целями: был средством теоретического оправдания практики устройства СССР по этнонациональному принципу.

Следствием этого стало проникновение в науку схоластики и «паранаучных построений» о «подразделениях этноса», «субэтносах», «суперэтносах», «нациях», «микронациях» и ряда других. «Большинство из этих категорий, — отмечал Тишков, — с научной точки зрения уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения порождают тупиковые стратегии и дезориентирующее насилие повседневного сознания граждан»⁴. По мнению уважаемого ученого, в этом в значительной мере виноваты философы, чьи интеллектуальные усилия направлены «исключительно на концептуальный уровень (метадискурс), на формулирование и оперирование такими глобальными категориями, как *цивилизация, общество, стадия развития, народ, нация, национальный характер...*» и рядом других⁵. Эти категории, считает автор, до сих пор продолжают доминировать в этнологии и социально-культурной антропологии, мешая им выйти на стезю подлинно научного исследования.

Вряд ли стоит полемизировать о значимости философских категорий для наук социогуманитарного цикла: их теоретическая и методологическая ценность подтверждена многовековой историей развития научного знания. Между тем факт остается фактом: современный теоретический дискурс крайне противоречив и растащен по разным дисциплинарным «квартирам». Отечественное и зарубежное общественное знание демонстрирует такой плюрализм подходов и точек зрения, синтезировать которые в какую-то одну теоретическую междисциплинарную модель эволюции «этносов» и «наций»

крайне проблематично. Но можно попытаться, проанализировав содержание современных дискуссий, выяснить, почему они так и не завершились научным консенсусом и выработкой общепринятого содержания исходных научных дефиниций. И здесь, по моему мнению, без философии и методологии науки не обойтись.

Помимо сложности, историчности объектов исследования и имманентной любому научному знанию «предметности», в силу которой «этнос» и «нация» выступают для ученых не как некая феноменальная данность, а как теоретические объекты дисциплинарных (этнологических, социологических, антропологических и др.) «онтологий», одной из главных причин не прекращающейся теоретической полемики является то, что авторы и адепты заявленных в литературе концепций этносов, наций и национальных государств неявно придерживаются разных исследовательских парадигм. И, что не менее принципиально, – разных философских воззрений на процесс познания этнической и национальной истории человечества, как, впрочем, и на весь исторический процесс. Можно даже усилить этот тезис, заявив, что многие наши этнологи, антропологи, этнопсихологи и отчасти социологи просто не рефлексируют над философскими основаниями и парадигмами собственной профессиональной деятельности. И это, вкуче с философским и методологическим плюрализмом, в свою очередь, характерным для западноевропейского и североамериканского теоретического дискурса, определило предмет настоящего исследования: анализ философских и парадигмальных оснований современных, зачастую альтернативных, теорий формирования и эволюции этносов, наций, национальных государств и федерализма⁶. Уточнение и пересмотр которых (т.е. оснований) открывает, по мнению автора, возможность плодотворного междисциплинарного синтеза содержания основных категорий, используемых специалистами, и соответственно – решение некоторых значимых теоретических проблем этнологии, социальной, культурной антропологии,

политологии, других наук, в той степени, в какой они изучают этногенез, формирование и эволюцию наций и национальных государств.

В соответствии с этой целью первая глава монографии посвящена экспликации философских и методологических оснований конкурирующих в социальных науках концепций происхождения и эволюции этносов и наций, их типологии и последующему сравнительному анализу. Результаты которого могут, по мнению автора, стать основой междисциплинарного – социально-философского – синтеза, позволяющего выработать и предложить приемлемое для большинства специалистов-предметников понимание ключевых дефиниций этнологии и теории наций и национального государства.

Использование обновленного категориального аппарата, исследование с его помощью во второй главе книги исторических форм национальных государств, способов их становления и особенностей формирования основных европейских наций на фоне отечественной истории позволяют найти пути решения ключевых для России проблем: формирования общенациональной (надэтнической) российской идентичности и совершенствования российского федерализма на основе концепции «нации-государства».

Эти проблемы исследуются в третьей, заключительной, части монографии.

ГЛАВА I. «НАЦИЯ» И «ЭТНОС»

Эволюция понятий «этнос» и «нация» в истории европейской философии и науки XVII – начала XX столетий

Широко используемые в социальной философии, социологии, политологии, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии и ряде других научных дисциплин категории «нация» и «этнос» до сих пор не имеют одного – общепринятого – содержания. Это обусловлено не только спецификой предметной области и категориального аппарата наук, но и в значительной мере связано с культурно-исторической эволюцией обыденного и научного употребления этих терминов, отголоски которого можно найти во многих профессиональных и околонуучных текстах.

Термины «этнос» и «нация» восходят к разным языкам и имеют разную историко-научную «судьбу». Если «этнос» образован от древнегреческого *ethnos* (народ) и в качестве специального понятия вошел в язык европейской науки лишь во второй половине XIX столетия, то «нация» (от лат. *natio*, которое в свою очередь восходит к *nasci*, что означает «рождаться») активно употреблялось еще историками и писателями Древнего Рима. После распада великой Империи образованные на ее территории христианские королевства и народности, формировавшиеся в раннем средневековье, переняли вместе с латинским языком (языком ученых и духовенства) и дихотомическое употребление двух слов: *natio* и *gens* – для обозначения «цивилизованных» («христианских») народов и «варваров» («язычников»). Многочисленные племена и народности, входившие в империю Каролингов (обитатели Иль де Франс, Пуату, нормандцы, бургунды,

лотаринги, бретонцы, франки, баварцы, саксы и др.) еще долго после ее распада именовали себя «нациями», по сути не будучи таковыми. Например, в акте коронации Оттона III (995 г.) говорится о том, что коронация имела место с согласия не германской нации, а римлян, франков, баваров, саксов, эльзасцев, швабов и лотарингов⁷.

В позднем средневековье *natio* наполняется новым содержанием. Хотя в хрониках и документах отдельные народы и народности по-прежнему именуются нациями, этот термин примерно с XV в. приобретает и иное, близкое современному, значение: речь уже идет о «германской нации». Постепенно и одновременно нарастает полисемантизм словоупотребления. Так в средневековых университетах говорят о нациях, понимая под ними студенческие корпорации, то есть своего рода землячества. Студенты были разделены на «*nationes*» по совершенно произвольному принципу. В Пражском университете, например, было четыре «нации»: чешская (богемская), саксонская, баварская и польская, причем немецкие студенты составляли во всех нациях, кроме чешской, большинство.

Даже церковные соборы, как отмечают исследователи, расчленились на «*nations*». На Констанцском соборе (1414–1418), например, все присутствующие были разбиты на четыре нации: итальянцев, французов, англичан и немцев, чтобы помешать численно превосходящим итальянцам получить перевес при голосовании. К «*Natio germanica*» на Констанцском соборе принадлежали также поляки, шведы, чехи, далматинцы и другие народы. На «нации» разделялись и религиозные ордена (мальтийский и иезуитский), и купеческие союзы, и многие другие корпоративные организации. «При этом, — отмечает Ю.Хабермас, — приписываемое другим национальное происхождение с самого начала связывалось с негативным ограничением Чужого от Своего»⁸.

Таким образом, даже в первом приближении краткий обзор поля употребления слова «нация» в раннем и позднем средневековье свидетельствует о том, что содержание этого

термина разительно отличалось от его современных значений. Будучи первоначально используемым для обозначения христианских народов и народностей, *Natio* в позднем средневековье и эпоху Возрождения преимущественно употреблялось уже как термин, содержащий корпоративно-организационный смысл. По замечанию Г.Циглера, в XII—XV вв. «*Natio* — это целевой союз, местная, административно определенная подгруппа, как фракция, управленческая единица и т.п. Это слово никоим образом не имеет всей полноты значения в качестве представительного политического подразделения. Оно не обозначает какой-либо заданной формы общности, не содержит указания на основополагающую линию социальной связи или разделения»⁹.

Это, разумеется, не случайно, ибо язык всегда социально обусловлен и референтен. Будучи отображениями структур внешней человеку природной и социальной реальности, слова и выражения, в свою очередь, «погружены» в реальность человеческого (социокультурного) бытия и таким образом зависимы от его структурных связей. Проще говоря, эволюция значения термина «нация» в средние века соответствовала эволюции европейского общества того времени с характерным для него корпоративным (цеховым и сословным) социальным строением и политическим устройством — разделением на многочисленные феодальные государства. Последние, в силу феодальной раздробленности, не только не способствовали интеграции проживающих на их территориях многочисленных этносов и этнических групп в устойчивые социально-политические образования, объединенные общностью языка, культуры, политической и хозяйственной жизни, а, наоборот, препятствовали такой — национальной — интеграции. Поэтому дальнейший этап эволюции представлений о том, что есть «нация», был исторически связан с переходом в сфере экономики к капиталистическому способу производства материальных благ (в другой терминологии — к «индустриальному обществу»), а в сфере политики — с процессом формирования в Европе

крупных централизованных абсолютистских и буржуазно-демократических государств, с течением времени объединивших на своей территории все многочисленные этносы и этнические группы в относительно культурно и политически гомогенные общности, названные потом «нациями» («народами»).

На уровне идеологической самоидентификации социальных групп этот процесс, занявший не одно столетие, в частности, выразился в противопоставлении термина «нация» понятию «народ». Сначала аристократия, дворянство и духовенство, а затем и так называемое «третье сословие» стали претендовать на исключительное право именовать себя «нацией». Так в 1758 г. один из представителей третьего сословия объявил неподобающим, чтобы торговцев, финансистов, юристов, писателей и людей искусства причисляли к «народу». По его мнению, они принадлежали скорее к более высоким слоям «нации». А в прославленном сочинении аббата Сиейса «Что такое третье сословие?» буржуазия уже без всяких оговорок провозглашалась нацией¹⁰. Это означало, что нация может существовать, лишь избавившись от короля, клерикальной и светской знати, установив демократическую власть буржуазии — «лучшей» части «народа», выражающей его интересы и от его лица отправляющей власть.

Не трудно заметить, что такая — сословно-классовая — интерпретация термина была заведомо ограниченной и даже противоречила ключевым политическим идеям Нового времени и эпохи Просвещения — «народного суверенитета» и «правового государства», основанного на «естественных» правах «человека», вне зависимости от его сословной и классовой принадлежности. Более того. Такая трактовка почти не имела точек соприкосновения с наукой XVII—XVIII вв., в которой под влиянием открытий в астрономии, физике, химии, биологии, колониального освоения новых земель и континентов постепенно утверждались идеи сначала естественного, а затем и социально-исторического эволюционизма. В противоположность библейско-церковной креаци-

онистской догме о неизменности всего, что возникло в акте божественного творения, в сознании естествоиспытателей и социальных мыслителей формировался новый взгляд на историю человечества как взаимосвязанное развитие народов от простого ко все более сложному.

Разумеется, научно фундированного представления об объективной коэволюции природы и человечества в те времена не было. Как не было и большинства общественных наук (антропологии, социологии, социальной психологии, этнографии, исторической лингвистики и др.), предметно и специально (специальными методами) исследующих этническую и национальную проблематику. Понятийный аппарат этих дисциплин был в основном сформирован в XIX столетии. А первоначально категории общественных наук развивались в лоне социальной и политической философии XVII–XVIII вв. которые, используя материалы хронистов и историков древнего мира, достижения географов, врачей и биологов, пытались объяснить историю человечества как эволюцию древних и «новых» народов к цивилизованному состоянию влиянием объективных и субъективных групп факторов: «географической среды», «крови», «языка», «экономических условий жизни» и «государства». При этом в подавляющем большинстве сочинений того времени термины «народ» и «нация» использовались в качестве синонимов, а термин «этнос» вообще не употреблялся.

Учитывая эти обстоятельства, можно выделить по меньшей мере четыре теоретических подхода, в пределах которых в XVII–XVIII вв. исследовались проблемы формирования и развития «народов» (наций): натуралистический, антропологический (в его культурной и естественнонаучной версиях), социоэкономический и политический, которые, в свою очередь, тяготели к двум философским позициям — материализма и идеализма¹¹.

Натуралистический подход. Его появлению и конституированию (в качестве особой теоретической позиции) способствовали великие географические открытия, бурное раз-

витие торговли и эмпирического естествознания, в результате которых знания о жизни народов Востока, Африки и Америки обогатились новыми данными. Пожалуй, первым европейским мыслителем, указавшим на необходимость учитывать влияние природы (географической среды) на развитие общества, был выдающийся французский философ позднего Возрождения *Жан Боден* (1530–1596). Развивая идею о суверенитете монарха, который, по его мнению, гарантирует гражданам защиту их собственности, он вместе с тем обратил внимание на различия в «национальном характере» отдельных народов. Эти различия, считал Боден, зависят от климатических и иных природных условий.

Спустя более 150 лет, сходные мысли, но гораздо более резко и развернуто, высказал известный политический мыслитель Франции *Шарль Монтескье* в своем знаменитом сочинении «Дух законов». Рассматривая условия, при которых возникает та или иная форма правления, Монтескье устанавливает ее тесную зависимость от природных условий страны. Прежде всего, он, вслед за Боденом, резко противопоставляет друг другу северные и южные народы, определяя противоположность их «характера» различием климатических условий, в которых они живут. Народы севера энергичны, воинственны, храбры и свободолюбивы. Народы, населяющие южные страны, напротив, ленивы, робки, изнежены, покорны и порочны. Климат, по Монтескье, оказывает огромное влияние на чувства, воображение и ум, а следовательно, на нравы, быт, религию и законы народов. Таким путем писатель устанавливает, например, прямую причинную зависимость индусского учения о нирване от жаркого климата Индии, расслабляющего, будто бы, умственные способности и вызывающего желания покоя, небытия. Таким же образом он связывает с климатом многоженство, монашество и рабство в южных странах.

В конечном счете переход народов в цивилизованное состояние с характерным для такового государственным устройством различного типа Монтескье связывает с психи-

кой людей, особым национальным характером, свойства которого зависят от климата, территории расселения, ландшафта (почв) и образа (сельского или городского) их жизни. Все эти естественные факторы влияют на психику людей, а психика определяет их быт, нравы, общественный строй и законы — таково теоретическое кредо Монтескье.

Социэкономический подход. Уже *Анн Робер Тюрго* (1727—1781) подметил эту слабость учения Монтескье и истолковал влияние географической среды на эволюцию народов не прямо, а опосредованно — через ее воздействие на «разнообразное производство», культуру и способы отношений между народами. Тюрго, пожалуй, одним из первых отчетливо сформулировал идею линейного прогресса «человеческого рода», основные этапы которого, по его мнению, были обусловлены переходом от собирательства и охоты к скотоводству и земледелию. Последние давали значительно больше продуктов, чем было нужно для поддержания непосредственной жизни людей. И, следовательно, создавали возможность для появления городов, искусств и ремесел, развитие которых вместе с институтом государственной власти определило неравномерность эволюции различных народов от состояния дикости к цивилизации.

Сходных взглядов придерживались шотландский философ *Адам Фергюссон* (1723—1816), просветители *Антуан Барнав* (1761—1793) и *Жан Кондорсе* (1743—1794). Фергюссон первым разделил историю человечества на периоды дикости, варварства и цивилизации. Вслед за ним, связывая исторический прогресс с развитием материального производства, отношений собственности и культуры (письменности, которая способствовала распространению знаний), Кондорсе следующим образом описал эволюцию человечества: «Эту стадию развития между первой ступенью цивилизации и той ступенью, на которой мы видим еще людей в диком состоянии, прошли все исторические народы, которые, то достигая новых успехов, то вновь погружаясь в невежество, то оставаясь на середине этих двух альтернатив или останавлива-

ясь на известной границе, то исчезая с лица земли под мечом завоевателей, смешиваясь с победителями или попадая в рабство, то, наконец, просвещаясь под влиянием более культурного народа и передавая приобретенные знания другим нациям, — образуют непрерывную цепь между началом исторического периода и веком, в котором мы живем, между первыми известными нам народами и современными европейскими нациями...»¹².

Как видим, не делая различий между «народами» и «нациями», Кондорсе довольно верно описывает, выражаясь современным языком, процесс этногенеза, акцентируя внимание на процессах культурной коммуникации, которая всегда сопровождает взаимодействие (поглощение, слияние и т.д.) больших и малых народов друг с другом. Последнее обстоятельство сближает Кондорсе с его знаменитым предшественником — выдающимся неаполитанским мыслителем XVII столетия *Джамбатиста Вико* (1668–1744), которого многие исследователи считают основоположником культурной антропологии.

Антропологический подход. Его отличие от предыдущих состоит в исходной точке анализа. За таковую берутся не большие коллективы людей (народы или нации), а конкретный человек (той или иной эпохи, этноса) или малая группа (семья, род, племя), особенности физиологии, психики и мышления которых наука пытается изучить. Все достаточно «просто», если представители какого-то «редкого» этноса или этнической группы доступны прямому наблюдению. Но как изучить особенности мировосприятия и мышления народов, которые давно уже исчезли с этнической карты планеты, оставив после себя лишь остатки культур, величие которых до сих пор удивляет потомков? Именно эту задачу поставил перед собой и блестяще решил Вико, впервые применив метод филологической реконструкции содержания древнегреческой мифологии.

Используя принципы цикличности исторического прогресса и единства человеческого рода, Вико в своем сочинении «Основания новой науки об общей природе наций» вы-

двинул идею развития всех наций (народов) по циклам, состоящим из трех эпох, аналогичным возрастам человека (детству, юности и зрелости), — «божественной» (безгосударственность, подчинение жрецам), «героической» (аристократическое государство) и «человеческой» (демократическая республика или представительная монархия). Каждой такой эпохе в развитии народа соответствует свой способ мышления. Например, «эпоха богов» характеризуется антропоморфностью мышления древних: в силу ряда причин «первые люди, как дети», считает Вико, не могли образовывать «интеллигибельные родовые понятия вещей» и «естественно были принуждены сочинять поэтические характеры, т.е. фантастические роды, или универсалии, чтобы сводить к ним, как к определенным Образцам или идеальным портретам, все отдельные виды, похожие каждый на свой род...»¹³. Так, образуя «фантастические универсалии» — много различных Богов, — древние греки и египтяне в этих формах и через них постигали мир, который затем их потомки могли изучать с помощью абстрактного мышления. Различия в характере и способах духовного освоения мира — вот что отличает народы разных культур друг от друга — эта, ставшая в XIX столетии после работ Э.Тайлора аксиомой, идея впервые (хотя и не отчетливо) была инициирована Вико.

Если Вико можно считать предтечей культурной антропологии, то *Иммануила Канта* периода его увлечения натурфилософией по праву можно отнести к числу теоретиков, работы которых заложили основы того направления, которое позже получило название физической антропологии¹⁴. Используя идеи преформизма великих современников-естествоиспытателей (Боннэ, Бюффона, Мопертюи и др.), Кант в своей подготовительной лекции к курсу физической географии в Кенигсбергском университете «О различных расах людей» предпринял попытку обосновать биологическое единство всех народов (человечества), не взирая на их расовые различия. При этом, вопреки распространенному мнению тех лет, он отнюдь не считал белую расу превосхо-

дящей все остальные. Связывая изменение антропологических характеристик разных народов с их жизнью в разных климатических и ландшафтных зонах, обуславливающими изменения в их физиологическом развитии, Кант полагал, что все народы происходят от «основного рода», исходной «человеческой формы», которую уже нельзя встретить где-либо совершенно не измененной. «Мы, — отмечал Кант, — различили четыре человеческие расы, под которые должны подойти все многообразия человеческого рода. Но все эти видоизменения нуждаются все-таки в некотором *основном роде*, который мы или считаем уже исчезнувшим, или из числа существующих должны выбрать такой, с которым можно было бы с наибольшим основанием сопоставить этот искомый человеческий род. Правда, в настоящее время нельзя надеяться встретить где-либо в мире начальную человеческую форму совершенно не измененной. Именно в силу этого стремления природы в течение длинного ряда поколений повсеместно приспособлять все к почве, человек по своему внешнему виду в настоящее время всюду должен носить на себе следы местных видоизменений»¹⁵.

К сожалению, курс лекций по физической географии и антропологии Кантом так и не был прочитан и его идеи об эволюции народов, намного опередив время, так и не получили развития.

Политический подход. Таковым в XVII–XVIII вв. его можно считать по преимуществу, так как все выдающиеся философы и мыслители того времени связывали переход от племенной к собственно «национальной» жизни людей с изменением институтов власти и появлением государства. Поскольку наиболее полно и интересно проблема формирования и эволюции «наций» была рассмотрена выдающимся немецким философом Георгом Вильгельмом Гегелем, остановимся подробнее на основных моментах его политической философии.

Последняя, естественно, базируется на его философии истории, согласно которой вектор исторического развития человечества задан эволюцией «мирового духа», реализующего

себя в различных формах «народного духа». «В-себе-и-для-себя-суший-дух, — писал Г.Гегель, — не простой результат природы, но поистине свой собственный результат: он сам порождает себя из тех предпосылок, которые он себе создает»¹⁶. Душа, по Г.Гегелю, есть «субстанция», абсолютная основа всякого обособления и всякого разъединения духа»¹⁷. Этой основой он объясняет «духовные расовые различия человеческого рода, равно как и различия между национальными духами»¹⁸ и считает необходимым «рассмотреть национальный характер лишь постольку, поскольку последний содержит в себе зародыш, из которого развивается история наций»¹⁹.

Каждая нация у Г.Гегеля характеризуется особой ступенью развития народного духа, который, проявляясь в определенных формах, «есть определенный дух, создавший из себя наличный действительный мир, который... существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах»²⁰.

Но сам «дух народа» является лишь формой проявления «мирового духа»: «Принципы духов народа в необходимом преемстве сами являются лишь моментами единого всеобщего духа, который через них возвышается и завершается в истории, постигая себя и становясь всеобъемлющим»²¹. А «мировой дух» развивается в истории и воплощает свои принципы в виде наций и их исторической деятельности: «Во всемирной истории идея духа проявляется в действительности как ряд внешних форм, каждая из которых находит свое выражение как действительно существующий народ. Но эта сторона этого существования дана как во времени, так и в пространстве в виде естественного бытия, и особый принцип, свойственный каждому всемирно-историческому народу, в то же время свойственный ему как природная определенность»²². Это, по Г.Гегелю, превращает нацию в явление вечное, существующее и оказывающее свое воздействие в течение всей истории человечества, поскольку вся история есть дело «мирового духа» и «народных духов».

Народ, нация как духовный индивид, у Г.Гегеля сочленяется в единое целое — государство, и всеобщность духа народа приобретает в государстве свое бытие и действенность: «То общее, которое проявляется и познается в государстве, та форма, под которую подводится все существующее, является вообще тем, что составляет образование нации. А определенное содержание, которому придается форма общности и которое заключается в той конкретной действительности, которую является государство, есть сам дух народа»²³.

Следовательно, «государство» и «нация» есть две противоположности, которые взаимно определяют друг друга. Термины «народ» и «нация» в ряде случаев используются Гегелем как взаимозаменяемые. И в отношении «народа» («нации») определяющая роль государства состоит в том, что именно оно конституирует «агрегат частных лиц» в собственно «народ». «Дело в том, — пишет Гегель, — что агрегат частных лиц часто называют *народом*; но в качестве такого агрегата он есть, однако, *vulgus*, а не *populus*; и в этом отношении единственной целью государства является то, чтобы народ *не* получал существования, не достигал власти и не совершал действий *в качестве такого агрегата*. Такое состояние народа есть состояние...неразумия вообще»²⁴.

Таков, в самых общих чертах, философский взгляд Гегеля на диалектику «нации» и «государства», представленный великим мыслителем в «Философии духа» и «Философии истории». И если бы он ограничился только им, его трактовка роли государства в образовании наций немногим отличалась бы от интерпретаций его предшественников и современников. Но в своих политических произведениях он столь успешно конкретизировал процесс образования немецкой нации, что его трактовка и по сей день остается крайне интересной.

Прежде всего, заслуживает внимания то, что существование «нации» Гегель связывал не с любым государством, а государством имперским. Беря за основу историю «германского народа» со времен Священной римской империи, он в своей «Конституции Германии» интерпретирует ее как рас-

пад (в XV–XVII вв.) некогда единой германской «нации-государства» на множество современных ему «бюргерских» государств, в которых некогда единый германский народ рискует (благодаря «бюргерскому сословию») утратить, кроме политической, еще и общенациональную — культурную — идентичность. Уже сейчас, констатирует Гегель, многочисленные немецкие государства и их сословия существенно отличаются друг от друга по формам правления, по своим «нравам», «образованию» и «диалектам». Подобная политическая и культурная «гетерогенность» важнейших национальных элементов далее нетерпима. И может быть преодолена в процессе добровольного объединения разрозненных немецких монархий и номинально свободных имперских городов в единое германское государство, силу которого должны обеспечить общее для всех правительство и армия. Правда, замечает Гегель, такие радикальные преобразования, даже если они осознаются, почти никогда не бывают следствием логического вывода. Для них нужна сила принуждения. «Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат Германии»²⁵.

Как известно, начатая Гегелем в 1798 г. «Конституция Германии» впервые была опубликована лишь в 1893-м — спустя почти 20 лет, как Бисмарк железной рукой завершил объединение немецких государств почти в полном соответствии с рекомендациями Гегеля: философа, который дал первый эскизный теоретический проект «нации-государства».

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать, что уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и науки был сформирован комплекс знаний об эволюции народов (в современной трактовке — «этногенезе») и выявлены основные группы факторов, сплачивающие людей в устойчивые коллективы (общности). Климат, ландшафт

ты, территория проживания, язык, хозяйственно-экономические связи, культура, особенности характера, восприятия и мышления — общность одного или нескольких из этих признаков позволяет, по мнению мыслителей того времени, во-первых, объяснить происхождение и развитие народов от «дикости» к цивилизованному состоянию (с характерным для последнего государственным способом бытия), а во-вторых, — отделить один народ от другого. Ведь все перечисленные объективные и субъективные факторы — то, что, с одной стороны, объединяет людей в «народы» и «нации», а с другой — отличает народы и нации друг от друга.

Правда, в качестве особой теоретической проблемы вопрос о содержании искомых дефиниций был поставлен лишь в XIX — начале XX столетия. Его решение стимулировали, с одной стороны, нарастающий процесс образования в Европе, Азии и Америке национальных государств²⁶, а с другой — попытки теоретического обобщения большого исторического, археологического и собственно этнографического материала, завершившиеся формированием социологии, культурной антропологии, этнологии, этнопсихологии, в составе которых термины «этнос» и «нация» перманентно меняли свое содержание. Остановимся подробнее на этом процессе, первоначально сосредоточив внимание на ведущих философских школах XIX столетия — классическом марксизме, его последователях и оппонентах.

Акцентируя внимание на определяющей роли социально-экономических факторов в развитии всемирной истории, Маркс и Энгельс интерпретировали становление буржуазного государства как закономерный итог их влияния, благодаря которому это государство с необходимостью развивается в национальных формах. Это обусловлено тем, что прежние социальные формы общности людей, в которых они жили и трудились, стали узкими для дальнейшего развития производительных сил и творческих способностей людей. Что, в свою очередь, повлекло распад прежних производи-

тельных сил, а в конечном счете — привело к созданию предпосылок для возникновения более высокой формы исторической общности людей — нации.

Согласно классическому марксизму лишь благодаря развитию капитализма в Европе появляется социальная мобильность и растущее общение, ведущее к процессу интеграции и образованию новых исторических общностей: происходит окончательная консолидация наций. При этом экономические связи капитала возможны лишь как связи национальные, когда в национальный рынок вовлекаются, с одной стороны, уже существующие нации, «даже самые варварские нации», а с другой стороны, буржуазия, реализуя свои экономические интересы, конституируется в национальный класс: уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. «Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей»²⁷.

Акцент на объективной (социальной и экономической) детерминации становления буржуазного государства и европейских наций — сильная сторона классического марксизма, до сих пор оказывающая значительное влияние на умы его последователей и оппонентов. Его слабостью оказалось недостаточное внимание к «культурной составляющей» человеческой истории: будучи отнесены к «надстройке» и «формам общественного сознания» религия, искусство, наука, язык и даже государство, действительно оказались «вторичными» и в составе классического марксистского дискурса, в пределах которого «нация» трактуется прежде всего как социально-экономическая и политическая общность.

Одними из первых на эту односторонность марксистской трактовки указали основоположник позитивной философии и социологии Дж.С.Миль и известный историк религии Эмиль

Ренан, обратившие внимание на важную роль в процессе формирования наций (национальностей) именно культурных компонентов, под воздействием которых формируется и функционирует «национальное сознание» и «самосознание».

Милье, в частности, характеризовал нацию таким образом. Часть человечества, писал он, образует «национальность», когда входящие в нее люди объединены общими чувствами, каких нет между ними и другими людьми. Причем это общее всем «чувство национальности» может быть вызвано различными причинами: иногда все дело в тождестве расы или происхождения, иногда объединению людей могут содействовать общность языка и общность религии, а иногда — и географические границы общего проживания. Но наиболее важными нациеобразующими факторами, полагает Милье, являются общность политической судьбы, «общая национальная история и основанная на этом общность воспоминания, общие гордость и унижение, радость и страдание, связанные с сообща пережитым в прошлом»²⁸.

Если Милье решающим фактором образования наций считал «национальное чувство», то Э.Ренан такую же роль приписывал «воле» и «солидарности», а также тому, что впоследствии будет названо «национальным воображением». Согласно его определению, «нация есть... великая солидарность как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, кои в будущем еще будут принесены. Нация предполагает прошедшее; в настоящем она его повторяет... ясно выраженным согласием, желанием продолжать жить сообща. Существование нации... есть ежедневный плебисцит» (*un plebiscite de tous les jours*)²⁹.

Это определение Ренана, ставшее впоследствии классическим образом так называемых «субъективных» определений нации, вместе с тем было достаточно узким, не учитывающим влияние более широкого, «цивилизационного», контекста: социокультурных условий, в которых объективно сосуществуют и развиваются «этносы» и «нации». Помимо «здорового смысла» на важность учета этого обстоятельст-

ва указывали и данные исторических, этнографических и этнологических исследований, социально-философское обобщение которых привело к пониманию «нации» как преимущественно «культурной общности».

В качестве одного из основоположников такого понимания нации можно считать Ф.И.Неймана. В своем труде «Народ и нация» (1888) он определял нацию как «значительную группу народонаселения, которая в результате высоких и самобытных культурных достижений... обрела общую самобытную сущность, переходящую в обширных областях от поколения к поколению»³⁰. В том же духе позднее напишет и А.Фиркандт: «Основой общности, само собой разумеется, и в этом случае является не кровь (принимая во внимание многочисленные смешения), а культура»³¹. Замечание Фиркандта направлено против вульгарно-материалистических трактовок «нации», которые появились во второй половине XIX в. после выхода знаменитой работы Ч.Дарвина (Гобино, Чемберлен и др.) и получили широкое распространение накануне и после первой мировой войны в национал-социализме и которые здесь, в силу их антинаучности, рассматриваться не будут. Тогда как понимание «нации» в качестве культурной общности имеет под собой серьезные эмпирические и теоретические основания, разработкой которых, начиная со второй половины XIX столетия, занимались сначала эволюционная, а затем диффузионистская и функционалистская школы в социологии и этнологии, влияние которых не утрачено и до сего дня.

О них речь пойдет далее. А пока заметим, что подчеркивание определяющей роли в формировании наций «национального характера», «самосознания» и, шире, «культуры» было характерно не только для западноевропейской философской и социологической мысли. Независимо от них с аналогичными, иногда более глубокими идеями выступали и российские философы, пристально следившие за тем, как идет образование национальных государств в Европе и куда, в этой связи, движется Россия.

Одним из первых российских мыслителей, обратившихся к национальной проблематике, был автор «России и Европы» Н.Я.Данилевский, который выдвинул концепцию о неизменных «культурно-исторических типах» народов, противопоставляя славянские народы народам Западной Европы.

Согласно Данилевскому, «всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою ...составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества». Будучи взяты конкретно исторически, культурно-исторические типы представляют собой самостоятельные, своеобразные типы политического, научного, социального, религиозного, бытового, промышленного, художественного и другого исторического развития народов. Данилевский был убежден, что народы, способные сложиться в культурно-исторический тип, последовательно выходят на арену истории, развивая в возможно высшей степени особенности своей духовной природы, затем изнашиваются, уступая место новому культурно-историческому типу.

В связи с этим каждая «историческая национальность» имеет «свою собственную задачу», которую должна решить, «свою идею, свою отдельную сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличнее сама национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях». А необходимое условие для осуществления своей исторической миссии национальность находит в «национально-политической независимости». Философ считал, что стержнем нации является национальное самосознание — самосознание своей неповторимости и уникальности. Чувство своей судьбы, своей предназначённости — вот что делает народ нацией, ставит перед ним цель³².

В.С.Соловьев исходил из того, что, признавая существование и реально единство человеческого рода, мы должны рассматривать человечество как социальный организм, жи-

вые члены которого представляют различные нации. При этом очевидно, что «ни один народ не может жить в себе, через себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, — вот истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога»³³.

Смысл существования наций, по мнению В.С.Соловьева, лежит не в них самих, а в человечестве. Истинное сущностное единство человечества до христианства было лишь пророческой идеей, когда в действительности существовали лишь разъятые члены вселенского человека — племена и нации, разделенные или частично связанные внешней силой. Эта идея «стала плотью», когда абсолютный центр всех существ открылся во Христе. С тех пор, пишет Соловьев, великое человеческое единство, вселенское тело Богочеловека реально существует на земле. И хотя оно несовершенено, но «оно движется к совершенству, оно растет и расширяется вовне и развивается внутренно». Поэтому «сам Христос, призвав в последнем слове своем к апостолам существование и признание всех **наций** (Матф. XXVIII, 19), не обратился сам и не послал учеников своих ни к какой нации в частности: ведь для Него они существовали лишь в своем моральном и органическом союзе, как живые члены одного духовного и реального тела. Таким образом, христианская истина утверждает неизменное существование *наций* и прав *национальностей*, осуждая в то же время *национализм*, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида...»³⁴.

Но главное внимание В.С.Соловьев уделял национальной идее, осуществление которой требует объединения всех наций на земле: «Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы (т.е. церкви, государства и общества. — Ю.Г.) — вот в чем русская идея», для осуществления которой «...нам не нужно действовать *против* других наций, но с ними и *для* них, — в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная»³⁵.

Один из самых известных русских философов XX в. Николай Бердяев также исследовал русскую идею в очерке «Душа России» и в серии статей, составивших книгу «Судьба России». По его мнению, главной характерологической чертой русской идеи является «религиозный messiаниззм», наполняющий глубоким содержанием все стороны жизни российского общества, его историю, сознание, культуру. Полагая, что «нация рационально неопределима. В этом идея нации имеет аналогию с идеей церкви», он, говоря уже о русской нации, считал, что «русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России»³⁶.

Иным было понимание нации С.Н.Булгаковым, считавшим, что национальность существует как «совершенно особая, своеобразная историческая сила»³⁷. По Булгакову, нация есть не какое-то коллективное понятие или логическая абстракция: она выступает как «творческое живое начало, как духовный организм, члены которого находятся во внутренней живой связи с ним»³⁸. Реальное единство нации есть идея нации. И только потому, что мы реально принадлежим к нации, «как живому духовному организму», мы сознаем себя членами нации. Подобная принадлежность совершенно не зависит от нашего сознания, так как «нация не есть порождение нашего сознания или нашей воли, скорее наоборот, самое это сознание национальности и воля к ней — суть порождение ее»³⁹. Нации, как и люди, рассуждал он, появляются, когда «этнографическая смесь превращается в нацию с ее особым бытием, самосознанием, инстинктом, и эта нация затем ведет самостоятельную жизнь, борется, отстаивая свое существование и самобытность»⁴⁰. Согласно Булгакову, национальность опознается в интуитивном переживании действительности.

Как видим, российская социально-философская мысль в своих основных интенциях воспроизвела центральные «сюжеты» западноевропейских мыслителей и уже в начале XX в. открыто (в сборнике «Вехи») противопоставила себя радикальному крылу российского марксизма. Последний после

революции 1905 г. и накануне первой мировой войны переживал не лучшие времена, и, сосредоточив силы в «национальном вопросе» на борьбе с австромарксизмом, пытался разработать программу национальной политики большевизма.

В Австро-Венгрии, империи, где ряд национальностей подвергались угнетению, интересы политической борьбы (так же как и в России) диктовали австрийским социал-демократам необходимость создания собственной программы решения «национального вопроса». У истоков ее стояли видные теоретики II Интернационала Карл Реннер и Отто Бауэр.

В своей книге «Национальный вопрос и социал-демократия» (1907) Бауэр разработал собственное понимание нации как «культурной общности», которая выражается в «общности характера» народа, возникающего в истории из «общности его судьбы».

Благодаря такой общности судьбы и действию механизма национальной апперцепции любое новое представление или же культурная ценность воспринимаются и осознаются (апперципируются) каждым человеком сообразно его национальной сущности. Говоря о собственном «духовном Я» нации, Бауэр к национальному характеру относил и особый уклад (Bestimmtheit) воли: «В каждом акте познания воля проявляется во внимании, из целого ряда явлений, данных опытом, внимание останавливается лишь на некоторых и только их апперципирует...»⁴¹. Нация апперципирует, подчеркивал он, сообразно какой-то активной психологической деятельности, которая и составляет ее «душу». Тем самым, в сущности, Бауэр неявно постулирует некий мистический национальный дух, который, будто бы, управляет всей историей нации, сохраняя неизменной ее сущность. В итоге автор приходит к следующему определению нации: «Нация есть совокупность людей, общностью судьбы сплоченных в общность характера»⁴².

Поскольку Бауэр редуцировал «нацию» к «общности характера», он естественно элиминировал из своей концепции марксистский постулат об определяющей роли буржу-

азных экономических отношений в формировании наций. В его понимании нация существовала как «форма» уже в первобытном обществе, поскольку в нем имела место культурная общность. Исходя из этого, он заявил о том, что «общность культуры, покоящаяся на общности происхождения, объединяет всех германцев в одну нацию»⁴³.

Лишь позже, с развитием частной собственности на средства производства, «германская нация» утрачивает свое культурное единство и распадается на племена. С разделением на классы и утратой культурного единства она создается лишь той частью народа, которая представляет собой культурное сообщество, — феодалами в средние века, образованными людьми в раннекапиталистическую эпоху и буржуазией в эпоху подъема капитализма. Бауэр пишет об этом так: «Общность *рыцарской культуры впервые объединила господствующие классы всех немцев*, впервые сплотила немцев в нацию»⁴⁴. И только современный капитализм, по мнению Бауэра, приводит к восстановлению более широкой национальной культурной общности, причем полного развития она может достигнуть лишь при социализме.

С критикой такого подхода выступил Карл Каутский. Но на замечания Каутского об определяющей роли политических и экономических факторов в процессе образования современных национальных государств и соответственно наций Бауэр ответил, что базовой основой нации является культурная общность составляющих ее людей. «Для того чтобы понять образование современных наций, следует рассмотреть этот процесс возрождения культурного (и, следовательно, языкового) единства нации»⁴⁵.

Ортодоксального марксиста В.И.Ленина такая, в его понимании «идеалистическая», концепция наций устроить не могла, и он резюмировал позицию Бауэра следующим образом:

- «(а) идеалистическая теория нации
- (b) лозунг национальной культуры (= буржуазный)
- (c) национализм очищенный, утонченный, абсолютный, вплоть до социализма

(d) полное забвение интернационализма

(e) = *национальный оппортунизм*⁴⁶.

В 1912–1914 гг. в РСДРП развернулась широкая дискуссия по национальному вопросу, в которой, помимо Ленина, активное участие приняли также Ф.Э.Дзержинский, Б.М.Кнунянц, С.Г.Шаумян и И.В.Сталин. Последний выпустил получившую в партии большой резонанс серию статей «Национальный вопрос и социал-демократия», изданных в 1914 г. отдельной брошюрой «Национальный вопрос и марксизм», и позднее опубликованную в его сочинениях под названием «Марксизм и национальный вопрос». В этой работе Сталин сформулировал следующее, на долгие годы ставшее в СССР каноническим, определение нации: **«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»**. При этом Сталин подчеркивал: «...достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией... **только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию**»⁴⁷.

Следует иметь в виду, что различные трактовки содержания понятия «нация», концепции происхождения и эволюции наций, выдвинутые западноевропейскими и российскими философами и теоретиками марксизма в конце XIX — начале XX вв., складывались не только под влиянием используемых ими ведущих философских и социально-политических теорий исторического процесса, но и в значительной мере были результатом обобщений данных и выводов этнографии, антропологии и этнологии. Во второй половине XIX столетия эти дисциплины переживали период бурного роста. И хотя четких границ между ними установлено не было⁴⁸, в каждой из них были получены результаты, позволившие создать довольно стройные концепции происхождения, взаимодействия и развития этносов, не утративших значения до сего дня. Рассмотрим подробнее этот процесс, концентрируя основное внимание на теориях, принадле-

жащих к двум наиболее влиятельным научным направлениям XIX – начала XX столетия – «эволюционизма» и «диффузионизма».

Напомним, что эволюционизм сначала в качестве идеи, а затем и в качестве междисциплинарной концепции зародился еще в XVIII в.⁴⁹ А в классической форме теорию эволюции и естественного отбора изложил Ч.Дарвин в работе «Происхождение видов», вышедшей в свет в 1859 г. Она и стала основной теоретической базой этнологических исследований⁵⁰.

В этнологии одним из старейших представителей этого направления был Г.Клемм, который в 1843–1847 гг. опубликовал свою пятитомную «Общую историю культуры человечества». Вслед за ним австрийский юрист и историк И.Унгер выпустил (1850) в свет свой основной труд «Брак и его всемирно-историческое развитие». И, наконец, в 1859 г. Т.Вайц публикует свою «Антропологию диких народов», где делает попытку объединить антропологические, психологические и культурно-исторические точки зрения, ставя перед новой наукой задачу исследовать основные направления догосударственного периода развития человечества с тем, чтобы подготовить «естественную основу истории».

По мнению большинства исследователей Г.Клемм, Т.Вайц и И.Унгер могут быть признаны пионерами эволюционистского образа мыслей в этнографии. А их последователям, английским этнологам Э.Тайлору, Дж.Мак-Леннану и Дж.Лаббоку, принадлежит заслуга первыми и почти одновременно представить уже завершенные эволюционистские концепции⁵¹.

В Германии становление эволюционизма было связано с именами О.Пешеля, А.Бастиана и И.Липперта. В частности, Бастиан, в работе «Общие основания этнологии» (1871) исходил из так называемой «клеточной» теории культуры, которую он сочетал с концепцией географических провинций. По его мнению, «клетки» культуры (которые исследователь трактовал как «элементарные идеи», первичные куль-

турные элементы) в случае одинаковых условий жизни всех первобытных людей должны были бы быть идентичными повсюду на Земле. Именно они якобы лежали в основе всех последующих этнокультурных трансформаций, которые реально осуществлялись в различных «географических провинциях» земного шара в виде «этнических идей», являющихся модификациями «элементарных идей». Бастиан надеялся, что, реконструировав «клетки», ему, таким образом, удастся свести все этнокультурное многообразие к нескольким основным элементам, которые в его системе представляли собой своего рода гипотетическую первобытную культуру человечества⁵².

В отличие от Европы, где эволюционистские концепции росли как грибы, в США эволюционизм распространялся сравнительно медленно. Первой работой, основывавшейся на эволюционистском подходе, стала работа Л. Моргана «Системы родства и свойства», опубликованная им еще в 1858 г. Но основное значение, конечно, имела фундаментальная монография «Древнее общество» (1878), на основе которой Ф. Энгельс написал свою еще более знаменитую работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Если суммировать основные методологические идеи этнологических концепций эволюционистского толка, то их можно свести, по меньшей мере, к пяти постулатам:

1. История человечества есть непрерывный прогресс, представляющий собой прямолинейный процесс перехода от простого ко все более сложному и подчиняющийся единым универсальным законам развития.

2. Ее началом следует считать некое исходное «первобытное общество», которое имело единые для всех народов социальные, культурные и экономические модели развития.

3. Этногенез мыслится преимущественно как культурное развитие народа (народов), точнее – развитие его (их) культуры. Его основой является первичная культура (культурная целостность), элементы которой так или иначе пред-

ставлены в каждой культуре. Поэтому развитие культуры каждого этноса происходит в соответствии со стадиями и ступенями, едиными для всех культур в мире.

4. Схожесть тех или иных культур объясняется тем, что все люди имеют примерно одни и те же умственные способности и в сходных ситуациях будут принимать одни и те же решения. Наличие или отсутствие контактов между культурами принципиального значения не имеет.

5. Современные бесписьменные (примитивные) народы рассматриваются как пережиток древних времен. Предполагалось, что изучение их культур ведет к реконструкции культуры «первобытного общества» в целом.

По мере дальнейшего развития науки и накопления новых эмпирических данных к концу XIX в. все чаще стали обнаруживаться слабые стороны эволюционистской парадигмы, находясь в пределах которой этнологам и антропологам не удавалось удовлетворительно объяснить многие факты. Новый обширный этнографический материал во многих случаях не согласовывался с эволюционистскими схемами. Начались поиски новых путей в исследованиях культур, их изменения и распространения. Так возникла парадигма диффузионизма, в основу которой была положена идея не о линейном прогрессе, а о неизбежной диффузии (взаимопроникновении) культур в процессе миграции этносов (народов).

Именно в больших и малых передвижениях (переселениях) народов автор «Антропогеографии» (1909), основоположник диффузионизма Ф.Ратцель и его последователи (Ф.Гребнер, Э.Норденшельд, Э.Фробениус, Г.Элиот-Смит и др.) усматривали источник распространения культуры (культур) или ее (их) элементов из одного или нескольких центров. Исследовательская цель ученых-диффузионистов состояла «в точном показе пространственного распространения культур или отдельных культурных элементов, в выявлении областей их происхождения, реконструкции путей перемещения элементов культуры и определения временных рамок этого перемещения»⁵³.

В рамках парадигмы диффузионизма существовало несколько научных направлений. **Историко-географическое** (в значительной степени связанное с именем Э.Норденшельда, основная работа которого «Сравнительные этнографические исследования» вышла в 1919 г.) стремилось, на основе изучения этнических культур, показать временную последовательность культурного развития. **Гелиолетическое** выводило все письменное культурное развитие человечества из Древнего Египта. А **концепция «культурных кругов»** сводила развитие первобытного общества к нескольким первоначальным культурным кругам, каждый из которых характеризовался определенным набором специфических культурных элементов. На основании этого ранняя культура человечества приравнивалась ко всей совокупности культурных кругов, а последующие этнические варианты культуры могли возникнуть лишь в результате миграций и смешений⁵⁴.

Наиболее полно концепция культурных кругов была разработана в исследованиях Л.Фробениуса и Г.Элиот-Смита, основная работа которого «Культура» увидела свет в 1925 г. Но вне зависимости от направлений общими для всех концепций диффузионизма были: а) географическая привязка происхождения культурных элементов к определенным регионам, откуда они затем распространялись по планете и б) понимание развития культуры как результата заимствований, переносов и смешений ее элементов. Культура в целом, считали этнологи-диффузионисты, изменяется за счет пространственного перемещения культур отдельных народов и их элементов. Причем это перемещение затрагивает не только предметы материальной культуры, но и отдельные идеи самого разного типа (религиозные, художественные и т.д.), а также целые системы идей: идеологии и мифологии.

Уже к середине 1920-х гг. диффузионизм стал терять популярность, и на авансцене этнологических и антропологических исследований прочно обосновалась парадигма функционализма, о достоинствах и недостатках которой будет сказано позже. А пока отметим, что в XIX — начале XX сто-

летия этнографические и этнологические исследования проводились не только в Европе и США, но и в многонациональной России, правительства которой были крайне заинтересованы знать как можно больше о быте и нравах населяющих ее народов.

В России начало эволюционизму положил замечательный ученый К.Д.Кавелин, который, по мнению многих, на десятилетие раньше Э.Тайлора сформулировал, например, основы теории пережитков. Среди поздних эволюционистов следует упомянуть Л.Я.Штерберга, Н.И.Зибера и, конечно, М.М.Ковалевского, издавшего ряд серьезных трудов, посвященных патриархальной общине. Более того. Именно в России, в 40-х гг. XIX в., а не в Германии 60-х гг., как ранее было принято считать, было положено начало этнопсихологии, последующее развитие которой было связано прежде всего с именами выдающегося психолога Г.И.Челпанова и не менее выдающегося философа Г.Г.Шпета.

Как и Кавелин, Челпанов предлагал реформировать психологию, обратившись от ее экспериментального направления к культурно-историческому (этническому), которое давно уже складывалось на периферии этой науки. Он обратил внимание на то, что в русской этнографии собраны бесценные данные о духовной жизни многих народов России, к которым еще не прикасалась рука профессионального психолога. Речь шла прежде всего о материалах, которые в середине XIX в. по программе известного русского мыслителя Н.И.Надеждина собирались в этнографическом отделе Русского Географического общества. Программа Надеждина, включавшая сотни вопросов, преследующих цель получить как можно более подробное описание нравов, быта, психического склада народов России, была отпечатана в нескольких тысячах экземплярах и разослана во все губернии, откуда стали поступать материалы со всех концов империи. Эти материалы, десятилетиями накапливающиеся в архивах Русского Географического общества, Челпанов, который был с ними хорошо знаком, в качестве богатейшей эмпирической

базы использовал для создания собственной версии этнопсихологии, теоретической базой которой должна была стать философия марксизма.

Исходя из марксистского постулата о том, что сущность человека есть совокупность общественных отношений, Челпанов утверждал, что специфику этнического сознания людей следует искать в своеобразии социальной организации их жизни, культуры и социального окружения. Объективно предшествуя осознанно-волевым действиям индивидов, эти социокультурные условия их бытия определяют не только содержание этнического сознания, но и формы осознания людьми разных национальностей своей этнической принадлежности. Именно осознание своей культурной специфики — то, что, согласно Челпанову, организует людей в устойчивые этнические общности⁵⁵.

Если Челпанов предлагал строить этнопсихологию на основе марксизма, то его союзник Гюстав Шпет работал над проектом перестройки этнической психологии на началах философии Гуссерля. Он занялся этим в первые годы советской власти, полагая, что обращение к «коллективному сознанию» позволит найти компромисс между Гуссерлем и Марксом. Опираясь в значительной мере на труды по «народной психологии» В.Вундта, Шпет полагал, что этнопсихология должна изучать «уклад» коллективной духовной жизни народов, благодаря которому каждый народ и самоопределяет себя в этом качестве (т.е. в качестве особого «народа»), и противопоставляет себя другим народам. «Народ, — утверждал Шпет, — есть прежде всего историческая категория, его возникновение, как и вся его жизнь, определяются конкретно, что он есть *этот* народ, есть объект этнической психологии как особое переживание: «народности», национальности и т.п., каковые термины являются уже категориями чисто психологическими. Анализ этого переживания показывает, что все его содержание складывается из присвоения *себе* известных социальных и исторических взаимоотношений и в противопоставлении их *другим* наро-

дам. «Духовный уклад» народа есть величина меняющаяся, но неизменно присутствующая при всяком полном духовном переживании»⁵⁶.

Если внимательно прочесть это высказывание Шпета, становится очевидным, что в нем описывается процедура, позднее названная этнологами и психологами актом «этнической идентификации», посредством которого люди причисляют себя к той или иной этнической группе. Справедливо указывая на важную роль этнического сознания («народного духа») в конституировании этноса, Шпет, между тем, придает процедуре этнической идентификации не психологический, а философско-онтологический статус: совокупность людей существует как «народ» в той мере, в какой люди, входящие в эту совокупность, идентифицируют себя в этом качестве. Не случайно в подтверждение своих мыслей он ссылается на соображение Лацаруса-Штейнталя, которое характеризует как «прекрасную мысль»: «Народ есть духовное произведение индивидов, которые принадлежат к нему; они — не народ, а они его только непрерывно творят. Выражаясь точнее, народ есть первый продукт народного духа»⁵⁷.

В начале XX столетия эта точка зрения, очевидно корреспондирующая с высказыванием Э.Ренана («нация...есть ежедневный плебисцит»), была весьма распространена и позже легла в основу так называемого «субъективно-символического» подхода и инструментально-конструктивистской парадигмы в этнологии и других общественных науках.

Завершая наш, поневоле краткий, обзор эволюции понятий «этнос» и «нация» в философии и общественных науках XVII — первой трети XX вв., следует еще раз отметить, что за этот период содержание терминов менялось неоднократно. В зависимости от профессиональной принадлежности понимания природы и эволюции этих исторически сложившихся, устойчивых общностей людей трактовалась по-разному. В качестве сущностных признаков этносов и наций объявлялись то единство «естественных» условий жизни народов,

то единство их хозяйственно-экономических связей, то «языка» и «культуры», а чаще всего — «народный» или «национальный» дух (сознание), активность которого будто бы интегрирует людей в этносы и нации. Попытки же выработать некое универсальное и потому приемлемое для всех определение дефиниций также не увенчались успехом.

В итоге многие специалисты пришли к выводу: поскольку дать точное понятийное определение «этносу» и «нации» невозможно, их предпочтительно вообще элиминировать из категориального состава обществознания. «Национальность, — писал, например, еще в 1920 г. Питирим Сорокин, — такая же сборная группа для социологии, какой является группа растений, объединяемых одним термином «овощи» в ботанике, группа животных, обозначаемых в общежитии термином «дичь» в зоологии»⁵⁸. И вообще, по его мнению, нет смысла искать общие признаки нации, ибо «зоологи и ботаники таких попыток — не делают, но социологи, увы... одним термином «национальность» обозначают различные по своему составу кумулятивные группы»⁵⁹. Спустя тридцать лет к аналогичному выводу пришел Г.Кон, заявивший, что хотя некоторые реальные факторы (территория, государство) имеют большое значение для образования наций, тем не менее, объяснить ими существование нации нельзя, тем более дать ее «точное понятийное определение»⁶⁰.

Любопытно отметить, что попытки отказаться от использования понятий «этнос» и «нация» были предприняты не только на Западе, но и в постсоветской России, где, начиная с 90-х годов XX в., развернулись жаркие дискуссии по поводу обретения Россией новой «национальной идентичности», в ходе которых было предложено подвергнуть традиционное содержание указанных дефиниций радикальному пересмотру или, даже, совсем исключить их из состава науки. Рассмотрим подробнее, как это было, сосредоточив внимание на методологических основаниях отечественного и зарубежного теоретического дискурса.

Методологический анализ современных отечественных и зарубежных дискуссий

Как уже отмечалось, проблемы теоретических исследований этнонациональной проблематики имеют явно выраженное практическое значение для судеб современной России, ее национального единства. Однако в многочисленных околонучных публикациях, посвященных поиску новой «российской идентичности» единства взглядов ни по одному из ключевых вопросов нет. Одни на роль общенациональной идеологии предлагают «русскую идею», другие – «евразийскую», третьи предлагают России поменять идентичность на базе инкорпорирования в массовое сознание западных (неолиберальных) ценностей, четвертые, наоборот, предлагают оставить все как есть...

Разброс мнений в понимании ключевых дефиниций так широк, что некоторые отечественные исследователи, как уже отмечалось, вообще усомнились в научности категориального аппарата, много лет используемого этнологами, политологами и социальными философами. На том основании, что обществоведение в эпоху СССР было «служанкой политики». С этим следует согласиться. И даже усилить этот тезис, заявив, что и в нынешней России (как и в других странах) многие исследования явно и опосредованно ангажированы различными социальными структурами, политическими пристрастиями и системами ценностей их авторов. Но это вопрос для обсуждения профессионалов, занимающихся социологией знания и науки. А в данном разделе книги я попытаюсь обсудить вопрос о смене философско-методологических (парадигмальных) оснований многолетнего теоретического дискурса по проблемам «этносов» и «наций» в отечественной и зарубежной литературе. В частности, я собираюсь показать, во-первых, что истоки современной дискуссии о том, считать ли категории «этнос» и «нация» научной фикцией связаны со сменой исследовательской парадигмы внутри научного сообщества, и что, во-вторых, конкурирующие парадигмы (под-

ходы) вполне жизнеспособны, а выработанные внутри них категории не только противостоят, но и в чем-то дополняют друг друга, будучи «пограничными» дефинициями в системе социальных наук. К числу таких пограничных понятий, в-третьих, относится категория «нация», различные трактовки которой научно равноправны.

* * *

Как эволюционирует наука (ки) и ее (их) отдельные дисциплины с точки зрения современных представлений философии и методологии науки? Прежде всего, наука рассматривается как сложно организованное системное целое, которое детерминировано, с одной стороны, характером исследуемых объектов, а с другой — социокультурными условиями, в которых осуществляется ее развитие. Современная наука дисциплинарно организована и каждая из дисциплин каждой отрасли знания, в свою очередь, детерминируется внешне и внутренне. В каждой отдельно взятой научной дисциплине есть значительное многообразие различных форм знания (эмпирические факты, гипотезы, законы, теории различного типа и различной степени общности), которые организуются в целостность благодаря «основаниям», на которые они опираются. Основания определяют стратегию научного поиска и во многом обеспечивают включение его результатов в культуру исторической эпохи.

Исследователи выделяют по меньшей мере три главные составляющие блока оснований науки: «нормы и идеалы исследования» (которые в совокупности создают «обобщенную схему метода»), «научную картину мира» (в том числе и «научную картину социального мира») и так называемые «философские основания», которые выполняют в том числе и эвристическую функцию, участвуя в построении новых теорий и целенаправляя перестройку нормативных структур науки и картин реальности⁶¹.

В свете нашего исследования важно подчеркнуть, что революционные преобразования в науке (комплексе наук или отдельных дисциплинах) связаны не только с кардинальными изменениями в «верхних этажах», но и с изменениями в срезе ее оснований, глубина и характер которых зависят от того, полностью или частично эти основания меняются. Как правило, серьезные изменения начинаются в сфере «парадигмы» (Т.Кун) или «категориальной матрицы» — базовой нормативной общей теории, сдвиги в которой или смена которой определяет качественный скачок в развитии той или иной дисциплины (комплекса дисциплин). Преобразования протекают не моментально, а, как правило, в ситуации конкуренции нескольких общих теорий (подходов), одна из которых затем становится доминирующей (нормативной) в сообществе ученых и определяет вектор дальнейшей эволюции дисциплины.

Если мы с высоты этих обобщений посмотрим на логику истории эволюции наших социальных наук, в той или иной мере занимавшихся исследованием этнической и национальной истории человечества в 60–90-е гг. XX в., то увидим, что она в целом укладывается в общую схему эволюции науки. Но с одной существенной оговоркой: развитие теоретического дискурса по этнонациональной проблематике шло в условиях дефицита, характерной для науки, например для естествознания, перманентной критической рефлексии над философско-методологическими основаниями производства знания в рамках своих дисциплин. Ситуация изменилась только в 1990-е гг. — вместе со сменой общественно-политического строя на территории нынешней России. А до этого о радикальной смене исследовательской парадигмы почти никто не помышлял.

Разумеется, сказанное не означает, что в 1960–1980-е гг. не было приращения социального знания. Но оно происходило по мере изменения политических условий функционирования наук и в той мере, в какой истматчики (совместно с

историками, социологами и этнологами) корректировали базовую нормативную теорию. Рассмотрим основные этапы этого процесса.

* * *

Прежде всего, зафиксируем тот факт, что вплоть до начала хрущевской оттепели ни о каком пересмотре нормативной теории исторического процесса речи быть не могло. Как не могло быть и речи о пересмотре сталинского, четырехпризнакового, определения нации. **«Нация, — писал Сталин, — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности специфических особенностей национальной культуры»⁶²**. Изменения начались в 1960-е гг., когда многие историки выразили неудовлетворение категориальным аппаратом истмата, использование которого не позволяло объяснить многие особенности рабовладения и феодальной эпохи. Началась знаменитая дискуссия об «азиатском способе производства», послужившая толчком к обсуждению на страницах философских и исторических изданий проблемы соотношения логического и исторического в познании общества. В ходе этого обсуждения было зафиксировано, что сущность исторического процесса, выраженная в абстрактно-теоретической форме, у некоторых исследователей подменила собой реальное многообразие и сложность истории. «Обращаясь к работам, в которых рассматривается тот или иной отрезок истории, — писал, например, А.Я.Гуревич, — мы нередко видим, что понятие «формация» без обиняков переводится из плана логического в план конкретно-исторический... Вместо признания того, что констатация определенных черт исторической реальности дает возможность сконструировать на их основании некую теоретическую модель, выполняющую важную познаватель-

ную функцию и позволяющую на определенном теоретическом уровне исследовать историческую реальность, ищут эту модель на «грешной земле»⁶³.

Констатация того, что формация является не более чем «теоретической моделью», средством теоретического описания конкретной истории имело далеко идущие последствия как для самой теории формаций, так и для ее использования в качестве методологии социальных наук. Прежде всего, было признано и в начале 1970-х даже вошло в учебные пособия, что марксизм «не запрещает», если это поддается анализу исторического материала, выделить еще одну («азиатскую» или «раннеклассовую») формацию⁶⁴, что формации это не только «социальный тип общества», а скорее — «социальный организм», включающий в себя в том числе и «исторически обусловленные, устойчивые общности людей», «особые формы организации семьи и общественные идеи»⁶⁵, что, наконец, не только бытие людей определяет их сознание, но и сознание активно в отношении «общественного бытия».

Применительно к концептуальным разработкам в области национально-этнической проблематики эти изменения в базовой нормативной теории привели к тому, что к доминирующей в 1950—1960 гг. исторической типологии человеческих общностей (племя-народность-нация), основанной на особом характере социальных связей, добавилась их формационная периодизация, а к числу четырех атрибутивных характеристик (признаков) «нации» стали прибавлять еще и ее «самосознание» и «общественную психологию». В конце 1960-х — начале 1970-х гг. развернулась дискуссия (в которой приняли участие философы, историки, этнографы, представители других наук) по всему комплексу проблем, связанных с «нацией», «национальным» и «интернациональным»⁶⁶. В ее ходе было отмечено, что определение нации, данное И.В.Сталиным, неполно, а непременным свойством национальных общностей является наличие у них определенной социальной структуры и самосознания (в том числе и само-

названия). Дискуссия способствовала преодолению ряда упрощений и открыла новые возможности для исследования проблемы наций и межнациональных отношений.

Одновременно с этим появилась тенденция к сближению понятий «этнос» и «нация», благодаря чему многие исследователи (Т.Ю.Бурмистрова, М.С.Джунусов, П.М.Рогачев, М.А.Свердлин и др.) стали трактовать нацию как «социально-этническую общность». Так, по мнению Бурмистровой, нация это «социально-этническая общность людей, характеризующаяся единством промышленной экономики, территории, литературного языка, национального характера и культуры. ...Как исторически сложившаяся общность людей, нация является преемницей племени и народности, однако все признаки нации качественно иные, чем у донациональных общностей»⁶⁷.

М.И.Куличенко, напротив, подчеркнул более органичную связь нации с донациональными общностями, их созвездие: «нация представляет собой исторически сформировавшуюся устойчивую общность, основу существования и развития которой составляют присущие определенной формации социальные связи..., сложившиеся в неразрывном единстве с этническими связями, выступающими в виде общности национальной территории, литературного языка, национальных традиций и обычаев... Причем национальные связи людей... отражаются также и в общественном сознании (национальное сознание) в общественной психологии (национальная психология)»⁶⁸. Анализируя это определение нации, А.Козинг отметил, что «упоминание социальных связей общественной формации в определении основ существования нации делает это определение более точным, чем предлагаемое Бурмистровой». Но об этом им не хватает упоминания исторической роли нации и того, что нация есть «закономерно возникающая структурная форма и форма развития капиталистического и социалистического общества», а значит, и форма сосуществования народов в одном государстве⁶⁹.

Исходя из этого, А.Козинг дал следующее определение нации: «Нация как закономерно возникающая структурная форма и форма развития общества характеризуется следующими общими отличительными чертами: историческим характером своего возникновения и становления, своими экономическими основами, определяющими сущность нации, языком, как важнейшим средством общения, и территорией, на которой происходит объединение национальных областей и образование национального государства»⁷⁰.

Солидаризуясь в целом с такой трактовкой, С.Т.Калтахчян вместе с тем подчеркивал, что указать на эти признаки нации можно тогда, когда она сформировалась. Но прежде чем говорить о признаках нации, необходимо выяснить, какие условия сделали возможным и неизбежным возникновение нации. Согласно его позиции в образовании нации участвует ряд факторов. Одни из них, как, например, общности экономических связей, языка, территории, являются условием формирования нации, а затем и ее признаками. Другие, как, в частности, государство, а также особенности культуры, психологии, хотя и не фигурируют в качестве признаков нации, «тем не менее, играют важную, а государство — даже решающую роль в жизни нации».

Доказывая, что роль условий возникновения нации не тождественна роли признаков, указывающих лишь на свойства нации, по которым мы узнаем ее и отличаем от других общественных явлений, С.Т.Калтахчян отмечал: «Различать, однако, не значит провести между ними непроходимую грань и сказать, что условия не могут фигурировать также в качестве признаков»⁷¹.

Надо вспомнить, что в 1960-е и 1970-е гг. развитие содержания дефиниции «нация», главным образом, происходило в контексте обсуждения того, что следует понимать под якобы возникшей в СССР «новой исторической общностью» — «советским народом».

Одним из первых, кто попытался рассмотреть советский народ в качестве новой исторической общности, был М.Д.Каммари, который писал, что «такой устойчивой исто-

рической общности, такого народа как **этнического** образования, состоящего из множества социалистических наций и в то же время единого по своему социальному, духовному, моральному облику, еще не знала история человечества. Это, с нашей точки зрения, уже не «нация», а более *высокая и широкая* по типу историческая общность (экономическая, политическая, культурная и даже языковая), чем народ и нация»⁷².

В этой связи ряд исследователей даже посчитали, что в Советском Союзе начался новый этап нациеобразования. Например, А.А.Юсупов писал, что в СССР идет процесс «создания единой нации с единым языком». А.В.Ефимов рассматривал развитие советского народа как проявление тенденции к формированию «единой советской нации», а М.Ихлов в полемическом задоре даже утверждал, будто бы «вырисовывается облик новой этнической общности... – советский народ». Возражая против такой, мягко выражаясь, экстравагантной точки зрения, Н.Н.Чебоксаров справедливо указывал, что «советский народ не является, конечно, этнической общностью»⁷³.

Впоследствии С.Т.Калтахчан, Л.Н.Князев, П.М.Рогачев, М.А.Свердлин, П.Н.Федосеев и некоторые другие стали характеризовать «новую» историческую общность не только как «интернациональную», но и как «социально-классовую». «Советский народ, – писал, например, Федосеев, – это не особая нация или этническая категория, а новая историческая форма социального и интернационального единства людей различных наций. В этой общности гармонически сочетаются, с одной стороны, общесоветские – по своей природе социалистические и интернациональные – черты, а с другой – национальные особенности народов, специфические интересы которых внимательно учитываются Коммунистической партией и Советским государством при решении задач всех наций и народностей, всего нашего советского общества. Это единство возникло на почве союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, на почве расцвета и сближения советских наций»⁷⁴.

Данное определение имело много последователей. С ним солидаризовались, в частности, Э.А.Баграмов, Т.Ю.Бурмистрова, Ю.Ю.Вейнгольд, М.С.Джунусов, М.П.Ким, Э.А.Тадевосян, А.И.Холмогоров и многие другие. Правда, были попытки объявить новую общность продолжением того ряда общностей, в который входят «племя — народность — нация», но они большого успеха не имели.

Оживленные дискуссии о том, считать ли «советский народ» новой (интернациональной) исторической общностью людей, новой «нацией» или новым «этносом», продолжались почти до конца 1980-х. С высоты сегодняшнего дня они выглядят как схоластическое теоретизирование по поводу «пустых» универсалий. Между тем с точки зрения истории и методологии науки они представляют несомненный интерес, поскольку, в конце концов, выявили (в том числе и для некоторых участников диспута) бесперспективность попыток в пределах *одного* общего теоретического дискурса успешно позиционировать ключевые дефиниции «этноса» и «нации».

Впервые, кстати, это довольно отчетливо осознали на Западе, где примерно в это же время в рамках теоретической этнологии и социологии в пределах ранее (т.е. еще в конце XIX — начале XX в.) заявленных позиций сформировались три основных подхода к изучению этнонациональной проблематики: «**натуралистический**» (эволюционистский), «**социентальный**» (в его социально-экономическом, культурологическом и «коммуникационном» вариантах) и «**субъективно-символический**».

Сторонники «натуралистических» концепций, в частности Э.Пригард и его последователи, продолжая традицию, берущую начало в трудах Монтекссье и социал-дарвинистов, предлагали считать основными детерминантами формирования и развития этносов влияние антропо-биологических характеристик и «географической среды» (климата, ландшафта и т.п.)⁷⁵. Возражая им, сторонники социентальных концепций интерпретировали формирование этносов и, особенно, наций как результат влияния социально-экономиче-

ских, политических или культурных изменений в европейских государствах. «Причиной, сделавшей нации столь желанными, — писал, например, Энтони Д.Смит, — послужило воздействие тройственной западной революции, или, точнее, трех типов революций, происходивших на Западе в разное время в разных странах. Это — революция в сфере разделения труда, революция в контроле управления и революция в культурной координации»⁷⁶. Существенным моментом последней, по его мнению, был переход к общенациональным государственным системам образования, которые обеспечили относительную культурную гомогенность полиэтнических европейских государств.

Эта позиция, по существу, корреспондировала со взглядами Эрнеста Гелнера и Карла Дойча, интерпретировавших становление наций как результат целенаправленных усилий государства в сферах образования и социальных коммуникаций. «Принадлежность к тому или иному народу, — писал К.Дойч, — основывается в значительной степени на распространности дополнительной социальной коммуникации. Она сводится к способности более эффективно общаться по широкому кругу тем с членами большой группы, чем со стоящими вне ее»⁷⁷. Придерживаясь позиции К.Дойча, П.Лудц определял нацию так: «Нации, будучи общностями, сформировавшимися и сложившимися как в историко-политическом, так и социально-экономическом отношении, понимаются как особенно конденсированные структуры коммуникации и активности, в которых люди взаимно соотносятся и образуют единое целое. В этом смысле нации являются продуктом деятельности и общения людей, входящих в нее. Людей, принадлежащих к одной нации, связывает как сознание своей национальной принадлежности, дающее направление их деятельности, так и воля к образованию и поддержанию этого единого целого»⁷⁸.

Указание на значимость «сознания» и «воли» в процессе национальной интеграции — свидетельство перехода автора на позиции субъективно-символических концепций,

согласно которым определяющим фактором, консолидирующим людей в этнические и национальные общности, являются этническое и национальное «сознание» и «самосознание». Так, отвечая на вопрос: «Что составляет нацию?», американский социолог У.Коннор писал: «Исходное начало субъективное, оно состоит в осознании людьми в рамках определенной группы, общности своего прошлого, настоящего и — что наиболее важно — своей судьбы»⁷⁹. Кстати, отрицание объективных характеристик нации, отождествление ее с индивидуальным или групповым чувством в то время было, и теперь остается весьма распространенным для многих зарубежных авторов. Например, израильский ученый Этингер утверждал, что «невозможно определить нацию объективными показателями. Слишком часто такие факты, как субъективное чувство принадлежности к общине, общей судьбе, единства оказывается более сильным, чем объективные условия».

Надо заметить, что очевидная противоположность исследовательских позиций уже в 1950—1960 гг. породила у многих ученых весьма скептическое отношение к самим попыткам дать точное определение понятию «нация». По мнению Г.Кона, хотя некоторые объективные факторы (территория, государство и др.) имеют большое значение для образования наций, тем не менее, объяснить ими происхождение и существование нации нельзя, и тем более — дать ее «точное понятийное определение»⁸⁰. Известный британский специалист по национализму Х.Сетон-Уотсон также утверждал, что «не может быть научного определения понятия «нация»... Все, что я могу сказать по этому поводу, — это то, что нация существует, когда значительное число людей, принадлежащих к какой-либо общности, считает, что они составляют нацию, или ведут себя так, как если бы они составляли нацию»⁸¹. Аналогичной точки зрения придерживался и Э.Карр, полагавший, что следует воздерживаться от формулирования дефиниции, потому что «нацию» как общность определить нельзя.

Разумеется, с этими утверждениями можно спорить. Но не подлежит сомнению тот факт, что содержание категорий «этнос» и «нация», образованных путем простого перечисления их атрибутивных признаков, во многом тождественно. Общие территория проживания, государственность, язык, культура, самоназвание, самосознание и ряд других признаков имеются (либо отсутствуют) у многих наций и этносов. Например, существуют этносы (поляки, ирландцы, монголы и др.), которые образовывали и имеют собственное государство, и есть общепризнанные «нации» (каталонцы, фламандцы, шотландцы или русские), у которых оно отсутствует. Пожалуй, нет ни одного характерного признака, по которому можно было бы точно различать этносы и нации. Функционалистское или же предложенное у нас С.А.Арутюновым (а за рубежом К.Дойчем) различие по плотности информационных связей внутри этносов и наций в современных условиях тотальной информатизации тоже не работает. Как не срабатывает и широко представленная в западных исследованиях апелляция к «особому менталитету», «национальному характеру» — как и другие, она не позволяет провести четких границ ни между этносами, ни между нациями, ни тем более между нациями и этносами. Иначе говоря, *оставаясь в пределах какого-либо одного — атрибутивного или субъективно-символического — подхода, точно позиционировать понятия «этноса» и «нации» нельзя.*

По-видимому, впервые в Советском Союзе отчетливо это осознал Л.Н.Гумилев, предложивший рассматривать этносы в одном ряду с биологическими популяциями, как «феномен природы», источником изменений которых является превращение различных форм геокосмической энергии в биохимическую энергию живого вещества, которая, трансформируясь в физиологическую и психическую энергию людей, формирует «этническую пассионарность».

По Гумилеву, человек — часть биосферы, а все человечество находится под воздействием энергии. Благодаря энергетическому импульсу — пассионарному толчку — идет абсо-

лютная ломка, в процессе которой старые этносы исчезают и появляются новые. Каждый новый вид этноса возникает как следствие мутации — изменения генофонда живых существ под воздействием внешних условий в определенное время и в определенном месте. Этносы, доказывал Гумилев, явление не социальное, а природное. Они отличаются стереотипами поведения, хотя постепенно облакаются в социальную оболочку. Группа этносов в одном регионе может создать суперэтнос.

Л.Н.Гумилев полагал, что новые этносы возникают на границах ландшафтных регионов, в зонах этнических контактов, где неизбежны интенсивная метисация, сочетание различных культур, типов хозяйств⁸². При этом этнос проходит в своем развитии несколько фаз: фазу пассионарного подъема, акматическую фазу (в пределах которой происходит образование «суперэтноса»), за которой следуют «надлом», инерционная фаза, фаза «обскурации» и «мемориальная». Для всех народов, по его мнению, наиболее значимыми и наиболее выраженными являются акматическая фаза и фаза надлома, когда кардинально меняются их отношения с этническим окружением. Новый цикл развития может быть вызван только очередным пассионарным толчком, способствующим возникновению новой пассионарной популяции, которая не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало новому витку этногенеза⁸³.

Следует иметь в виду, что в конкретных описаниях этнос у Л.Н.Гумилева выглядит как социоприродное явление, но определяется им преимущественно как биофизическое образование. Он утверждал, что «этносы являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку»⁸⁴. Это обстоятельство воспринималось и сейчас интерпретируется многими авторами как принципиальное противоречие его концепции. Однако противоречия здесь, по-видимому, нет, так как, согласно концепции Гумилева, этнос является связующим звеном в едином социобиосферном комплексе. Он связывает две противополо-

ложности — биосферу и социально организованную деятельность людей, — и при этом полностью не относится ни к одной из них. Иначе говоря, этнос объединяет в себе особенности природы и общества.

Не смотря на то, что с конца 1970-х и в 1980-е гг. учение В.И.Вернадского о биосфере Земли усиленно превозносилось на страницах многих, в том числе философских изданий, концепция этногенеза Гумилева подверглась ожесточенной критике и до сих пор не признается в качестве добротной многими этнологами, историками и антропологами. Понятно почему. Ведь Гумилев предложил коллегам ни много, ни мало положить в основание исследований биосферную концепцию — т.е. **сменить парадигму**. А к этому научное сообщество было тогда, да и теперь, не готово.

Кажется, Макс Планк проницательно заметил, что нормативные фундаментальные теории и концепции сходят с научной сцены по мере того, как вымирают их адепты. Действительно, смена научно-исследовательских парадигм — сложный процесс, длительность которого обусловлена не только осознанием частью научного сообщества ограниченности объяснительных возможностей базовой фундаментальной теории, но и влиянием социокультурной среды, в которой осуществляется производство знания. Ситуация осложняется тем, что и претендующая на парадигмальный статус новая социальная концепция или теория также имеет ограниченный объяснительный потенциал. Возможно, она лучше, чем прежняя объясняет ряд фактов и факторов, но, в силу «предметности» любого теоретического знания, она также односторонняя, как и конкурирующие с ней в корпусе социальных наук (дисциплин) фундаментальные концепции. Ни от одной из них сразу никто не отказывается, справедливо полагая, что они еще не исчерпали свой потенциал. Как правило, господствующая парадигмальная концепция «обрастает» защитным поясом гипотез и менее общих теорий, позволяющих оградить ее от контраргументов. Но так или иначе, по мнению многих специалистов, объяснить смену

парадигм только рациональными аргументами нельзя. Процесс смены — и результат рационального выбора участников теоретического дискурса, и результат «веры», и результат определенной конвенции внутри научного сообщества, на которую оказывают влияние и вненаучные факторы.

Если иметь в виду эти соображения, становится понятным, почему под влиянием критики Л.Н.Гумилев впоследствии смягчил свою позицию и по существу стал трактовать этнос как биосоциальный организм, в эволюции которого значительную роль играют и социальные факторы. В свою очередь некоторые (но отнюдь не большинство) его оппонентов также скорректировали свои взгляды и признали важное влияние на этногенез географической (ландшафтной) среды и форм воспроизводства человеческой популяции (брачных связей). Последние, стали писать, также являются «этнообразующими факторами», под воздействием которых формируются так называемые «этникиосы» (собственно этнические общности людей), многие из которых затем входят в состав тех или иных «социальных организмов» (территориально — политических единиц). Так наряду с «субэтносами» (частями этноса, имеющими специфические черты и свое самоназвание) и «метаэтносами» (охватывающими несколько народов) появляется особо сложное образование — «этносоциальный организм» (ЭСО), эволюция которого, будто бы, и образует «нацию».

Наиболее последовательно эта позиция, трактующая нацию как исторически возникший тип этноса («этносоциальный организм» или «этносоциальная общность»), была заявлена в работах Ю.В.Бромлея, Д.М.Дробижевой, М.С.Джунусова, В.И.Козлова и некоторых других. Так, возражая против того, чтобы понимать под нациями только крупные этносоциальные общности, академик Бромлей указывал, что в мире существует достаточно много и очень небольших этносов, не отличающихся по своим характеристикам (формационная принадлежность, социально-классовая структура, наличие государственности, интен-

сивность внутренних культурно-информационных связей) от крупных национальных общностей. Их выделяют в особый подтип – «микронации» (например, италосвейцарцы, люксермбуржцы, мальтийцы). В то же время не все сравнительно малочисленные этносоциальные общности представляют собой микронации – большинство из них не обладает всеми обязательными для нации параметрами. Поэтому их обозначают термином «народность»⁸⁵. В тех или иных авторских вариантах эта точка зрения до сих пор является наиболее распространенной, хотя и она уязвима для критики.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. ее критиковали с позиций разных дисциплинарных подходов (культурологического, социально-психологического и политологического), но всегда с одним и тем же выводом: этнологическое понимание нации как исторического типа существования этнической общности ведет в теоретический тупик с далеко идущими политическими последствиями для судеб страны. Ведь если четких критериев для различения «нации» и «этнуса» («народа», «народности») нет, то в многонациональном государстве, каким был СССР и каковым остается Россия, любой народ или народность может объявить (и объявляет!) себя «нацией» и реализовать свое законное право на государственное самоопределение вплоть до выхода из состава союзного государства или федерации.

В начале 1990-х, когда новая Россия еще не имела своей Конституции, этот, *политический*, аспект теоретического дискурса имел решающее значение для выбора и обоснования многими исследователями своей теоретической позиции. Как впоследствии признавал сам В.А. Тишков (бывший в ту пору министром по делам национальностей), для него и его единомышленников перевод обсуждения проблемы нации в плоскость политологии был продиктован именно этим (хотя и не только) обстоятельством⁸⁶. Поэтому он предложил отказаться от термина нация в его этнологическом и социально-философском значениях, и наполнить его содер-

жанием, которое «принято в мировой научной литературе и международной практике» — т.е. понимать «нацию» как совокупность граждан одного государства.

По существу этой же позиции придерживался и Ю.М.Бородай, утверждавший, что «нация есть нечто непременно предполагающее опыт государственно-правового строительства». Различие состояло лишь в способе — фило-софско-культурологическом — обоснования этой позиции. Если «этнос — субстрат прежде всего... фольклорно-этнографический», то «национальный духовный субстрат представляет собой не что иное, как развернутый культурный принцип. И главным в этом категориальном переходе является замена регуляции отношений между людьми посредством обычаев, традиций регуляцией посредством государственно-правовых норм»⁸⁷. Аналогичным образом аргументировали свою позицию Ю.Шипков и В.М.Межуев. «*Нация*, — отмечал последний, — *есть межиндивидуальная коммуникация людей на базе некоторых общих для них ценностей и норм, задаваемых...не общим происхождением, кровным родством или просто совместным проживанием, а культурой*, т.е. системой некоторых вынесенных вовне символических образований»⁸⁸. Иначе говоря, «нация, в отличие от этноса, — это то, что существует не во мне, а вне меня, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором»⁸⁹. Тем самым по существу утверждалось, что «данность» нации субъекту устанавливается в процессе *самоидентификации* последнего, то есть *субъективно-символически*.

Теоретически и методологически иначе рассуждал В.Н.Шевченко. По его мнению, нации не «вырастают» из этносов. Они формируются в «империях», являющимися полиэтническими государствами. «Поэтому граждане могут иметь различное этническое происхождение, но принадлежать к одной нации, жить в одной культуре. Этническое дается человеку от рождения, им глупо гордиться или тяготиться, а нацию можно сменить»⁹⁰. Следовательно, и Шевченко

вслед за Тишковым и другими (правда, по иным теоретическим основаниям) также придерживался концепции «нации-государства», основанной на философии и методологии инструментализма и конструктивизма, которые, начиная с 1980-х гг., активно использовались многими зарубежными исследователями, изучавшими процесс образования наций в Западной и Центральной Европе.

В качестве принципа исследования инструментально-конструктивистский подход был применен еще в 1964 г. британским обществоведом Эрнестом Гелнером, заявившим, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические принципы. В этой связи сопоставим несколько высказываний зарубежных и отечественных специалистов.

В своей книге с симптоматичным названием «Воображаемые общности. Размышления о происхождении и распространении национализма» не менее Гелнера известный ученый Бенедикт Андерсон пишет: «В рамках антропологии я предлагаю следующее определение нации: она есть воображаемая политическая общность, при этом воображаемая как имманентно ограниченная и суверенная. Она *воображаемая*, потому что члены даже самой маленькой нации никогда не знакомы с большинством своих соплеменников, никогда не встречаются с ними и даже не слышат о них, но в то же время *в голове каждого живет образ их общности*» (курсив мой. — Ю.Г.). Рассуждать, продолжает Андерсон, о подлинности или не подлинности этих образов общности не стоит, поскольку все они — продукт воображения. «Общности различаются не по их вымышленности или подлинности, а по способу их воображения»⁹¹.

Способы воображения людьми самих себя как принадлежащих к той или иной групповой «общности» не значительно меняются от эпохи к эпохе. Радикальный сдвиг происходит в XVII—XVIII вв. — в эпоху распространения «печатного капитализма» (массового книгопечатания и

появления газет), распада «династийных государств» и распространения административных и печатных языков, повсеместность которых, раздвинув в воображении людей границы внешнего мира, изменило его восприятие – мир стал восприниматься и воображаться как более широкая – надэтническая – общность людей одного государства. Тем самым, по мнению Андерсона, была подготовлена почва для появления «идеи нации», которая затем усилиями интеллектуалов и политиков была оформлена в политический принцип и идеологию национализма, получивший практическое воплощение в «национальном государстве»⁹².

Следовательно, Андерсон полагает, что появление «национальных государств» – результат сознательного насаждения политическими элитами идеологии национализма («идеи нации»), на основе которой полиэтническое население европейских государств стало идентифицировать себя в качестве политической общности – нации как согражданства. В основе процесса образования наций лежит хорошо описанная в социальной психологии и социологии процедура идентификации («воображения» в терминологии Андерсона) человека с той или иной группой. А значит, и нации реально существуют не вне, а благодаря общественному сознанию. Они – субъективно-символическая реальность.

Сходным образом рассуждает и Энтони Д.Смит. Заметив, что внутри современных государств есть и «этнии», и «нации» и что каждая этния стремится стать нацией, он пишет, что исторически это стремление воплощалось в «концепциях нации», которые (по мере распространения всеобщей грамотности, административных языков, формирования «общих мифов и символов») вырабатывались идеологами национализма и последовательно воплощались в жизнь бюрократами централизованных европейских государств. Последние намеренно старались сделать население своих, полиэтнических, разговаривающих на разных языках и диалек-

тах, стран культурно гомогенным и превратить его в сознательных граждан. Так на основе выработки идеологии государственного национализма, предполагающей стирание культурных различий этносов, последовательно и вполне рационально формировалось национальное сознание французов, немцев и других народов. «Kulturkampf в германском рейхе Бисмарка выразил гомогенизирующий порыв государственных элит при выковывании единого национального сознания среди разных и недавно приобретенных немецкоязычных территорий»⁹³.

Таким образом, и Смит также полагает, что «нация» (как согражданство) это не научное понятие, отражающее ряд объективных характеристик новой исторической общности людей, а идеологический конструкт, выработанный бюрократами и интеллектуалами в сугубо прагматических целях — укрепления государства.

В других формулировках и по другому поводу ту же мысль повторил и В.А.Тишков, заявивший со ссылкой на североамериканского специалиста Т.Эриксона, что понятие «нации» является продуктом идеологии национализма, что оно есть «элитная конструкция». «По моему убеждению, — писал Тишков, — нация — это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки»⁹⁴. «Нация», считает уважаемый автор, это понятие, которое входит в корпус знаний, который следует характеризовать как «политическая концептуализация». «Политическая концептуализация — это своего рода система элитных предписаний, которая вырабатывается учеными, политиками и просвещенной публицистикой, чтобы через эти предписания в виде доктрин, концепций и программ осуществлять гражданскую миссию, утверждать свой статус, отправлять власть и управлять обществом»⁹⁵. Думаю, откровенно инструменталистский

характер этого утверждения комментария не требует⁹⁶. Понятие «нация» предложено исключить из категориального аппарата науки, записав его по ведомству «политической концептуализации».

К продуктивности концепции осознанного политического конструирования наций и «нации-государства» мы еще вернемся. А сейчас, в рамках нашей попытки реконструкции теоретического дискурса по этнонациональной проблематике, зафиксируем тот факт, что к середине 1990-х гг. в корпусе отечественного общественнознания под явным влиянием зарубежных исследований сформировались, как минимум, четыре теоретико-методологических подхода, в рамках которых осуществлялось изучение этносов и наций: *натуралистический, социентальный* (атрибутивный), *субъективно-символический и инструментально-конструктивистский*. Соответственно им можно выделить и четыре вида концепций, которые (с точки зрения их следования научным и философским традициям) можно объединить в две группы: концепции «*традиционные*» (натуралистические и социентальные) и «*модернистские*».

Разумеется, можно построить и другие типологии, взяв за основу, к примеру, «модернистский проект» нациестроительства и его «внутренних» и «внешних» критиков, к числу которых Энтони Смит относит «инструменталистов» (Пьер Ван ден Берг, Клиффорд Гирц, Пол Брасс), «этно-символистов» (Хью Сетон-Уотсон, Дорон Мендельс, Адриан Гастингс) и многочисленных адептов «гендерных» концепций⁹⁷. Но в контексте предпринятого здесь философско-методологического анализа было важно зафиксировать, во-первых, смену философских (парадигмальных) оснований заявленных подходов, а во-вторых, что не менее важно, — отсутствие желания у большинства отечественных и зарубежных исследователей хоть как-то сблизить теоретические позиции.

Ситуация складывается таким образом, что, не взирая на обоюдную критику, и во второй половине 1990-х гг., и в настоящее время все конкурирующие между собой концеп-

туальные подходы имеют своих приверженцев. Некоторые, правда, пытаются их совместить. Так, например, придерживаясь сам субъективно-символического подхода в трактовке «нации», Ю.М.Бородай считает, что если говорить об этносе, то «надо полностью согласиться с Гумилевым: этнос есть как бы чисто природная общность, то, что передается немецким словом *Gemeinwesen*. Это — общность, которая, с одной стороны, представляет собой феномен, непосредственно коррелирующий, в частности, с ландшафтом и природными условиями; с другой стороны, ее трансцендентное ядро — это местные нравы, обычаи, культ, но не рационализованная нравственность и не высокоразвитая мировая религия, претендующая на всеобщую значимость». Более того, обособленный этнос, по его мнению, — это сущность чисто природная в том смысле, что она не сформировалась как межэтническая культурно-правовая общность⁹⁸.

В свою очередь, и трактовка нации как этносоциальной или же этнокультурной общности также остается весьма распространённой. Полемизируя со сторонником инструментального подхода Тишковым, отстаивающим идею нацигосударства, Р.Абдулатипов, например, утверждает, что «категорию нации можно определить как этносоциальную (и не всегда кровнородственную) общность со сложившимся самосознанием своей идентичности, территориально-языковым и экономическим единством...»⁹⁹. Тогда как М.О.Мнацакян, наоборот, считает необходимым трактовать нацию как исторически сложившуюся «социокультурную общность людей»¹⁰⁰, а социологи из Центра конфликтологии Института социологии РАН вообще предложили рассматривать ее «как внутригрупповую дефиницию, которая фиксирует в себе систему символических представлений...»¹⁰¹.

После относительной социально-экономической и политической стабилизации, наступившей в России в последние годы, «градус» дискуссий об «этнотонах», «нациях» и «национальном государстве» в отечественном научном сообществе заметно снизился. Тем не менее адепты заявленных

выше концепций продолжают придерживаться прежних взглядов, лишь слегка их модернизировав. Так, например, уже в 2001 г. сторонник атрибутивного подхода Г.И. Мирский добавил к основным признакам нации «участие в управлении при наличии гражданских прав» и «вертикальную экономическую интеграцию». И вслед за Энтони Д. Смитом предложил считать основным фактором формирования нации — «комплексное наследие объединяющих ценностей»¹⁰². М.О. Мнацаканян, проанализировав в своей последней книге различные точки зрения на природу наций и национализма, также остался на прежних позициях¹⁰³. А яркий сторонник идеи политического конструирования нации в государстве А. Колбев в недавно вышедшей монографии «Нация и государство. Опыт консервативной реконструкции», основываясь на субъективно-символическом понимании «политического»¹⁰⁴, утверждает о тождественности «нации» и «имперского государства». И предлагает отстраивать Россию как нацию — государство на основе возврата к «православной сакральной империи»¹⁰⁵ — идеи, которую еще накануне I мировой войны активно отстаивали В.Я. Брюсов, В.В. Розанов, М.О. Меньшиков и многие другие русские мыслители конца XIX — начала XX вв.¹⁰⁶. Спустя столетие их идеи и аргументацию уже в современной России воспроизводят авторы, группирующиеся вокруг Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН), возглавляемой Евгением Троицким¹⁰⁷.

Круг, как говорится, замкнулся. И многолетние научные дискуссии уже в наши дни завершились очередным всплеском русского национализма и имперской идеологии, о которых будет сказано ниже. Но что делать ученым — исследователям? Неужели отдать этнонациональную проблематику на откуп политикам и обслуживающих их идеологам, трактующих плюрализм современного научного курса как свидетельство беспомощности научного знания? Думаю, делать этого не следует. Но об этом речь пойдет в следующем параграфе.

«Нация» и «этнос» как объекты дисциплинарных и социально-философских исследований

Не взирая на то, что в ходе многолетних дискуссий ее участникам так и не удалось серьезно сблизить позиции, с нашей точки зрения (т.е. точки зрения истории и методологии науки) польза от них была. По крайней мере, они прояснили ограниченность и прежних, и новых подходов, претендующих на звание «единственно верной» нормативной теории. Таковой, на наш взгляд, попросту не существует. Понимание этого обстоятельства крайне важно для специалистов в области теории этногенеза, происхождения и эволюции наций. Как важен и учет того, что все объекты социальных наук (в том числе «этноты» и «нации») относятся к числу уникальных исторически развивающихся систем, корректное изучение которых требует от специалистов использования идей и понятий, обладающих междисциплинарным статусом. Идея глобального эволюционизма, коэволюции живой и неживой «материи», получающая обоснование в так называемом «антропном принципе», глобализация понятия «свободы», разрушающая прежнее представление о причинности, мысль об онтологической укорененности сознания в бытии мира — эти и сопутствующие им идеи, обретая статус общенаучных *регулятивов*, размывают демаркационную линию между картинами реальности, вырабатываемыми естествознанием и науками социогуманитарного цикла.

Идет процесс формирования «пограничных дисциплин», позволяющий перекинуть концептуальный «мостик» от социогуманитарного знания к естественнонаучному и обратно. Реально это означает возможность включить некоторые понятия социальных наук в различные естественнонаучные онтологии и наоборот. Параллельно с этим следует производить такую же операцию и со смежными дисциплинами обществознания через «пограничные» категории, к числу которых, по-моему, наряду с «этносом» относится и понятие «нация».

Надо не отрицать их научность, а отчетливо представлять себе, что они относятся к числу *междисциплинарных* категорий, расположенных на границах между социальной философией, социологией, политологией, этнологией и другими дисциплинами, так или иначе его использующими. Каждая из этих дисциплин в силу имманентной предметности научного знания теоретически вычленяет лишь одну из сторон (аспектов) таких сложных, исторически изменчивых феноменов, каковыми для внешнего наблюдателя являются «этносы» и «нации». Будучи абстрагированы от своей феноменальной данности и структурированы посредством «категориальной сетки» и системы методов, используемых различными науками, они являют себя уже в форме «теоретических объектов» — структурных элементов той или иной (философской, социологической, психологической, политологической и др.) «онтологии», в пределах которой они существуют как особая «научная реальность».

Разумеется, содержание этих теоретических объектов (понятий и категорий) отнюдь не произвольно — «нации» и «этносы» имеют референты в объективной социальной действительности в виде совокупности свойств (характеристик), которыми действительно обладают сплоченные в общность исторически конкретные группы людей. Но разумеется и то, что это содержание во многом определяется не только предметом исследования, но и «теоретическим окружением», в составе и контексте которого «живут» названные дефиниции. Попадая в теоретический контекст другой науки, они неизбежно меняют свое содержание, наполняясь новыми смыслами. Так или примерно так осуществляется филиация понятий в науке, за счет которой научное знание получает дополнительный импульс развития, вектор которого, как уже отмечалось, определяется результатами конкурентной борьбы научных школ и базовых нормативных теорий. Ни одну из них нельзя считать «истиной в последней инстанции» (хотя многие претендуют как раз на это), но все они в чем-то дополняют друг друга, акцентируя исследование на одной

(нескольких) из многих сторон изучаемого объекта, полностью «исчерпать» который не может ни одна из прикладных или фундаментальных дисциплин.

К сожалению, сформулированный почти столетие назад и обретший статус эпистемологического императива принцип дополнительности дисциплинарных и необходимости развития междисциплинарных исследований и подходов до сих пор плохо осознается теми, кто профессионально изучает этническую и национальную проблематику. Многие из них предпочитают работать в пределах одной избранной ими парадигмы, с порога отвергая в качестве «ненаучных» все иные возможные подходы либо на основании их слабого «эмпирического оправдания», либо путем апелляции к «идеалу научности», под которым обычно понимается комплекс нормативов их собственного (дисциплинарного) исследования. Подтвердим сказанное несколькими примерами, хорошо иллюстрирующими это наблюдение.

Один из них, хронологически первый, нами уже упоминался. Речь идет об аргументации выдающегося социолога Питирима Сорокина, критиковавшего «метафизический подход» к определению нации и, в конце концов, объявившему этот термин не удовлетворяющим требованиям «реалистической социологии» и, следовательно, ненаучным. Рассмотрим его аргументы.

Справедливо указывая на то, что германских теоретиков, апеллирующих к «метафизической основе», «национальному духу» или «национальному сознанию» немецкой нации, нормально мыслящий человек и тем более ученый понять не в состоянии, Сорокин анализирует те признаки нации, которые большинство исследователей признают в качестве ее атрибутивных характеристик и которые поддаются рациональной критике. Отказываясь серьезно полемизировать с адептами концепций, определяющих нацию как «единство расы», ибо эти взгляды уже давно опровергнуты наукой, он скрупулезно рассматривает теории, усматриваю-

шие отличительный признак нации в единстве языка, религии, нравов, экономики, культуры и некоторых других ее объективных и субъективных характеристик.

Если бы язык, отмечает Сорокин, был решающим признаком «нации»¹⁰⁸, «то тех лиц (а таковых немало), которые одинаково хорошо и с детства владеют несколькими языками, пришлось бы признать денационализированными, а следовательно, венгры, владеющие и венгерским и немецким языками, не могли бы считать себя по национальности венграми. То же относилось бы и ко всем «многоязычным» лицам и народам. Во-вторых, люди, обычно принадлежащие к различным нациям, например англичане и американцы, раз они говорят на английском языке, должны были бы составить тогда одну английскую нацию; американской нации, как не обладающей собственным языком, тогда не могло бы быть. И, наконец, туринец, сицилиец и миланец не могли бы принадлежать к одной итальянской нации, так как их языки весьма далеки друг от друга»¹⁰⁹.

Впрочем, даже если принять признак «единства языка» в качестве атрибута нации, то и тогда мы не избавимся от целого ряда противоречий и сомнений. «Первое сомнение гласило бы: *насколько расходящимися должны быть языки или наречия*, чтобы язык, а соответственно и народ, говорящий на нем, могли быть признанными в качестве самостоятельных национальных единиц? Если это *расхождение должно быть основным*, тогда пришлось бы признать, например, национальностью только славянство и объединить в эту национальность такие группы, как великороссы, малороссы, поляки, сербы, болгары, русины и т.д. Каждый из этих народов в отдельности не мог бы составить национальность, ибо языки их более или менее близки. То же нужно было бы сказать и о французах, итальянцах и румынах как единицах, говорящих на языках родственных....

Если же это различие языков должно быть незначительным, то мы попадаем в новую крайность. Почему тогда это различие не уменьшить и вместо русского, польского, укра-

инского языков или наречий не считать таким достаточным различием простое отличие говоров. Логических препятствий для этого нет»¹¹⁰.

Наконец, если бы все дело было в языке, то тогда, полагает Сорокин, «едва ли можно было бы говорить о русской национальности или о национальности бельгийской или английской», поскольку народы, населяющие эти страны, говорят на разных языках. То же самое, продолжает автор, можно сказать и о всех других признаках нации.

Таким признаком не может быть и *религия*, так как люди, относящие себя к одной национальности, сплошь и рядом исповедуют различную религию, и наоборот, люди, принадлежащие к одной религии, сплошь и рядом являются представителями различных наций. Не является искомым признаком и общность экономических интересов, «так как очень часто (если не всегда) экономические интересы русского рабочего меньше противоречат экономическим интересам немецкого пролетария, чем русского капиталиста». Не может быть искомым признаком нации и «*единство исторических судеб*». Последние весьма изменчивы и текучи.

Но, может быть, искомым критерием служит единство морали, права и нравов? «Увы! Нет! Кому же не известно, что разница между русским крестьянином и русским баринном в этом отношении гораздо большая, чем между русским баринном и немецким аграрием». Не является таким критерием и «*единство культуры*», поскольку это «туманное пятно» состоит как раз из тех элементов, о которых только что шла речь. «Выбросьте из «культуры» язык, религию, право, нравственность, экономику и т.д., и от «культуры» останется пустое место»¹¹¹. Правда, замечает Сорокин, встречаются попытки установить понятие и сущность национальности путем подчеркивания психологической природы этого явления. Национальность, говорят сторонники этой теории, — это «осознание своей принадлежности к определенному политическому телу», вызываемое различными причинами — религиозными, экономическими, правовыми, единством языка, исторической традицией и т.д.

Если вдуматься в это определение, то мы видим, что здесь центр тяжести лежит на психологическом отнесении себя к тому или иному обществу или группе. Но ясно, что и это определение только ставит, а не решает вопрос. К примеру, я, как журналист, отношу себя к определенному социальному телу — редакции (группа людей), как православный — к определенной церкви (тоже группа), как «подданный» России — к русскому государству (тоже группа), как говорящий на русском, эскимосском, французском и английском языках, я отношу себя ко всем лицам, говорящим на них. Во всех случаях у меня налицо «осознание своей принадлежности» к той или иной группе. Которая же из них будет моей нацией? В отдельности ни одна из этих связей не есть национальная связь, а вместе взятые они противоречат одна другой. Теория не дает определения, а потому и ее приходится отвергнуть. И она «туманна, не ясна, не верна»¹¹².

А что же в итоге? В итоге ни одна из теорий, включая теории, определяющие нацию как «коллективную душу», по мнению Сорокина, не удовлетворяет требованиям «реалистической социологии»: в процессе анализа «национальность, казавшаяся нам чем-то цельным, какой-то могучей силой, каким-то отчеканенным социальным слитком, эта «национальность» *распалась на элементы и исчезла*.

Вывод гласит: национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела»¹¹³.

А глубокое понимание дела состоит, на наш взгляд, в том, что «национальность» (нация) в качестве особого понятия «исчезла» не из «науки» и тем более не из социальной философии, а из ...социологии Питирима Сорокина в силу той самой «предметности» научного знания, о которой мы уже упоминали. Ведь предметная область не только социологии Сорокина, но социологии вообще задается представлением о социальной реальности как системе связей и действий индивидов. Поэтому структурными элементами «он-

тологии», с которыми работает социолог, являются «социальная система», «связь», «социальное действие», «институты», «социальная функция», «кумулятивная группа» и другие теоретические объекты, в числе которых таким сложным, историческим феноменам, каковыми являются «этносы» и «нации», просто не находится места и они неизбежно редуцируются к своим социальным «составляющим» в полном соответствии с требованием методологического единства дисциплинарного исследования.

Здесь любопытна не сама редукция, которая неизбежна, а то, что сами специалисты ее, как правило, не замечают, наивно полагая, что это и есть единственно возможный, подлинно «научный» подход к исследованию. Проиллюстрируем это на примере эволюции парадигмы социологического функционализма в этнологии, основные идеи которой, будучи первоначально сформулированы еще Э.Дюркгеймом, затем (в 30–50 гг. XX в.) получили развитие в трудах английских исследователей Б.Малиновского и А.Радклиф-Брауна.

В полном соответствии с общими методологическими установками функционалистского подхода Б.Малиновский полагал, что задачи этнологии состоят не в изучении этносов «как таковых», во всем многообразии их свойств и черт, а лишь в изучении этнических «культур», основная функция которых в том и состоит, чтобы интегрировать (сплотить) людей в некую устойчивую общность. Общность, которая с необходимостью всегда живет в исторически определенных социальных формах — «институциях» (семья, клан, община, племя) и поддерживается «элементами» материальной и духовной культуры, которые, в свою очередь, служат воспроизводству этой, вполне традиционной, жизни в процессе удовлетворения основных (общих) потребностей всех членов общности.

К числу основных потребностей Малиновский относил потребности трех типов: базовые (необходимость в пище и удовлетворении прочих физиологических потребностей), производные (т.е. потребности в распределении пищи, в раз-

делении труда, в защите, в регулировании репродуцирования, социальном контроле) и интегративные (потребности в психологической безопасности, социальной гармонии, системе познания, законах, религии, магии, мифологии, искусстве и т.д.). Все «элементы» культуры функционально «нагружены» — выполняют функцию удовлетворения одной из перечисленных выше потребностей. Магия, например, дает психологическую защиту от опасности, а миф придает авторитет системе управления и ценностям, присущим данному обществу. Культура, справедливо утверждает Малиновский, «не имеет бесполезных и лишних элементов» — если какой-то обычай устойчиво воспроизводится, значит, он зачем-то нужен¹¹⁴.

Если в теории Малиновского функциональность культуры и ее элементов определяется тем, что она прямо или косвенно удовлетворяет потребности человека и тем самым служит организации совместной жизни людей, то в концепции будущего президента Королевского института этнографии Великобритании Радклифа-Брауна обычаи, ритуалы, моральные нормы и другие культурные элементы рассматриваются не через призму системы потребностей. Их интегрирующая и иная роль для сообщества людей (семьи, общины, клана и др.) устанавливается через понятие «социальной системы», структуру которой они составляют. Иными словами, английский ученый, поскольку он использует методы и категориальный аппарат социологии, отождествляет «социальные» и «культурные» структуры общества. И делает это потому, что убежден: «изучение культуры возможно не автономно, а лишь в контексте характеристики социальной системы, и поэтому следует говорить не о культуре, а о социальной системе»¹¹⁵.

С точки зрения социологии такой подход, как уже отмечалось, методологически оправдан: социология «по определению» не занимается изучением «этносов» или «культур» как таковых. Ее предметная область — «группы», «коллективы», «общества», чьим способом существования являются

«социальные действия» индивидов, связанных между собой системой социальных отношений – «социальной структурой», функционирование которой и есть то, что иначе называют «социальной жизнью». Такой взгляд, считает Радклифф-Браун, «дает нам фундаментальную аксиому науки об обществе. Возможна ли наука о культуре? Ф.Боас считал, что нет. Я с ним согласен. Вы можете только изучать культуру в качестве характеристики социальной системы. Поэтому если вы стремитесь создать науку, то это будет наука о социальных системах»¹¹⁶.

Следовательно, полагает исследователь, «если говорить о выработке концепции функционального подхода, то следует использовать аналогию между социальной и органической жизнью... Жизнь организма – это функционирование его структуры... Если перейти от органической жизни к социальной, если изучать общинную жизнь, например африканских или австралийских племен, мы получим информацию о функционировании социальной структуры. Индивиды посредством системы социальных отношений связаны в единое целое. Непрерывность, целостность социальной структуры, подобно органической структуре, не разрушается, если в каких-то ее клеточках происходят изменения... Эта непрерывность проистекает из процесса социальной жизни, которая состоит из действий и взаимодействий индивидов и организованных групп, в которые эти индивиды объединяются. Социальная жизнь общины может быть, таким образом, определена как функционирование социальной структуры»¹¹⁷.

Продолжая аналогию между социальной и органической жизнью, Радклифф-Браун в другом месте обращает внимание на имманентную функциональному анализу системность, обусловленную системным характером социальных структур (культур): «Социальная жизнь, – повторяет он, – это функционирование социальной структуры. Каждая структурная социальная система есть самодостаточное, гомеостатическое, гармоничное единство. Каждый фрагмент

культуры изучается как часть, являющаяся функцией по отношению к целому. Взаимоотношения и функциональная взаимозависимость являются ключевыми понятиями анализа культуры в рамках структурного функционализма»¹¹⁸. Этот анализ предполагает также изучение «социальных форм» (т.е. обычаев, ритуалов, моральных норм), которые рассматриваются в качестве культурных механизмов и механизмов контроля в отношении выполнения определенных функций, значимых с точки зрения удовлетворения жизненно важных потребностей людей и поддержания совместности их существования.

В данном случае я намеренно столь подробно остановился на концепции Радклиффа-Брауна потому, что его взгляды, получив дальнейшее развитие в трудах Т.Парсонса и других авторов, легли в основу структурно-функциональной социологии и в 1960–1970 гг. пользовались большой популярностью среди многих этнологов и культурологов. Очевидное достоинство социологического подхода в его структурно-функциональной и иных версиях состоит в попытках теоретически преодолеть характерную для этнографии и некоторых других дисциплин описательность и рассмотреть этносы (и нации) в качестве сложных социокультурных систем. Но все дело в том, что, будучи препарированы скальпелем социологии, собственно «социальная» и собственно «культурная» составляющие в этих системах становятся почти не различимыми. Да и сами эти системы, будучи рассмотрены по аналогии с системами биологическими, основополагающей характеристикой которых является поддержание состояния гомеостатического равновесия, в пределах социологического подхода анализируются не в развитии, а статично. В этом, а также в претензии на образец научности (заимствованный, кстати, из естествознания) недостаток структурно-функциональной социологии. Вынося «за скобки» проблему развития социокультурных систем и вопрос об источниках этого развития, она тем самым демонстрирует ограниченность не только своего, но, как уже было сказано,

любого монодисциплинарного подхода к исследованию таких сложных, исторически изменчивых объектов, каковыми являются «этноты» и «нации».

Но суть дела даже не в этом. А в монодисциплинарности мышления многих авторов, ограниченность которого часто не осознается. Так, например, П. Сорокин, справедливо указывая на методологическую ущербность атрибутивного подхода к определению «нации» (который ведет в дурную бесконечность перечисления признаков), вместе с тем фактически отрицает возможность иных (помимо собственно-го) дисциплинарных подходов, редуцируя проблему конституирования этносов в нацию лишь к социологическому аспекту ее изучения. Аналогично поступил и Радклиф-Браун, исходивший из спорной посылки, что единственной «наукой о культуре» может быть только «наука о социальных системах» — то есть его собственная структурно-функциональная версия социологии. А разве не возможны и иные научные подходы? Разве, допустим, этноты и нации не могут быть предметом культурологических, социально-психологических и иных исследований?

Вопросы, как говорится, риторические, а отрицательные ответы на них, нередко встречающиеся в отечественных и зарубежных работах, большей частью являются следствием *неотрефлексированности философских оснований тех современных концепций наций и этносов*, которые как раз и собираются преодолеть односторонность своих оппонентов. А это, как выясняется, совсем не простое дело. Приведу еще только один пример из довольно известной «релятивистской концепции» наций А.Г.Здравомыслова¹¹⁹.

Покритиковав В.А.Тишкова за его отказ признать понятие «нация» «научной» дефиницией и заподозрив его в желании отказать в факте реального существования «русской нации», которая якобы не оформилась еще в единое целое, А.Г.Здравомыслов утверждает, что в созданной им релятивистской теории нации он преодолел слабые стороны концепции Тишкова и пошел дальше в выводах и обобщениях.

Сам он так раскрывает суть своей теории: «Центральной категорией релятивистской концепции наций являются понятия национального самосознания. Речь идет именно о национальном *самосознании*, т.е. о сознании народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других. Речь идет о том, что русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят...»¹²⁰. На философском языке это означает, что русские в качестве народа (нации) реально существуют только в акте их собственного коллективного «самосознания». Но чем тогда эта точка зрения принципиально отличается от позиции Андерсона, Эриксона, Тишкова и других сторонников инструментально-конструктивистского подхода, считающих нации «воображаемыми общностями»? От подхода «субъективно-символического»? Или от взглядов того же Ренана, утверждавшего, что нация «есть ежедневный плебисцит»? С точки зрения философии — ничем. И поскольку заподозрить уважаемого ученого в незнании перечисленных выше имен мы не можем, остается списать указанное дублирование именно на неотрефлексированность философских оснований его концепции. А это отнюдь не безобидное дело.

В контексте нашего философско-методологического анализа последнее наблюдение имеет принципиальное значение. Ведь от того, какой философии истории (явно или скрыто) придерживаются специалисты по этнонациональной проблематике, зависят результаты их конкретных исследований. К сожалению, я не встречал ни одной работы, где бы автор, прежде чем приступить к исследованию, открыто заявил о своей философской позиции: как он понимает *философию истории*. Попытаемся восполнить этот недостаток, предварив его следующим замечанием: унаследованное из советского прошлого и в этом смысле для России традиционное деление философских взглядов на «материалистические» и «идеалистические» является корректным только с точ-

ки зрения школьной пропедевтики. С точки зрения реальной истории философии такое членение является довольно грубым и во многих случаях не точным: лишь за редкими исключениями учения известных философов (тем более философов XX столетия) можно целиком отнести к одному из этих направлений философской мысли. Это заметно особенно наглядно, когда речь идет не о философских системах, а о *философии истории* того или иного мыслителя, всегда стремящегося рассмотреть исторический процесс как единое целое.

Философия истории и есть, на наш взгляд, такой, особый, подход к историческому материалу, когда само содержание всей целостности исторического процесса становится предметом особого, специфически философского воззрения и истолкования. Сама суть философского знания связана с усмотрением в Бытии некоей непреложной объективной целостности. Но целостности не замкнутой на самое себя, а такой, которая в той или иной мере открыта для человеческого познания и, более того, сама побуждает к нему человека. Специфика философствования как раз и определяется указанным парадоксом: Бытие объективно и непреложно, но оно не дано нам помимо наших собственных усилий. Пожалуй, впервые этот парадокс сформулировал Рене Декарт в своем знаменитом высказывании «*cogito ergo sum*», смысл которого не в том, что мышление выдумывает (из-мышляет) Бытие из самого себя, а в том, что оно каким-то глубинным образом сопричастствует бытию и в той или иной мере удостоверяет Бытие для нас.

Впоследствии эта интуиция получила определение диалектического единства «онтологии» и «гносеологии». А в XVIII–XIX столетиях усилиями выдающихся умов была глубоко проработана мысль об истории как деятельности исторического единстве и Бытия, и сопричастного ему Сознания, в котором Сознание («Разум»), будучи теснейшим образом связано с питающей его социокультурной средой, активно участвует в качественных изменениях («прогнесе») исторического процесса. При этом сам исторический про-

цесс понимался как социально и культурно оформленная совместная (материальная и духовная) деятельность сплоченных в группы («племена», «народы», «сословия», «классы» и т.д.) людей, общественное бытие которых определяет их общественное сознание»: то есть задает «пределы» их познанию и, шире, духовному освоению природного и социального мира. Благодаря Марксу, такой взгляд на историю человечества получил название «материалистического» понимания истории. Противоположное понимание, акцентирующее внимание на «идеальной» стороне человеческой истории, было относительно противоположно классическому марксизму: в той мере, в какой Маркс оставлял почву философии и вставал на стезю экономических исследований. Последние, как известно, были нужны Марксу для обоснования его «политического проекта». Но в своих, особенно ранних, философских произведениях, он, как это и должен делать истинный философ, всегда подчеркивал диалектическое единство Бытия и Мышления¹²¹.

С течением времени уже в XX столетии развитие науки эмпирически подтвердило и теоретически обосновало фундаментальное единство мира, в котором нет «разрывов» между биологической и социальной формами жизни. Применительно к теме нашего анализа это означает недопустимость отрыва «бытийственных» (объективных) и «духовных» (субъективных) сторон жизни «этносов» и «наций». В контексте современного социально-философского подхода они должны быть поняты как исторически эволюционирующие, взаимосвязанные друг с другом и с природой антропосоциокультурные коллективные системы жизнедеятельности, источником формирования и развития которых как раз и является диалектическое (противоречивое) единство их «бытия» и «сознания». Вполне естественные и, по-видимому, неизбежные попытки наук «разорвать» единство «бытия — сознания» этносов и наций и «расташить» их по разным дисциплинарным «квартирам» приводят к массе недоразумений, которые, как уже было сказано, могут быть преодолены в ходе систематических междисциплинарных исследований.

Разумеется, это проще сказать, чем сделать. Но одна из задач философии со времен Канта состоит как раз в критике методологических основоположений науки. Реализуя ее, нам удалось установить, что к настоящему времени в корпусе отечественных и зарубежных наук сформировались, как минимум, четыре подхода, в пределах которых осуществлялись изучение и интерпретация «этносов» и «наций»: «натуралистический», «социентальный», «субъективно-символический» и «инструментально-конструктивистский». Сравним их между собой на предмет их соответствия высказанным выше соображениям, имея в виду, что каждый из этих подходов, безусловно, философски «нагружен», представлен в многочисленных авторских вариантах и в «чистом виде» не существует. Как правило, ученые, придерживающиеся той или иной философии и методологии исследования, указывают, что на формирование, существование и развитие этносов и наций влияет много факторов, но решающими («этно»- и «нации»образующими) являются лишь некоторые из них. Предпочтение, отдаваемое (явно или скрыто) тем или иным группам факторов, и легло в основание предложенной здесь типологии отечественных и зарубежных концепций.

Основоположники и адепты натуралистических концепций (Монтескье, Гобино, Чемберлен, Карлейль, Широкогоров, Л.Гумилев, Э.Пригард и др.) ведущими факторами в жизни и развитии этносов считают их антропологические характеристики и влияние «природной среды» обитания (климата, ландшафта и т.д.). В противоположность им «социенталисты» решающими для формирования и эволюции этносов признают либо социоэкономические факторы (марксисты и неомарксисты), либо организующее влияние широко трактуемой «культуры». То общее, что философски и методологически объединяет концепции «натуралистов» и «социенталистов», состоит в их очевидном историзме¹²² и «материализме» — признании объективности существования, взаимодействия и развития групп людей, интегрируемых в

этнические либо национальные «общности» комплексом «естественных» или «общественных» (экономических, политических, языковых, религиозных, моральных и др.) связей, коммуникаций и институтов.

В противоположность им концепции субъективно-символического, инструменталистского и конструктивистского толка философски тяготеют к «идеалистическому» понимание истории и соответственно ему трактуют этносы и нации не как объективно существующие, а как «воображаемые» группы, интегрируемые в общность индивидуальным «национальным (этническим) сознанием» и «самосознанием» в психологических процедурах «идентификации», посредством которых устанавливается «культурная», «политическая» и иная национальная либо этническая «идентичность».

В контексте нашего исследования указание на использование многими исследователями дефиниции «идентичность» имеет принципиальное значение. Так как позволяет не только уточнить типологию конкурирующих в науке концепций, но и прояснить гносеологические предпосылки того влияния, которые приобрели в последние годы субъективно-символические и инструментально-конструктивистские теории наций и этносов. На наш взгляд, влияние и широкое распространение этих теорий во многом связаны с бурным и эффективным развитием в прошлом столетии ряда дисциплин — прежде всего социальной психологии, социологии и культурной антропологии, представители которых решили во второй половине XX в. отказаться от слишком абстрактного, по их мнению, понятия «этнос» и заменить его терминами «этноя» и «этничность»¹²³.

Впоследствии конкретный исследовательский интерес сместился от изучения «этнией» (ethnie)¹²⁴, к изучению «этнических групп»¹²⁵ и широкому использованию социологических и социально-психологических методов, применение которых позволило даже предсказывать возможное поведение людей в ситуациях общественного выбора на основе «замеров» их культурной, национальной и иной «идентичнос-

ти» — то есть «идентификации» себя людьми как принадлежащих к той или иной этнической группе или нации. Поскольку понятия национальной и этнической «идентичности» и «идентификации» широко используются во многих специальных исследованиях и являются базовыми для обобщающих субъективно-символических теорий, они заслуживают более пристального рассмотрения. Оно тем более необходимо, что это совсем не «пустые» дефиниции. Они образованы, в том числе, путем обобщения большого эмпирического материала и в значительной мере проясняют, как «работает» групповое и индивидуальное (в том числе — этническое и национальное) сознание и самосознание.

Итак, какое содержание вкладывают психологи и современные этнологи в понятия «идентичность» и «идентификация»?

Понятие «идентификация» впервые, в 1921 г., было введено в научный оборот Зигмундом Фрейдом в работе «Психология масс и анализ человеческого Я», где, солидаризуясь с Ле Боном, основоположник психоанализа утверждал, что каждый индивид есть частица множества «масс», связанных посредством сети идентификаций. Поэтому человек строит свой идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. Функция процесса идентификации, по Фрейду, двойственна. Во-первых, идентификация включена в процесс социализации человека. Во-вторых, она выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир. У человека создается впечатление, что он один перед лицом опасности, он превращается в антисоциальное существо, руководствующееся в поведении формулой «Каждый за себя!». Это состояние З.Фрейд назвал «психологической нищетой масс»¹²⁶.

В 1960 г. концепция идентичности получила всестороннее развитие в работах известного американского социального психолога Э.Эриксона. В противоположность представ-

лениям классического психоанализа об антагонизме личности и общества Э.Эриксон особо подчеркивал адаптивный характер поведения индивида, центральным интегративным качеством которого и выступает идентичность. Он определяет это понятие как чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, данной эпохе свойственному. Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие ею социального бытия как своего¹²⁷.

Идентичность рассматривается Э.Эриксоном в двух аспектах. Во-первых, это «*Я-идентичность*», которая, в свою очередь, состоит из двух компонентов: «органического», т.е. данности человеку его физического внешнего облика и природных задатков, и «индивидуального» — осознания им собственной неповторимости, стремления к развитию и реализации собственных способностей и интересов. Во-вторых, это «*социальная идентичность*», которая также подразделяется на «групповую» и «психосоциальную». «Групповая идентичность» рассматривалась Э.Эриксоном как включенность личности в различные общности, подкрепленная субъективным ощущением внутреннего единства со своим социальным окружением. А «психосоциальная идентичность» это то, что дает человеку ощущение значимости своего бытия в рамках данного социума и с точки зрения социума¹²⁸.

Здесь следует подчеркнуть один принципиальный момент: индивидуальная и групповая идентичность это как бы две стороны одной медали, между ними нет непроходимой границы. Индивидуальная идентичность является видом групповой идентичности, существующей в голове индивида, а групповая — это сумма общепринятых норм и образцов, берущих начало в поведении отдельных людей. Не случайно поэтому понятие «идентичность» так широко используется и в социальной психологии (эгопсихологии), и в

социологии (социальной антропологии, символическом интеракционизме), и в философии (феноменологии), и в этнологии, и в политических науках.

В контексте нашего исследования важно отметить то, что в структуре идентичности многие исследователи выделяют позитивные и негативные элементы. Формирование идентичности всегда сопровождается противоборством этих двух составляющих. В зависимости от силы общественного кризиса возможно возникновение ситуации, когда у значительных групп людей негативные элементы выходят на передний план за пределы позитивной идентичности.

Известно, что универсальной, архетипической формулой самосознания и самоидентификации любой общности людей (или групповой идентичности) является формула «мы», включающая представления о консолидирующих признаках. Однако процесс групповой идентификации, самоопределения «мы» с необходимостью предполагает распознавание позитивно или негативно значимых «обобщенных других»¹²⁹. Иначе говоря, «мы» с необходимостью предполагает психологическую оппозицию — «они» (включающую представления о дифференцирующих признаках) потому, что общность «мы» просто не может быть определена иначе — вне «значимого другого» (Т.Парсонс). «Они» — это социальная (этническая, национальная, политическая и др.) общность, имеющая иной, более или менее отличный, образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, иные ценности и имидж.

Таким образом, идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации. Только в результате взаимодействия (прямого и опосредованного) с иной группой данная общность обретает свои «особые» признаки. Поэтому, считают психологи, *идентичность — символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других*. При этом **позитивная идентичность** — это, прежде всего, осознанная общность с позитивно значимыми другими (с «мы»), без жесткого противопоставления «мы» — «они». А **негативная**

идентичность — это консолидация общности «мы» на основе тотальной оппозиции негативно значимым другим («они»). В этом случае общность «мы» возникает и существует преимущественно благодаря жесткому противостоянию общности «они». И если по каким-то причинам негативный образ «они» подвергается эрозии — исчезает и фундамент такой идентичности.

Следует особо отметить, что дефиниции «этнос», «этничность» определяются многими отечественными исследователями через понятие «групповой идентичности». Например, Л.Н.Гумилев, определяя этнос, писал: «...это коллектив особей, выделяющих себя из всех прочих коллективов... Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобки мы можем только одно — признание каждой особи: «Мы такие-то, а все прочие другие»¹³⁰. Почти то же самое пишет З.Сикевич: «...под этничностью мы понимаем особое константное, хотя и различное по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности, формирующееся на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения «нас» с «нами» в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве». Или «этничность — это исторически устойчивый, надлокальный комплекс идентификаций»¹³¹.

По мнению американских социопсихологов, в ряду элементов этнической идентичности решающим в период развития индивида является чувство неизменности и устойчивости этнических характеристик, или «этническая константность». Причем этнические константы утверждаются в поведении и сознании человека не ранее 12–13 лет. Однако сама этничность как форма групповой идентичности подвержена временным трансформациям, а значит, можно предположить, что существуют ее различные исторические вариации. Кроме того, в рамках каждого национального само-

сознания складывается своя собственная иерархия «значимых других» национально-этнических групп. Иногда это может быть обобщенный образ группы цивилизационно-близких национально-государственных образований. Например, образ Запада чрезвычайно важен в силу исторических и геополитических обстоятельств для национальной идентичности России и русских. Причем характер соотношения «мы» и «они» не остается неизменным и определяется реальными межнациональными связями и контактами. Отсюда, в частности, А.Г.Здравомыслов делает вывод о двойственности понятия «нация»: оно имеет не только референтный, но и относительный, релятивистский характер. А В.А.Тишков прямо и радикально заявляет: «Нация – продукт веры»¹³².

* * *

Таким образом, суммируя сказанное, можно констатировать, что субъективно-символические концепции этничности и созданные на их основе реляционные теории этносов и наций, по сути, представляют собой варианты концептов, заимствованных из разных школ социальной психологии. И потому объясняют интеграцию людей в устойчивые социальные (этнические и национальные) «группы» исключительно деятельностью индивидуального и группового этнического (национального) сознания, посредством «надлокального комплекса идентификаций», функционирование которого предполагает использование в качестве символов элементов своей культуры для того, чтобы «этноты» и «нации» могли отличать себя от других групп. Несомненно, изучение «механизмов» работы всех уровней и всех сфер (эмоционально-волевой и когнитивной) этнического и национального сознания крайне важно, например, для прогнозирования и управления этническими и межнациональными конфликтами. Но также важно не фетишизировать этот

дисциплинарный подход, выдавая его за единственно возможный и единственно «научный». Кроме бесконечных дискуссий это ни к чему не приводит. А выводы, которые можно сделать из предпринятого в этом разделе философско-методологического исследования, сводятся к следующим положениям.

1. Эволюция представлений о природе этносов и наций в философии и науке XVIII–XIX столетий завершилась тем, что к настоящему времени в корпусе социогуманитарного знания сформировались, как минимум, четыре типа концепций (теорий), с разных сторон и различными способами изучающие проблемы природы, формирования и эволюции этносов и наций.

2. Ни одна из рассмотренных нами концепций оказалась не в состоянии предложить устраивающее всех специалистов решение указанных проблем и тем более выработать такие дефиниции «этноса» и «нации», содержание которых не могло бы быть подвергнуто критике за их неполноту и односторонность.

3. Размах и радикальность последней оказались в значительной степени были спровоцированы монодисциплинарностью мышления и дефицитом методологической рефлексии специалистов над философско-методологическими основаниями собственной концептуальной работы, не позволившим многим признать *междисциплинарный статус* категорий «нация» и «этнос». На наш взгляд, надо не отрицать их «научность», а признать, что нация и этнос относятся к числу дефиниций, расположенных на границах между социальной философией, социологией, политологией, этнологией и другими дисциплинами, так или иначе его использующими. Каждая из этих дисциплин, в силу имманентной предметности научного знания теоретически вычленяет лишь одну из сторон (аспектов) таких сложных, исторически изменчивых феноменов, каковыми для внешнего наблюдателя являются «этносы» и «нации». Будучи абстрагированы от своей феноменальной данности и структурированы по-

средством «категориальной сетки» и системы методов, используемых различными науками, они являют себя уже в форме «теоретических объектов» — структурных элементов той или иной (философской, социологической, психологической, политологической и др.) «онтологии», в пределах которой они существуют как особая «научная реальность».

4. Учет этого обстоятельства настоятельно диктует необходимость *междисциплинарных исследований*, теоретическую основу которых могли бы составить результаты синтеза конкурирующих между собой теорий разного дисциплинарного типа, проведенного на основе социально-философского анализа и последующего обобщения.

5. В пределах которых, как я пытался показать, «этносы» и «нации» продуктивно интерпретировать *как сплоченные общими чувствами идентичности и солидарности, сложные системно организованные и исторически изменчивые антропосоциокультурные сообщества (системы), способом существования и развития которых является преобразующая окружающую их (природную, социально-политическую, экономическую, культурную, информационную и иную) «среду» предметно-практическая и духовная коллективная сознательная жизнедеятельность людей, в ходе которой происходит вещественный, энергетический и информационный обмен между ними.*

Понятно, что данное определение слишком «высокая», но совсем не «пустая» абстракция. Он представляет собой синтез многих определений, а главное — задает ориентиры междисциплинарному научному поиску, в котором могут и должны принять участие философы, психологи, этнологи, антропологи и другие специалисты, изучающие разные стороны жизни этносов и наций. Понятно и то, что предложенное здесь рабочее определение содержательно близко понятию «общество»¹³³ и в «снятом виде» содержит все интегративные признаки, объединяющие людей в «нации» и «этносы», ни один из которых все-таки не позволяет точно отличить их друг от друга. И это естественно: действитель-

ность всегда «богаче» понятия или закона. А историческая действительность тем более. К ней и следует обратиться, используя философский принцип единства логического и исторического, согласно которому воспроизводство человеческой истории в «логике понятий» не должно противоречить твёрдо установленным историческим фактам — то есть реальному течению истории. А факты таковы, что появление «этносов» (народов) исторически предшествовало появлению «наций», а возникновение многих европейских «наций» было связано с распадом абсолютистских государств и появлением государств «национальных», которым в свою очередь предшествовала «идея национального государства». Такова магистральная линия предшествующего и современного исторического развития, из которой, конечно, было и есть не мало исключений. И это как раз тот вопрос, который будет рассмотрен в следующей главе.

ГЛАВА II. НАЦИИ, ЭТНОСЫ И ГОСУДАРСТВО

Исторические формы государств и пути формирования наций

Так же как и проблема теоретического объяснения природы этносов и наций, вопрос о формировании наций и о роли государства в этом процессе относится к числу наиболее дискуссионных в современной отечественной и зарубежной науке. Не подлежит сомнению, что появление и эволюция европейских наций теснейшим образом связаны с государством: его различными формами и прежде всего – с так называемым «национальным государством». Но что следует понимать под «национальным государством»? Государство одной нации? Но как тогда быть с «многонациональными» государствами, которых большинство на нашей планете, но которые, не взирая на это, объединены в Организацию Объединенных Наций? Возможно, в целях теоретической строгости употребления терминов их следует именовать «политэтническими национальными государствами»: то есть государствами одной «нации», состоящей из многих «этносов»? Но тогда мы вновь возвращаемся к ключевому вопросу, с которого начинали: о надежных критериях отличия «наций» от «этносов», каковых обнаружить не удалось.

Если же, все-таки, признаком, отличающим этнос от нации, считать наличие у последней государственной формы существования, то как быть с народами, обладающими всеми признаками нации и считающих себя нациями (шотландцами, фламандцами, каталонцами и др.), но не имеющими государственности? Исчерпывающего ответа и на этот вопрос ни одна из рассмотренных нами теорий нации не

дала. Таким же дискуссионным остается и другой вопрос, напоминающий известную проблему «курицы и яйца»: что первично — «нация» или «национальное государство»? Более или менее удовлетворительно разобраться со всем этим ворохом вопросов науке пока не удалось. А значит, прежде чем перейти к обсуждению некоторых из них, необходимо вернуться к проблеме различения этносов и наций и конкретизировать наше определение в отношении каждой из дефиниций.

Напомним, что предложенная нами интерпретация этносов и наций в качестве исторически изменчивых антропосоциокультурных систем коллективной жизнедеятельности людей основывается, во-первых, на понимании человеческой истории как социоприродного процесса и человека как биосоциального существа. Способом существования и развития которых, во-вторых, является преобразующая биосферу совместная и индивидуальная деятельность, с необходимостью реализующаяся в изменяющихся социокультурных формах. Поэтому, рассматривая этническую историю человечества, мы не можем и не должны абстрагироваться от присущей этой истории диалектики природно-биологического и социального, анализ которой позволяет интерпретировать эволюцию этноса (этносов), как всегда протекающую в а) условиях определенной (природной и социальной) «среды», б) исторически определенных социальных (т.е. экономических, политических, идеологических, языковых и иных) «формах» и всегда детерминированную сложным комплексом природных и социальных факторов.

Если с позиций этих предварительных философско-социологических обобщений мы рассмотрим этногенез в контексте основных этапов всемирной истории человечества, то он неизбежно предстанет как процесс постепенного диалектического «снятия» биологического социального в ходе становления и последующей эволюции любого «этноса»: т.е. исторически конкретной антропосоциоприродной системы. При этом, как считают некоторые исследователи, данное «снятие» выражается не в ослаблении влияния естественных

предпосылок и факторов этногенеза, а в *преобразовании* 1) форм производства самой человеческой жизни (т.е. эволюции форм семьи), 2) форм организации производства материальных и духовных ценностей, которые влекут за собой и изменение 3) форм организации совместной жизни. В итоге магистральная линия этногенеза во всемирной истории предстает как поступательное движение от социобиологической «популяции»¹³⁴ к собственно «социальной организации»: то есть к человеческому обществу (сообществу), интегрированному в целостность кровнородственными, племенными, межплеменными и другими социальными связями различного вида. «Этнос, — пишет, например, В.Мархинин, — есть отдельное общество: индивидуальный самосознающий субъект исторического процесса. Вместе с тем этнос представляет собой форму коллективности, посредством которой удовлетворяется совокупность основных потребностей человека как целостного индивидуально-родового, универсального по своим задаткам, способностям и устремлениям существа. Этой функции соподчинена функция адаптации людей, составляющих этническую популяцию, к каждому данным ландшафтным особенностям природной среды обитания... Социальность этноса есть качество не только однажды филогенетически возникшее, но и становящееся в истории»¹³⁵. При этом собственно социальные закономерности играют главную роль в процессе эволюции стадийно-исторических форм этноса, влияющие на его природно-биологическое содержание. Однако биологическая сторона обладает собственной внутренней активностью¹³⁶.

Соглашаясь с автором в том, что становление этноса есть результат диалектического синтеза биологического и социального, в котором, по мере обретения людьми все большей независимости от природы, социальное выступает ведущей стороной, можно поспорить с теми, кто на основании этой констатации трактует «нацию» как «исторический тип этноса», «структурную форму развития капиталистического общества»¹³⁷. Стремление многих авторов включить «нацию»

в процесс этногенеза и выстроить прямую линию эволюции от «этноса» (племя-народность-народ) к «нации» понятно. Но оно имеет слабое эмпирическое подтверждение в реальной истории, где почти нет примеров, когда бы нация была образована из одного этноса (или суперэтноса). А вот обратных примеров (полиэтнических «наций» и полиэтнических «национальных государств») хоть отбавляй. Кроме того, образование наций не является только результатом межэтнического «скрещивания».

Учитывая это, теоретически целесообразно, все-таки, рассматривать появление на арене всемирной истории «национальных государств» и сопутствующих им «наций» как «перерыв постепенности» этногенеза, как своего рода качественный скачок, суть которого состоит в диалектическом «отрицании» предшествующей «этнической истории» (сначала в европейских, а затем и в других странах) историей наций». Как и этносы, современные нации это сложные развивающиеся антропосоциокультурные системные коллективной жизнедеятельности. Но в отличие от этносов это, прежде всего, не «антропо», а *политически организованные* социокультурные системные образования — *сообщества людей, состоящих из разных социальных групп и имеющих общее чувство идентичности, коренящееся в общем историческом опыте (реальном, воображаемом или интерпретируемом), целостность которых поддерживается не только «традицией» (моральными императивами, исторической памятью и др. «механизмами), а прежде всего — политической властью в лице государства.* Реально имеющаяся государственность — атрибутивная характеристика большинства наций, гарантирующая им политический, культурный и языковой «суверенитет». А для тех 3 тысяч народов и народностей, которые ее не имеют, стремление к ней выступает как *политический принцип* идеологии и практики «национализма»: *как политический и культурный проект, цель которого — политическое и культурное самоопределение этноса.*

Национализм как исторический феномен XVII–XIX столетий подробно исследован мною в работе «Этносы, национализм и федерализм. Опыт философско-методологического исследования» (М., 2002) и специально здесь рассматриваться не будет. Тем не менее следует отметить, что национализм как идеология и практика национально-освободительных движений имманентен процессу становления национальных государств, которые, как было отмечено, являются политической формой существования и способом возникновения большинства современных наций. Но как появились на арене истории «национальные государства» и какова их роль в формировании наций?

Первым мыслителем, системно проанализировавшим роль государства в становлении наций, был Гегель. Но гегелевский философский анализ был, как мы помним, предельно общим: в его философии истории «нация» и «государство» интерпретировались как диалектическое единство противоположностей. Правда, в своей «Конституции Германии» появление немецкой нации Гегель связывал уже со становлением «германской империи», распад которой на множество мелких немецких государств поставил под угрозу единство языка и культуры немецкого народа. Поэтому грядущее немецкое «национальное государство» должно силой (даже силой оружия) заставить немцев вновь объединиться в нацию, гарантировав им сохранность территориального, культурного и языкового единства¹³⁸. Таким образом, по Гегелю, магистральная линия национальной истории германского народа проходит от «нации» (которая образуется в «империи») к «национальному государству», задача которого состоит в поддержании национального единства. Такой путь, считал Гегель, характерен для тех европейских наций, которые прежде имели государственность, но затем ее утратили.

Если Гегель трактовал европейскую историю как преимущественное движение от «нации» к «национальному государству», то, в противоположность ему, классический марксизм, с принципиально иных философских позиций,

интерпретировал ее как процесс формирования «буржуазных» национальных государств, в лоне которых и одновременно с ними происходит становление наций. Согласно взглядам К.Маркса и Ф.Энгельса, нация в качестве государства возникает на определенной ступени развития общества, на основе экономических отношений капиталистического товарного производства и обмена. При этом экономические интересы и отношения становятся главной движущей силой национальной интеграции и всех видов политической активности, направленной на создание нации. Консолидация нации завершается образованием национального государства, когда буржуазия в ходе развития нации утверждает свою политическую власть посредством политического инструмента своего господства-государства. По этому поводу Ф.Энгельс писал: «С конца средних веков история ведет к образованию в Европе крупных национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию господствующей европейской буржуазии и являются вместе с тем необходимой предпосылкой для установления гармонического интернационального сотрудничества народов, без которого невозможно господство пролетариата»¹³⁹.

Таким образом, согласно классическому марксизму государство является мощным фактором национальной централизации населения и территории, а создание национального государства означает политическое конституирование нации под руководством буржуазии, которая посредством государства как инструмента власти ускорила процесс национальной интеграции и консолидацию общества. Именно государство способствовало тому, чтобы были созданы «первые условия национального существования: значительная численность и сплошная территория». Такова, по мысли классиков, диалектика нации и государства, в ходе которой «государство» и «нация» становятся трудно различимыми: эти понятия взаимно обуславливают друг друга и, в конце концов, сливаются в «нации-государстве».

В итоге без прямого ответа остается все тот же ключевой вопрос о сущности нации и характере ее взаимосвязи с национальным государством: нация — это *политическая (гражданская)* или, все-таки, *социокультурная* общность людей одного государства¹⁴⁰? Если это «гражданская» общность («нация как согражданство»), тогда она возникает вместе с национальным государством, роль которого сводится лишь к отмене сословных привилегий и уравнивании всех в их гражданских правах. Если же «нация» это прежде всего социокультурная общность людей в пределах одного государства, тогда возникает еще одна, центральная, проблема теоретической интерпретации формирования наций: в каком направлении идет процесс образования наций — от «государства» к «нации»¹⁴¹ или от «нации» к «государству»?

Любопытно отметить, что все эти вопросы активно обсуждались уже во второй половине XIX столетия¹⁴² и с тех пор остаются ключевыми и для современного теоретического дискурса. Уже в 1871 г. после объединения Германии среди европейских историков и социологов развернулась дискуссия, результаты которой были обобщены немецким историком Ф. Мейнеке в двух концепциях: «государство-нация» и «нация-государство».

Концепция «государство-нация» отдает приоритет в процессе развития и становления нации государству. Нация развивается в рамках суверенного государства, является следствием политического объединения, и при всех лингвистических, конфессиональных, политико-культурных и иных различиях между образующими нацию этносами она выступает, прежде всего, как совокупность граждан одного государства, связанных единой историко-культурной традицией прошлого, общими ценностями настоящего и стремящихся к достижению единых целей в будущем. Эта концепция позволяет рассматривать нацию как систему, единое целое, а также указывает на то, что нация являет собой особое состояние общества и государства, достижимое лишь на опре-

деленной ступени общественного развития. При этом под государством подразумевается не столько система властных и управленческих структур, сколько исторически сложившийся способ существования нации, нашедшей свое отражение в соответствующих политических институтах.

Концепция «нация — государство», наоборот, предполагает обратное движение от нации к государству и предпочтение в этом процессе принадлежит нации. Согласно этой концепции нация может вырасти только внутри оболочки своеобразной культуры, поэтому нация определяется, прежде всего, как культурная, нежели политическая общность. Последняя возникает по мере роста национального самосознания, в котором вызревает идея необходимости создания независимого национального государства.

Очевидно: обе эти концепции вполне конкурентоспособны, так как имеют серьезное эмпирическое подтверждение в реальной истории образования европейских наций. Многие из них проделали путь от «государства» к «нации», развитие других шло преимущественно от «нации» к «национальному государству», тогда как для третьих был характерен некий «гибридный» тип развития¹⁴³. И вот это реальное многообразие истории, не укладывающееся ни в одну из концептуальных схем, на долгие годы вперед определило накал последующих дискуссий, которые не завершены до сего дня. Но которые тем не менее обозначили наиболее сложные темы, требующие дальнейшего обсуждения¹⁴⁴.

Переходя к ним и пытаясь на последующих страницах дать общий очерк процесса формирования наций и национальных государств в Европе XVII—XIX вв., я буду исходить из следующих, далее не проблематизируемых предпосылок: 1) понимания «наций» в качестве политически оформленных социокультурных систем совместной жизнедеятельности людей, формирование которых в Европе 2) происходило разными путями, но всегда было 3) результатом совместного действия многих объективных и субъективных факторов, в состав которых входило и «государство», а) ли-

бо в качестве политического института власти, либо б) в виде «идеи», «политического проекта», под чьим определяющим влиянием складывались некоторые европейские нации.

Помимо результатов исторических, социологических и других дисциплинарных исследований, многие из которых взаимно дополняют друг друга, основным методологическим принципом последующего анализа будет его возможно более полное соответствие реальному многообразию европейской истории. И поскольку она неопровержимо свидетельствует, что в XIX–XX вв. процесс образования наций и национальных государств в основном был связан с распадом «внутренних» и колониальных империй¹⁴⁵, начать следует с «простых» вопросов: что такое «империя» и почему нации образуются не в пространстве «империй», а в лоне «национальных государств»?

Ни на один из них общепринятого и тем более исчерпывающего ответа нет. Более того. Они настолько запутаны различными политическими инсинуациями, что даже очевидный федеративный статус нынешней России подвергается сомнению. Одни, обращая взор в глубины истории и подчеркивая связь современной России с Россией царской и советской, называют РФ «внутренней» или «естественной» империей. И, поскольку век империй укатился за исторический горизонт, предрекают ей гибель. Другие, понятно, «категорически против»: Россия — обычное исторически сложившееся многонациональное государство и потому не подчиняется «закону распада». В этой полемике, бесконечной и почти безнадежной, легко заметить одну любопытную деталь: никто из спорящих, ни теперь, ни раньше, не приводит общепризнанного, «классического» определения империи. И не случайно. Ибо такого просто не существует: не было в истории человечества «классической» империи. Всегда и везде империи выступали в облике исторически-конкретных форм государства, своеобразие которых определялось культурным и политическим контекстом эпохи и которые, разумеется, нельзя свести к общему научному «знаменателю».

Памятуя о довольно скептическом отношении россиян ко всему отечественному, обратимся за подтверждением только что сказанного к авторитетному справочному изданию – энциклопедии «Британика». Вот что там написано по интересующему нас вопросу: «*Империя* – термин, обычно употребляемый по отношению к государствам крупных размеров, осуществляющим власть над другими, независимо от согласия последних или несогласия. Империя обычно характеризуется высокоцентрализованной властью, но может представлять собой и федерацию, как Германская империя с 1871 по 1918 гг., единое государство наподобие Российской империи или смешанное, как Британская империя. Империю обычно возглавляет император, хотя это отнюдь не обязательно. Процесс образования империй отличается от процесса образования государств, поскольку последний касается более или менее родственных народов на смежных территориях. Но отличить эти два процесса друг от друга часто бывает весьма затруднительно».

Воистину, между способами образования «империй» и просто «государств» нельзя провести четкой границы. Империю может возглавлять монархия (Испанская, Османская, Австро-Венгерская и другие империи), а может и демократическая республика с президентом (Французская колониальная империя). Германия стала называться империей задолго до захвата ею заморских колоний (в 1871 г.), представляя собой федерацию некогда независимых немецких государств. А Россия стала именовать себя империей лишь в 1720 г. – после завоевания Прибалтики, хотя уже отец Петра I, владея огромным массивом земель и народов, был просто «государем всея Руси».

Что такое, например, Китай или Индия? Всякий скажет, что это крупные многонациональные государства-республики, еще недавно находившиеся в колониальной и полуколониальной зависимости. Но до того, как стать колонией Британии, та же Индия сама была империей – империей Великих моголов, насильственно объединившей

десятки культурно и конфессионально разных народов. И это объединение в форме «федерации» штатов живо и по сей день. Пенджабцы-мусульмане желают выйти из федерации, чтобы присоединиться к Пакистану, а пенджабцы-сикхи хотят того же, чтобы создать свое самостоятельное государство. Восстания и тех и других безжалостно подавляются. И то же — в других бывших «империях», а ныне демократических государствах. Но почему тогда Индия или Турция (не желающая даровать свободу курдам) — «демократии», а бывший СССР и современный Китай — «империи»?

Если не принимать в расчет политическую демагогию и жонглирование понятиями, определенно ответить на эти вопросы невозможно: граница, разделяющая «империи» и «неимперии», весьма условна.

Но можно попытаться как-то систематизировать и обобщить наши знания в этой области. И коль скоро процессы образования и распада империй сопровождаю человечество на протяжении столетий — попробовать выявить их культурно-исторический смысл и всемирно-историческое значение. Начнем с разделяемых большинством и потому проблематизируемых далее предпосылок.

Во-первых, вряд ли кто усомнится в том, что процесс образования крупных государств за счет «поглощения» ими других государств и народов является результирующей совокупного действия, как минимум, трех основных групп факторов: «естественных» (географических, демографических и т.д.), «социально-экономических» и «цивилизационных» причин. В любом конкретном случае, во-вторых, конфигурация этих групп факторов и значимость каждой из них вариативны. И тем не менее действие каждого из многих факторов, в-третьих, должно быть учтено.

Осуществить этот замысел в полном объеме почти невозможно. Но можно дать его «эскизный» вариант, работая попеременно в рамках «социологического», «цивилизационного» и «этногеографического» подходов к проблеме.

Итак, временно оставаясь в пределах социологических трактовок и выводов, зафиксируем: в большинстве из них образование империй характеризуется как военно-экономическая экспансия государств и протогосударственных образований. Экспансия, объективно провоцируемая, прежде всего: 1) недостаточностью природных ресурсов территории для традиционно-успешной хозяйственной деятельности веками живущих здесь этносов и народов и 2) сопутствующим ростом «избыточного» населения. Последнее стремительно увеличивается независимо от эффективности имеющихся способов производства материальных благ и систем хозяйствования. Климат, рельефы местности, водоснабжение и другие «географические» характеристики разных территорий нашей планеты со временем (в том числе под воздействием деятельности людей) довольно сильно меняются. А это, понятно, ставит населяющие их этносы и народы в очень неравные условия жизни, способствуя (или препятствуя) их хозяйственно-экономическому прогрессу, периодически стимулируя борьбу между социумами за контроль над торговыми коммуникациями и рынками.

Таким образом, объективно не равные естественные и экономические условия жизни рано или поздно приводят к тому, что внутри некоторых обществ возникают мощные очаги социальной напряженности, вызванные тем, что «производительные силы» начинают «давить на население» (*Ф. Энгельс*), создавая «лишних» людей — маргиналов, которые, в свою очередь, «давят» на господствующие политические и хозяйственные элиты, побуждая их к изменению геополитических стратегий.

Одна из этих стратегий — прямая военная агрессия против соседних государств с последующим полным либо частичным включением их территорий в состав государства-агрессора. Другая — колонизация близлежащих и отдаленных территорий. Различие между этими двумя способами (стратегиями) образования империй состоит в масштабах, степени и формах осуществления насилия, а также в степени уча-

ствия регулярных репрессивных сил государства. В конечном счете «государство» (метрополия) поддерживает колонизаторов, идя «след в след» за их отрядами.

Именно так, например, в середине первого тысячелетия до новой эры древнегреческие полисы колонизировали побережье Средиземного и Черного морей. Подобным же образом Московская Русь колонизировала территории Сибири и Дальнего Востока, а Испания, Голландия, Англия и Франция – Америку, Африку и значительную часть Азии.

Несмотря на то, что колонизация новых земель зачастую не имеет явно выраженной «имперской цели», результат оказывается тем же, что и при государственном завоевании соседей: расширение масштабов и национального состава государства, влекущие за собой политические и экономические выгоды. Резюмируя, можно сказать – образование «имперских» государств есть в значительной мере итог попытки решить свои внешнеполитические и внутренние проблемы за счет экономически и военно более слабых соседей.

Однако ограничиться только этой теоретической констатацией было бы преждевременно. История великих завоеваний свидетельствует, что симпатии Ники не единожды оказывались на стороне тех государств, в имперское будущее которых сначала было почти невозможно поверить. Почему, например, экономически ничем не превосходящая своих соседей малонаселенная Македония, немногочисленный союз монгольских племен, руководимый Чингиз-ханом, или, допустим, ведомые бедуинами племена Аравийского полуострова в кратчайшие сроки покорили огромные территории, десятки царств? А затем столетия удерживали их в составе «империй»? Экономическим перевесом «метрополии», превосходством оружия, военной организации объяснить это можно лишь с большой натяжкой. Царю Филиппу и его великому сыну противостояли экономически более сильные и хорошо вооруженные Афины, Фивы, Коринф, во много раз численно превосходившие греко-македонскую ар-

мию войска Дария. Чингиз-хану — не менее многочисленные и хорошо вооруженные армии Хорезма и Китая. Но поле исторических битв осталось за теми, кто, уступая побежденным экономически и «цивилизационно», значительно превосходил их духовно-психологически. Гегель — в числе прочего прекрасный знаток всемирной истории — считал образование великих империй прошлого (Римской, Германской и др.) закономерным процессом, обусловленным, выражаясь современным языком, огромным «духовным потенциалом» великих народов, благодаря которому они затем создают и великую культуру, и сильные государства. Такие государства неизбежно поглощают духовно более слабые народы, образуя «империи». Но в чем источник «силы духа» «имперских» народов? Разумеется, великий философ-идеалист полагал — в «мировом духе». Претендующий на научность ответ на этот вопрос был дан 150 лет спустя в пассионарной теории этногенеза Льва Гумилева.

Согласно ей великие переселения народов и сопутствующие им распад и образование империй (в частности, Римской империи, империи Чингиз-хана, многочисленных империй на территории современного Китая и др.) связаны с возникновением особого рода духовной энергетики и стереотипов поведения у отдельных, иногда малочисленных, этносов, источником которых были и продолжают оставаться изменения биосферных процессов в той или иной части планеты. Эта духовно-физиологическая энергия была названа Гумилевым «пассионарностью», а ее носители — «пассионариями»: людьми «длинной воли», которая позволяла им завоевывать и обустривать огромные территории. Александр Македонский и его воины, Юлий Цезарь и его легионеры, Чингиз-хан и его нукеры, Тамерлан и его гулямы («удальцы») — это они, «люди длинной воли», бегущие идиотизма спокойной повседневности, покоряли (не числом, а жадой победы!) огромные народы и могучие государства, создавая затем государства еще более могущественные и более вели-

кие. В истории образования и развития *цивилизаций* на евразийском и других континентах это обстоятельство имело, быть может, решающее значение.

Это сейчас термины «имперский», «империя» и соответствующие им реалии воспринимаются как нечто антипрогрессивное. Однако на протяжении многих столетий до и после новой эры «имперская идея» (и образованные в соответствии с ней империи) в ряде случаев несли в себе позитивный культурно-исторический смысл.

Отмечая этот факт, П.Н.Савицкий в статье «Борьба за империю» еще в 1915 г. писал, что собственно «империей» может быть названо империалистическое образование, в котором «империализуемые» народы «получают» цивилизационно и культурно больше, нежели теряют: «империя» — лишь там, где для покоренных народов покорение имеет большее значение, чем значение того несчастья, которое воспытывает характер человека и обнаруживает ему его недостатки». На этом основании мыслитель различал «континентально-политические» империи (Чингис-хана и Тамерлана), милитарное властвование которых над покоренными народами не ведет ни к какому (экономическому, политическому и культурному) прогрессу и которые точнее называть восточной деспотией, и «подлинные империи», к которым ранний Савицкий справедливо причислял «эллинно-македонскую» и «римскую»¹⁴⁶.

В чем, например, всемирно-историческое значение образования империи Александра Македонского и великой Римской империи? Прежде всего в том, что они способствовали распространению великой греко-римской культуры («цивилизации») на огромных пространствах Ойкумены, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех этносов *государственную наднациональную идеологию и единые законы совместного проживания*. Точно так же и великое Московское царство, колонизируя в XV—XVIII столетиях земли за Волгой и за Уралом, выполняло, по сути, ту же цивилизаторскую миссию, реализовывало римскую идею «еди-

ного пространства» и единых «прав человека» в Евразии. В данном случае неважно, чье «право» — римское или московское — было лучше. Важно, что превращение десятков миллионов этнически и конфессионально разных людей в «подданных» одного государства создавало *возможность* для сосуществования и взаимообогащения различных культур и религий, для нормальной хозяйственной жизни, научного и технического прогресса.

Но реальная история свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев эта потенциально существующая возможность так и не воплотилась в реалии межкультурного синтеза. Более того, собирание под эгидой верховной имперской власти миллионов людей, различных по языку, вере, обычаям и другим «цивилизационным» и этническим характеристикам, по мере роста расового, этнического, национального и даже «экономического» самосознания реально создавало и создает предпосылки «сепаратизмов» самого разного толка. В чем же дело? Почему, не смотря на довольно мощный культурно-ассимиляторский и административный потенциал, ни в одной из средневековых азиатских и восточноевропейских империй (Византия, Арабский Халифат, Священная Римская, Монгольская, Османская и др. империи), а позже и в империи Российской, не сложились та, надэтническая, социокультурная и политическая общность людей, которая впоследствии была названа «нацией»?

Анализируя этот вопрос, некоторые авторы решают его путем изучения государственной «идеологии» («имперского сознания»), содержание которой было существенно иным в империях и национальных государствах. Идеология «полноценной средневековой империи», отмечает И.Г.Яковенко, «покоится на нерушимой вере в абсолютный, всеобщий характер верований и ценностей, земным отражением которых выступает империя». Поэтому ее цели и ценности «иррациональны» и «трансцендентны» человеку, в то время как идеология национального государства имманентна ему в том

отношении, что «назначением национального государства является обслуживание общества, т.е. совокупности автономных и социальнo стратифицированных индивидов. Государство, «конституированное общением своекорыстных индивидов» (А.Ф.Филиппов), оказывается инструментом для достижения целей и интересов этих индивидов». Кроме того, «цели империи несопоставимы с целями подданных и в ценностном отношении, ибо цели божественны, а подданные есть не что иное, как средство для достижения этих целей. В крайнем случае, все общество без остатка можно положить во имя бесконечно великих целей. Ни о каких интересах граждан здесь говорить не приходится»¹⁴⁷.

Можно согласиться с этими обобщениями, а также с тем, что в ряде случаев цели «идеократических» (средневековых) империй «фундаментально мифологичны». Но одновременно следует обратить внимание на то, что императивы имперского сознания и само «имперское сознание», которое анализирует Яковенко и которое он трактует как «социокультурный комплекс»¹⁴⁸, это отнюдь не *массовое сознание, а сознание государственных элит* Византии, Халифата, Османской, Московской и других империй XI–XVI вв. Их, вслед за А.Тойнби, лучше именовать «универсальными государствами»¹⁴⁹. Не взирая на огромные территориальные размеры, эти многоязычные полиэтнические государства, в силу многоукладности и консервативности унаследованных способов материального производства, были экономически не эффективны, со слабыми хозяйственными и коммуникационными связями как внутри провинций, так и между частями империи. В имперском сознании правящих элит этот реальный языковой, культурный, конфессиональный и экономический плюрализм компенсировался, главным образом, *идеями государственного миссионизма*, которые сами по себе не могли объединить народы империй в единое социокультурное и политическое целое. Формальное административно-территориальное объединение народов не сглаживало их различий. Для этого нужны были не только политическая

воля, но и реальная работа государства по устранению объективной гетерогенности имперского социума. Но эта работа не могла быть даже начата в силу космополитизма и сакральной сущности династийных азиатских империй, функции которых ограничивались перманентным расширением территории, собиранием налогов и поддержанием территориальной целостности¹⁵⁰.

Разумеется, правители средневековых империй эпизодически поощряли торговлю, ремесла, «науки» и искусства в столицах. Но они не могли успешно развиваться из-за отсутствия экономически и политически свободных индивидов: государственное принуждение было тотальным и распространялось на все сословия и чиновничество. Тотальность династийной имперской власти и паразитический характер государства, жившего за счет своих многочисленных «подданных», напрочь отсекали возможность появления «общенациональной идеи» и символов, предполагающих идентификацию личных интересов с интересами государства. И это, наряду с другими факторами, закрывало возможность формирования наций в составе средневековых и более поздних азиатских и европейских империй: «нации» могли быть образованы только в результате их распада на независимые «национальные» государства. История Центральной и Восточной Европы подтвердила это вполне убедительно.

Если в XVI–XVIII вв. жизнь большинства народов Азии и Восточной Европы протекает в составе династийных империй, то Западная Европа в это же время от периода феодальной раздробленности через централизацию монархических государств вступает в эпоху государств национальных. И переход этот, как уже отмечалось, идет преимущественно по схеме «государство-нация» — то есть на основе понимания нации как прежде всего политической общности (согражданства).

Следует иметь в виду, что западноевропейские демократические (монархические и республиканские) национальные государства (Голландия, Англия, Франция и др.) историчес-

ки «выросли» из средневековых монархических государств. Которые, будучи по размерам значительно меньше современных им «внутренних империй»¹⁵¹, были также слабо территориально, экономически, лингвистически и культурно интегрированными, как и их восточные соседи. Их населения различались, а внешние связи были так фрагментарны, что они сохраняли самобытность существования, не взирая на постоянные междоусобные войны королей и феодалов и подчас не знали, в каком королевстве они живут. Однако начавшийся переход к индустриальному обществу (в другой терминологии – от феодализма к капитализму) с сопутствующими ему концентрацией экономической жизни в отдельных регионах, ростом городов, ремесел, развитием торговли, миграции, социальной мобильности населения и, конечно, усилением централизованного государства, постепенно изменил ситуацию.

Как показали исследования, подъем в конце XV в. центральных районов сильных государств, контролировавших основные потоки экономического обмена в пределах их территорий, а также с периферийными и полупериферийными областями, означал более высокую степень экономической интеграции во всей Западной Европе, особенно в узловых государствах. Это в свою очередь укрепило органы государства, получавшего доход в виде налогов, монополий, таможенных сборов и в результате контроля над такими ключевыми ресурсами, как добыча полезных ископаемых и регулирование торговли.

Более интенсивная и целенаправленная деятельность государства побуждала конкретные экономические центры, возникавшие, как правило, вокруг крупных городов, развивать связи друг с другом на территории, контролируемой государством. В результате региональные и городские элиты оказались объединенными общей экономической судьбой. Таким образом, постепенно в пределах государства формировались основы внутренних товарных рынков, экономиче-

ское разделение труда (профессионализация) и наметилась эрозия устоявшегося регионального деления. С тех пор, хотя бы теоретически, купцы и ремесленники могли заниматься своим делом в пределах всего королевского домена при сходных экономических условиях¹⁵².

Одновременно и параллельно с этим в Западной и Центральной Европе шел процесс демократизации государственной власти. В отличие от правителей средневековых империй власть европейских монархов никогда не была тотальной и абсолютной. Еще в средние века права монархов и сюзеренов были ограничены правами сословий и корпораций, представители которых заседали в парламентах (Нидерландов, Англии, Франции) и городских магистратах. Уже в XVI в. в Западной Европе не было крепостного права, но почти повсеместно были основы «гражданского общества» и элементы демократии, которые после первых буржуазных революций воплотились в республиканские и конституционно-монархические демократические государства, с характерным для них разделением ветвей власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Появление после 1648 г. («Вестфальский мир») системы международного права, закрепившее употребление понятий «внутреннего» и «внешнего» политического суверенитета, постепенная замена «суверенитета государя» понятием «народного суверенитета», с одной стороны, и отделение государства от «гражданского общества» (т.е. функциональное обособление государственного аппарата) — с другой, — то, что по-мнению Хабермаса, составило правовую основу появления в Европе национальных государств и сопутствующих им «наций». «Вне зависимости от того, — пишет он в разделе «Европейское национальное государство. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства», — была ли сама государственная власть уже приручена в государственно-правовом смысле и стала ли корона «подзаконной», государство не может пользоваться правовой средой, не организовав сообщество в отличной от него сфере гражданского общества таким

образом, чтобы частные лица пользовались субъективными свободами (распределенными сначала не поровну). С отделением частного права от публичного отдельный гражданин в роли «подданного» достигает, как выражался еще Кант, самой сути частной автономии»¹⁵³.

Экономическая и политическая интеграция населения в составе государства — важные составные моменты национальной интеграции, которые подробнее будут рассмотрены в следующем разделе. А сейчас, акцентируя внимание на роли государства в образовании западноевропейских наций, следует обратить внимание на одну принципиальную вещь — *рациональный характер организации и осуществления государственной власти*, принципиально отличавший государства Западной Европы от современных им империй. Как известно, появление рационализма в качестве специфического феномена западноевропейской жизни в целом и политической жизни в частности было связано с развитием философии и науки в эпоху Возрождения и в Новое время, теоретически обоснованными принцип деятельности активной субъекта (человеческого «разума»), в отношении которого природа и общество позиционировались в качестве «объекта» человеческих действий. Для политической и социальной практики того времени это открывало возможность «инженерного отношения» к действительности, которым не преминуло воспользоваться государство в своих попытках рационализации собственного устройства, а затем и обустройства жизни населения своих стран на вполне рациональных началах культурной и языковой стандартизации.

Как показал еще Макс Вебер, рационализация государства выразилась в его «бюрократизации», результатом которой было впечатляющее преобразование методов организации военной и административной «машин» и контроля за их действиями¹⁵⁴. Способность концентрировать экономические и политические ресурсы посредством относительно стройной военной и административной государственной машины с ее обученной интеллигенцией далеко превосхо-

дила возможности и эффективность других государств, включая самые мощные империи — Османскую, Монгольскую и Китайскую. Только те империи, которые переняли западную модель государства, как это частично сделала послепетровская империя Романовых, впоследствии смогли выжить, сохранить и приумножить свои территории. Хотя в XVII—XVIII вв. в составе государственных элит и в системе эксплуатации крестьянства еще остались некоторые элементы феодализма (особенно в Восточной Европе и тем более в России), этот новый тип бюрократического государства поощрял рост богатого буржуазного класса и связанных с ним людей «свободных профессий» — интеллигенции, противостоявших аристократии. Поэтому, когда монархия лишилась реальной власти или была смещена, именно этот слой унаследовал традиции и концепции накопленного веками искусства рационального управления государством, а также государственную машину для осуществления политики в своих интересах.

Впоследствии, подчеркивают исследователи, рационализированная машина отправления государственной власти в лице просвещенных «бюрократов» сыграла решающую роль в культурной стандартизации и секуляризации жизни населения большинства западноевропейских стран, реально превратив их в общность равноправных граждан. Монархи всегда стремились к религиозному конформизму, контролируя церковь и клир и освобождая государственную политику от церковных и традиционных ограничений. С этой целью они поощряли рост интеллигенции с классическим и светским образованием, но лояльной в первую очередь династии и государству и получавшей награды в виде бюрократических должностей. «Через смуту социальных революций, — пишет А.Д.Смит, — идентификация этого нового слоя с государством и контролируемыми им территориальным доменом способствовала совмещению государства, территории и культурной общности. Ибо в процессе идентификации бюрократы постепенно сплачивали вместе различные классы и регионы Франции, Англии (позже Британии), Испании (с

некоторыми исключениями), Швеции, Голландии, Венгрии и России, хотя в последних двух случаях этническая гетерогенность оказалась слишком сложным препятствием»¹⁵⁵.

Однако на Западе территориальная централизация и консолидация шли одновременно с возроставшей культурной стандартизацией. Как живо показал Бенедикт Андерсон, важную роль в обретении обществом культурной гомогенности сыграли появление средств массовой информации (газеты и книги), а также широкое использование административных языков, усиливших системы коммуникаций за счет их стандартизации¹⁵⁶. Этот процесс продолжался не одно столетие, но по-настоящему государство взяло на себя «роль воспитателя нации» лишь в XIX столетии, когда массовое начальное образование стало нормой в большинстве стран Западной Европы. В частности, исследование Юджином Вебером политического и социального развития Франции того периода показывает, что лишь по мере расширения массового призыва в армию и роста массового образования большинство французов начали осознавать свою «французскость» и ставить лояльность к государству — или, скорее, нации-государству — выше своих различных локальных или региональных привязанностей. И только тогда стало возможным «завершить процесс секуляризации в политике вследствие отделения церкви от государства и окончательно поставить образование под контроль государственных бюрократов, намеренных гомогенизировать население и сделать французов сознательными гражданами»¹⁵⁷.

В Центральной Европе процесс нациеобразования проходил, главным образом, по схеме «нация-государство»: здесь роль государства сводилась к территориальному объединению отдельных частей наций, которые, как писал еще Гегель, а затем отмечали и другие исследователи, в результате войн утратили свою государственность, сохранив тем не менее много общего в языках и культуре. Поэтому здесь в XIX столетии в результате объединения мелких, хотя и обладавших давними традициями государственных образований, возник-

ли унифицирующие государства. Классическими примерами такого объединения разделенных частей нации стали Германский рейх и Италия. В обеих этих странах цели национального движения совпали с централизаторскими устремлениями одного из государств – Пьемонта-Сардинии в Италии и Пруссии в Германии. После успешного национального объединения бывшие мелкие государства были либо ликвидированы и заменены централизованным административным делением (Италия), либо их суверенитет был существенно ограничен (Германский рейх). Но одним политическим объединением нации функции нового государства не ограничивались. И еще на протяжении десятилетий «рациональное» государство делало значительные усилия по культурной гомогенизации лингвистически и культурно разнородного населения. Иллюстрацией этому может служить культурно-идеологическая политика канцлера Бисмарка по «выковыванию» единого национального сознания среди разных и недавно приобретенных немецкоязычных территорий.

Следующие этап и тип формирования национальных государств были реализованы в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе в XIX – начале XX в., для многих народов которой обретение собственного национального государства выступало как политическая цель национально-освободительных движений. Здесь национальные государства возникли путем сецессии, дробления полиэтнических «внутренних» империй, которые, как Османская империя на Балканах, либо постепенно разлагались из-за постоянных конфликтов с христианским миром, либо – как царская Российская империя и монархия Габсбургов – распались или были резко ослаблены в результате первой мировой войны. Сложившееся политическое сознание народов, расселенных в этих регионах и идентифицировавших себя прежде всего в качестве языковых и этнических общностей, было направлено против существующего государства. Оно воспринималось как чуждое им политическое образование, разрушавшее национальные предания подчиненных народов.

Вот как схематично выглядит этот процесс в интерпретации Петера Альтера:

Возникновение государств в Европе в 1815–1922 гг.

1830	Греция
1831	Бельгия
1861	Италия
1871	Германский рейх
1878	Румыния, Сербия, Черногория
1905	Норвегия
1908	Болгария
1913	Албания
1917	Финляндия
1918	Польша, Чехословакия, Эстония, Латвия, Литва, Королевство сербов, хорватов и словенцев
1922	Ирландия

По мнению Петера Альтера, вся полоса государств от Финляндии на севере, через балтийские государства, Польшу, Чехословакию и до Румынии, Албании и Греции возникла посредством сепаратизма. Однако и некоторые национальные государства Западной Европы появились в результате отделения от более крупного династического государства. Так возникла Бельгия, отделившаяся в 1831 г. от Объединенных Нидерландов, Норвегия вследствие разрыва унии со Швецией (1905), Ирландия путем отделения от Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии в 1922 г. и, наконец, Исландия – в результате расторжения союза с Данией в 1944 г. Пример Польши и отчасти югославянских народов показывает, что сепаратистские движения одновременно могут быть движениями за создание единого национального государства посредством объединения территорий, включенных в состав нескольких государств. Например, восстановление польской государственности произошло путем вос-

соединения польских земель, входивших в состав Российской империи, Австро-Венгрии и Германии. «Эти примеры, — подчеркивает Альтер, — показывают относительность географической и хронологической схемы трехфазового становления национальных государств в Европе»¹⁵⁸.

С этим замечанием можно только согласиться. Реальная история образования наций и национальных государств не укладывается ни в одну из предложенных исследователями теоретических концепций. Одни нации формируются преимущественно в процессе движения от «государства» к «нации», другие — по схеме «нация — национальное государство» (где национальное государство выступает как цель, «политический проект» национальной интеграции), а третьи, как было отмечено, реализуют некий «гибридный тип» развития. В любом случае, как я пытался показать, роль государства в процессе интеграции этносов в нацию очень велика. Рассмотрим этот процесс более детально в следующем разделе монографии.

Национальная интеграция. Анализ концепций и исследовательских подходов

В предыдущем разделе, где были рассмотрены разные пути образования различных европейских наций, удалось показать, что по своей сути все эти исторически различно оформленные процессы есть не что иное, как *интеграция* антропологически, социально, культурно, конфессионально и лингвистически разных групп людей в некое качественно новое антропосоциокультурное целое, которое, собственно, и представляет собой «нацию». При этом отмечалось, что интеграция была рассмотрена в самом общем плане — как сложный процесс политического, экономического, социального, культурного и языкового объединения людей, где важная роль принадлежит государству, которое, помимо других средств, в качестве инструмента государственно-национального объединения очень часто использует культуру.

Проблема, однако, состоит в том, что использование культурных стандартов не является единственным и даже достаточным условием национальной интеграции. Так, например, Швейцарию характеризует глубокая изолированность ее кантонов, ее народ разведен по четырем языковым группам. И все же государство существует, хотя швейцарцы не проявляют к нему большого пиетета. Италия интегрирована личными клиентальными отношениями между центральным правительством и местными нотаблями, поскольку в стране нет объединяющей национальной идеологии или общепризнанной национальной культуры. Когда в 1861 г. Италия стала единым политическим образованием, менее 3% ее населения пользовались в повседневном обиходе итальянским языком и до сих языковые различия многих территорий довольно существенны. Ситуация в Испании еще драматичнее: там целые провинции считают себя отдельными нациями. Исходя из этих и многих других примеров, некоторые социологи и историки не признают культурную ассимиляцию главным интеграционным механизмом образования национальных государств, отдавая предпочтение процессам политического упорядочивания (мобилизации) или социальной координации, определяющим целостность национальных образований.

Ситуация осложняется тем, что исторически национальная интеграция происходит в разной последовательности составляющих ее элементов. Как показал Карл Дойч, «процесс может начаться с интеграции страны, которую мы обозначим «С», затем привести к интеграции населения («Н») и, наконец, к возникновению государства («Г»). Последовательность «С-Н-Г» вполне возможна. Но первой фазой может быть и интеграция народа. В известной степени арабские племена даже в доисламский период были интегрированы посредством языка («Я») и формировавшейся литературы, затем к интегрирующим факторам добавилась исламская религия («Р»), а консолидация арабских стран и национальностей произошла намного позже и не достигла завершения.

Тем не менее как политическая реальность существует арабский национализм, созданный усилиями отдельных людей, и последовательность интеграции можно изобразить как «Я-Р-С-Г-Н»¹⁵⁹.

В других случаях интеграция могла начаться с политического объединения в той или иной форме. Последовательность валлийско-английской интеграции в британский народ, согласно Дойчу, можно свести к формуле «Г-Р-С-Н». Сходной была интеграция Англии и Шотландии. Но в отношении Ирландии, например, государственная интеграция не повлекла за собой консолидации на массовом уровне. Поэтому англо-ирландскую интеграцию можно изобразить как «Г-С*-Р*- Н*-Г*», где «*» означает срыв интеграционного процесса.

Таким образом, генезис национальной интеграции не сводится к простому коррелятивному процессу синхронизированного роста. Скорее, справедливо отмечает К.Дойч, «это процесс, напоминающий очень плохо налаженный конвейер. На хорошо налаженном конвейере движение всех компонентов происходит с одинаковой скоростью, и все они достигают критических точек сборки примерно в то же время. Однако даже на идеальном конвейере безразлично, начинается ли сборка с шасси, на которое ставится двигатель, собранный в другом месте, и позже добавляются колеса, или же сначала устанавливаются колеса, а потом двигатель. Главное — чтобы на конце линии был готовый автомобиль»¹⁶⁰.

Действительно, порядок и характер интеграции, преобладание в ней влияния тех или иных групп факторов настолько исторически многообразны, что вряд ли поддаются всестороннему теоретическому обобщению в рамках одного дисциплинарного исследования. Не случайно в пределах современного теоретического дискурса сосуществуют много концептуальных моделей национальной интеграции, которые можно разделить на «социентальные» и «инструментально-конструктивистские», принципиальное философско-методологическое различие между которыми было

установлено в первой главе. Где, помимо прочего, также было обращено внимание на недопустимость абсолютизации ни одного из указанных подходов, разрывающих диалектическое существование бытия и сознания в процессе формирования и существования наций. Учитывая это, вместе с тем следует помнить и о методологических преимуществах каждой из концепций, предметно анализирующей одну (объективную или субъективную) из сторон или одну (социально-экономическую, политическую, культурную и др.) групп факторов национальной интеграции.

В качестве примера, удачно иллюстрирующего продуктивность социально-экономического варианта социентальной трактовки национальной интеграции, можно считать монографию «Рост и упадок наций» одного из крупнейших специалистов в этой области Карла Дойча. Сопоставляя «феодалный» и следующие за ним периоды европейской истории, К.Дойч приходит к выводу, что ни в одном из европейских полиэтнических государств (да и нигде в мире) приобщение к «общим культурным стандартам» никогда «не было полным» ни в одной из социальных групп населения. Общая культура вообще не играла большой роли в интеграции из-за ее незначительного влияния на жизнь основной массы народа — сельского населения¹⁶¹. И лишь «когда это относительно пассивное население было мобилизовано в процессе экономического развития и политической организации, его культурные и социальные характеристики в каждом случае приобретали ключевое значение в процессе национального строительства»¹⁶².

Какие же общие черты характеризуют рост наций в прошлом? По мнению К.Дойча, это:

1. Переход от натурального хозяйства к *экономике обмена*.
2. *Социальная мобилизация* сельских жителей в ядрах (центральных районах) с большей плотностью населения и более интенсивным обменом.
3. Рост *городов*, социальной мобильности в них, а также между городом и деревней.

4. Развитие *базовых коммуникационных сетей*, соединяющих важные реки, города и торговые пути в потоке транспорта, путешествий и миграций.

5. Дифференциальное накопление и *концентрация капитала* и профессиональных навыков, иногда также социальных институтов, и *эффект «перекачки»* их в другие районы и группы населения с последующим вступлением различных социальных слоев в националистическую фазу.

6. Появление концепции *интереса* у индивидов и групп с неравным, но переменчивым статусом, и рост *индивидуального самосознания*, а также осознания своей предрасположенности присоединиться к группе, объединяемой общим языком и коммуникативными привычками.

7. Пробуждение *этнического самосознания* и принятие национальных символов, введенных преднамеренно или сложившихся естественным путем.

8. *Совмещение этнического самосознания* с попытками *политического принуждения*, а в некоторых случаях попытки преобразовать свой народ в привилегированный класс, которому подчинены представители других народов¹⁶³.

Последовательно рассматривая один за другим все эти группы факторов, Дойч устанавливает иерархию их значимости, в которой рост этнического и национального сознания «вторичен» по отношению к естественно-исторически возникающей группе социально-экономических факторов — переходу к экономике обмена, росту городов, базовых коммуникационных сетей, концентрации капитала и профессиональных навыков, — каждый из которых в конечном счете стимулирует рост «социальной мобилизации».

Социальная мобилизация — ключевое понятие и ведущий фактор роста «национализма» индивидуального сознания и, разумеется, сознания группового. «Периоды социальной мобилизации, быстрых изменений традиционного социального контекста, — пишет Дойч, — обостряют сомнения и самосознание индивидов. Вопросы «Кто я?», «На кого я похож?», «Кому я могу доверять?» приобретают новую остроту и требуют нетрадиционного ответа. По мере поиска от-

ветов на эти вопросы люди пытаются оценить себя, свои воспоминания, предпочтения, привычки, конкретные образы и даже специфические слова, посредством которых все это передавалось и фиксировалось в их памяти. Поскольку старые культурные или религиозные образцы, верования и обряды подвергаются сомнению, эти внутренние поиски должны привести к воспоминаниям детства и к родному языку, запечатлевшему значительную часть жизненного опыта и в определенном смысле сформировавшего характер и личность. В итоге поиски своей индивидуальности могут привести к национальности, а стремление к общению с себе подобными может раскрыть индивиду связь между этнической национальностью и потенциальной возможностью товарищества (т.е. национальной жизни. — Ю.Г.)»¹⁶⁴.

Если индивидуальное осознание языка, религии и культурных традиций своего народа, продолжает Дойч, может показаться делом личной психологии, то национализация (национализм) группового и массового сознания¹⁶⁵ явно связана с всплесками социальной мобилизации (поддерживаемых властью), которые делают необратимым процесс распространения национальных символов, которые могут сложиться совершенно непреднамеренно. Процесс социальной мобилизации, считает Дойч, может даже преобразовать функции существующих символов или институтов таким образом, что они могут превратиться в проводников группового самосознания независимо от их первоначального предназначения. «Например, распространению национализма нередко способствовала наднациональная церковь. Ранние средневековые церковные провинции, такие как Галлия или Англия, сами по себе не могли создать единство Франции или Англии, но они способствовали этому наряду с другими факторами, рассмотренными выше. Имена святых покровителей провинций и регионов, таких как святой Стефан для Венгрии, святой Вацлав для Богемии, святой Патрик для Ирландии и Мать Божья Ченстоховская для Польши, превратились в патриотический боевой клич»¹⁶⁶.

Как видим, К.Дойч рассматривает национальную интеграцию полиэтнического населения европейских государств как процесс, в ходе которого под влиянием многих социоэкономических факторов (но не культурных воздействий!) групповое «этническое сознание» трансформируется в «национальное» посредством распространения «наднациональных символов». Разумеется, национальное сознание и соответственно «национальная идентичность» исторически формируются на основе «сознания» (чувств, представлений, памяти и т.д.) доминирующего в той или иной стране этноса. Что позволило Ш.Шульцу и Ю.Хабермасу интерпретировать формирование новоевропейских наций в контексте эволюции понятий: трансформации идеи «этнической нации» в «политическое понятие нации» – политическую ассоциацию свободных граждан, выражающую духовную общность, сформированную за счет общего языка и культуры»¹⁶⁷.

Указание Хабермаса на «два лица нации»: гражданское (политическое) и этноцентрическое (дополнительное) крайне важное наблюдение. Которое, однако, не должно вносить терминологическую путаницу (связанную с нечетким различением понятий «этнос» и «нация»), позволяющую интерпретировать процесс становления той или иной нации как результат эволюции одного, «нациеобразующего» (титulyно-го), этноса. История свидетельствует, что это не так. Интеграция полиэтнического, конфессионально, лингвистически и культурно разного населения европейских государств XVII–XIX столетий в «нации» – многофакторный исторически конкретный процесс, в котором самосознание территориально, численно и экономически доминирующего этноса с необходимостью трансформируется в надэтнический (надлокальный) комплекс гражданской (национальной) идентификации. Но вернемся к сущности и формам национальной интеграции.

Если Дойч обращает внимание на значимость социально-экономических факторов, стимулирующих формирование и распространение в индивидуальном и массовом созна-

нии надэтнических (национальных) символов, то Бенедикт Андерсон, Эрнест Геллнер, Майкл Шадсон и другие «инструменталисты», как правило, выносят социальные и экономические процессы «за скобки» своих исследований и рассматривают национальную интеграцию как результат «*воображаемой*» культурной самоидентификации индивидов¹⁶⁸, изменение вектора которой в XVI–XIX вв. было связано с изменениями в области языка, характера информационных связей и образования.

В этом случае центральным вопросом образования наций является проблема формирования национального сознания, которое, по мнению Андерсона, могло возникнуть только в связи с фундаментальными изменениями в системе мировоззрения людей эпохи раннего капитализма. Ведь средневековый человек даже не мог вообразить себе такую надэтническую общность как «нация». Его воззрения на окружающий мир и восприятие этого мира были принципиально ограничены тотальным локализмом его образа жизни и устным разговорным языком, словарный запас которого формировался в пределах этнически ограниченного круга общения. Единственным универсальным средством межэтнического общения была латынь, которую монополизировало духовенство, а единственной потенциально доступной книгой – Библия, написанная на той же латыни. И вот этот реальный дефицит знаний и информации о внешнем мире ограничивал сознание большинства людей XI–XIV вв. горизонтами мифа, этнических преданий и традиций.

Но массовое распространение в XV–XVI вв. технологий печатания книг и газет радикально изменило осознание и восприятие мира, сделав психологически представимым и приемлемым такой феномен, как нация. Если массовое тиражирование лютеранской Библии на немецком языке, вовлекшее в движение Реформации миллионы людей, способствовало разрушению идеологической монополии католической Церкви¹⁶⁹, то распространение светских книг и газет, пронизательно замечает Андерсон, помимо прочего, изме-

нило представление европейцев о времени. «Роман и газета были теми формами, которые обеспечивали технические средства для представления воображаемых общностей типа нации. Действия-персонажей романа происходят в одном времени, фиксируемом часами и календарем, но при этом персонажи могут совершенно ничего не знать друг о друге. В этом новизна такого воображаемого мира, создаваемого автором в умах читателей. Представление о социологическом организме, календарно движущемся в гомогенном, пустом времени — это точный аналог идеи нации»¹⁷⁰.

Действительно, отмеченная Андерсеном коалиция протестантизма и «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания, быстро создала широкую читающую публику, включавшую также купцов и женщин, обычно не знавших латыни, и одновременно мобилизовала ее для политико-религиозных целей. Помимо этого она принципиально изменила языковую ситуацию. В Европе и других частях света в допечатный период многообразие разговорных языков было огромно. Но разнообразные диалекты подавались — в определенных пределах — слиянию в механически воспроизводимые «печатные языки», пригодные для распространения посредством рынка.

Если Андерсон глубоко исследовал роль печатных и административных языков, стандартизовавших основной способ массовой коммуникации, то Эрнест Геллнер и Майкл Шадсон обратили внимание на *стандартизацию культуры как ведущего способа национальной интеграции, решающая роль в котором в XVIII—XX вв. принадлежит национальным системам образования*. Так, противопоставляя традиционные (аграрные) общества идущему им на смену обществу индустриальному, Геллнер отмечает, что по целому ряду причин индустриальное общество «должно быть полностью экзотризованным: здесь каждый индивид обучается специалистом, а не только своей локальной группой». Отдельные его сегменты — а индустриальное общество всегда большое, изменчивое и по сравнению с традиционными аграрными

обществами отличается очень упрощенной внутренней структурой — просто не имеют ни возможностей, ни ресурсов воспроизводить свой состав. «Средний уровень грамотности и технической компетентности, ставший стандартным, общая понятийная база, которую необходимо иметь членам этого общества, чтобы они нашли себе применение и могли чувствовать себя полноправными и действительными его представителями, настолько выросли, что их просто *не в состоянии* обеспечить семейные или локальные группы в их настоящем виде¹⁷¹.

Это может сделать только общенациональная система образования, основная задача которой состоит в том, чтобы создать общую культуру. «Культура теперь, — пишет Геллернер, — это необходимая общая среда, источник жизненной силы или, скорее, минимальная общая атмосфера, только внутри которой члены общества могут дышать, жить и творить. Для данного общества это должна быть атмосфера, в которой все его члены могут дышать, говорить и творить; значит, это должна быть единая культура. Более того, теперь это должна быть великая или высокая (обладающая своей письменностью, основанная на образовании) культура, а не разобщенные, ограниченные, бесписьменные малые культуры или традиции». И чтобы эта письменная, унифицированная культура воспроизводилась действительно эффективно, чтобы образовательная продукция не была низкого качества и отвечала стандарту, необходимо государство. Только государство в состоянии это делать: «Даже в странах, где важные звенья образовательной машины находятся в частных руках или в руках религиозных организаций, государство следит за качеством в этой самой важной из отраслей — производстве жизнеспособных и полезных членов общества»¹⁷².

Развивая эту мысль, Майкл Шадсон приводит впечатляющие примеры государственного контроля за развитием национальной системы образования во Франции XIX столетия, цель которого состояла в обеспечении максимально возможной культурной гомогенности общества на основе

«офранцуживания» инокультурных провинций. «В 1789 г. половина населения Франции вовсе не говорила по-французски. В 1863 г. примерно пятая часть французов не владела тем языком, который официально признавался французским; для многих школьников изучение французского было равносильно изучению второго языка. Отчет о положении в Бретани в 1880 г. содержал рекомендацию об «офранцуживании» полуострова путем создания сети школ, которые по настоящему объединят полуостров с остальной Францией и завершат исторический процесс аннексии, который всегда был готов прекратиться»¹⁷³. С разной степенью интенсивности аналогичные процессы аккультурации происходили в Германии, России, а позже и в Советском Союзе.

Но, возвращаясь к обсуждению основных концептуальных моделей национальной интеграции, следует отметить, что, не взирая на противоположность исходных философско-методологических позиций, их объединяет представление о том, что экономическая, политическая и культурная интеграция, зарождаясь и локализуясь первоначально в некоторых «центрах» (районах), затем распространяется на всю экономически и культурно отсталую «периферию». Особенно отчетливо эта предпосылка заметна в концепции К.Дойча, согласно которой под действием экономических факторов «социальная мобилизация» сначала происходит в некоторых «ядрах» (центральных районах), откуда затем новая общенациональная культура (нормы, ценности, символы, образцы жизни и т.д.) распространяется на традиционно живущие «периферийные группы» населения. Иными словами, языковая и, шире, культурная интеграция всей страны мыслится как процесс диффузии «культуры центра» и «периферии». Одновременно предполагается, что преодолеть культурные различия между группами населения можно, стимулируя разнообразные (прежде всего информационные) формы взаимодействия между ними. Причем одни исследователи, вслед за Дюркгеймом, полагают, что для аккультурации достаточно самого взаимодействия и его частоты, тогда

как другие утверждают, что взаимодействия самого по себе для обеспечения национальной интеграции явно недостаточно¹⁷⁴. Многие, по мнению Э.Смита, зависят от способности центрального правительства побудить или заставить сопротивляющуюся группу принять культуру ядра. Лучше всего это достигается путем манипуляции культурными символами и ценностями, особенно через средства массовой информации и систему национального государственного образования (Э.Геллнер). Но не исключаются и другие средства — вплоть до введения войск.

Особенно важна активная роль центрального правительства в утверждении общей профессиональной, языковой, гуманитарной и политической культуры. Контроль над общенациональными информационными сетями позволяет режиму определять национальные цели, создавать национальную идентичность, прививать необходимые навыки, усиливать централизацию власти, развивать рыночные связи, повышать статус одних групп за счет других и вообще манипулировать массами, используя развитую технику массового внушения. Однако даже при наличии всех этих инструментов управления, отмечают исследователи, многие, в том числе наиболее устойчивые, западные правительства сталкиваются с нарастающими националистическими вызовами вплоть до проявлений сепаратизма самого разного толка.

Еще один фактор, имеющий ключевое значение для национальной интеграции, — это поощрение участия элит в общей, особенно государственной, деятельности. На этом тезисе, как мы помним, особенно настаивают сторонники инструментально-конструктивистского подхода. Предполагается, что участие элит в процессе интеграции общества стимулирует их взаимоприспособление и взаимопонимание, которое затем распространяется и среди масс населения. Однако эти так называемые «функциональные» теории придают особое значение способности элит оказывать эффективное воздействие на рядовых членов своих групп.

В действительности же есть все основания считать, что результаты этого воздействия крайне неоднозначны и не всегда эффективны.

Следует иметь в виду, что с появлением наций и национальных государств изменился пространственный и социальный масштаб культурных сетей и институтов. *Для того чтобы нация сформировалась, необходимы были коммуникации между социальными группами (классами), а не внутри элиты.* «Для этого, по возможности, требовался и контроль за типами культурных идей и символов, доступных народу. Сутью этого проекта было создание национальной культуры, которая отчасти коренилась в устойчивых культурных и социальных особенностях того или иного общества, а отчасти была изобретена и нередко лишь отчасти успешно»¹⁷⁵. Основная задача формирующейся национальной культуры — развитие «национального сознания», субъективно поддерживающего претензии нации на политический и культурный суверенитет. Хотя это не означает, что границы культурных идентичностей и национальных государств обязательно совпадают.

Таким образом, суммируя сказанное, можно утверждать, что концепции, основанные на постулатах культурной диффузии по схеме «центр-периферия» в целом хорошо коррелируют с историей национальной интеграции в странах Западной Европы доиндустриального периода, но они не могут удовлетворительно объяснить устойчивость культуры и других признаков отдельных этносов и наций в пределах современного индустриального и тем более постиндустриального, национального государства. Ведь нельзя же убедительно доказать, что в индустриальных обществах периферийные, компактно проживающие этнические группы, «микронации» или группы, считающие себя полноценными нациями и признанные исследователями таковыми (каталонцы, шотландцы и др.), экономически, политически и культурно изолированы от ядра? Об этом свидетельствует все та же история стран Западной Европы.

Завершая обзор наиболее распространенных и влиятельных концепций национальной интеграции, вновь подчеркнем, что ни одну из них нельзя признать «единственно верной» и «всесторонней», но все они, различаясь по философским основаниям и дисциплинарной принадлежности, в чем-то дополняют друг друга, фокусируя исследование на одной из сторон¹⁷⁶ такого сложного явления, каковым является национальная интеграция. Последняя, повторим, просто не существует в некоем классическом виде. Как и «империи», «нации» и «национальные государства» национальная интеграция всегда феноменально представлена в обличи конкретно-исторических («страновых») форм, своеобразии которых определялось и определяется культурным и политическим контекстом эпохи, которые, разумеется, нельзя свести к какому-то одному научному «знаменателю».

Истинность всякого знания относительна. Тем не менее результаты нашего исследования путей формирования национальных государств и процессов национальной интеграции в Европе позволяют, по крайней мере, уточнить ответ на вопрос, почему к началу XX столетия и позже Россия так и не стала «национальным государством» европейского типа. В общем виде ответ на него звучит так: потому, что Россия исторически формировалась по типу деспотических «внутренних империй», в которых так и не сложилось (не могло сложиться) достаточное число социально-экономических и политических предпосылок для формирования «нации» и «национального государства».

Начиная с петровских реформ и по сегодняшний день Россия пребывает в состоянии перманентной модернизации, из века в век реализуя «догоняющий» тип развития и постоянно проваливаясь в «черные дыры» униженного и опасного отлучения от Европы. Как показал Александр Янов¹⁷⁷, регулярные срывы социально-экономической и политической модернизации (в цикле «реформа-стагнация-контрреформа») и сопутствующая им утрата страной европейской идентичности (1230–1462, 1560 – конец XVII в., 1825–1862,

1883–1906, 1917–1991) были predeterminedены сначала включением Киево-Новгородской Руси в состав евроазиатской империи чингизидов, провалом церковной Реформации (XV–XVII вв.) на территории Московского царства и появлением идеологии «Москва – Третий Рим», на столетия закрепившие в России деспотизм и крепостничество.

Сначала оппозиционная (Ивану III) а затем и официальная (XVI–XVII вв.) сакрально-имперская идеология «Москва-Третий Рим, а четвертому не бывать», в XIX столетии трансформировавшаяся в доктрину «официальной народности», по сути провозгласила Русь и Россию особой «православной цивилизацией», противостоящей «латинству» и «якобинству». И это, как называет ее Янов, «особлячество» от Европы – причина того, что все российские реформы оказывались непоследовательными и завершались провалами в «деспотическую Московию».

В то время, как Западная Европа и США уже в XVIII столетии вступили в эпоху промышленной революции и индустриализма, Россия еще целое столетие жила в условиях крепостничества и «азиатского» способа производства, от которых она начала избавляться только во второй трети XIX в. Во времена Петра Россия формально заимствовала у Европы лишь одно политическое «изобретение» – европейскую «государственную машину». Но она не смогла позаимствовать у Европы ее «рационализм», «демократию» и «гражданское общество». Поэтому российское государство было псевдоевропейским (неправовым) и иррациональным: в нем было много «чиновников», но не было политических свобод и «либеральных бюрократов», под определяющим влиянием и усилиями которых осуществлялось становление многих европейских наций.

По справедливому замечанию В. Кантора, «Петр Первый попытался переделать систему управления на европейский лад, бюрократизировать ее. Однако «птенцы гнезда Петрова» были кто угодно, но никак не бюрократы. Система личных распоряжений и указов осталась в силе. Только

при Александре I М.М.Сперанский пытается хоть как-то упорядочить российское законодательство, при этом дав пример честного бюрократического служения. Но этого «русского реформатора» решительно и быстро вытесняет граф А.А.Аракчеев, «фрунтовый солдат», по слову Пушкина, в гербе своем носивший девиз «без лести предан». В этой фразе полное отрицание какой-либо законности. Бюрократизация в очередной раз сорвалась, вместо нее установилась аракчеевщина»¹⁷⁸.

Строго говоря, в России не было не только попыток создания европейского национального государства, но и движения навстречу европейскому «национализму»¹⁷⁹ — государственной идеологии, предполагавшей интеграцию профессионально, лингвистически и культурно разного населения империи в «нацию», в том числе и за счет политической мобилизации, позволяющей, по мнению Хабермаса, «связать более абстрактную форму общественной интеграции с изменившимися (демократическими. — Ю.Г.) структурами принятия политических решений»¹⁸⁰. Взамен него в николаевской России была провозглашена доктрина «официальной народности», признававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. «Да, — признавался Николай I, — деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» «полической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему»¹⁸¹.

Попытки выработки новой «национальной идеи» продолжились в эпоху великих реформ Александра II. Тогда на недолгий срок у России появился шанс «европеизироваться»: помимо новых экономических и социальных институтов в стране начали создаваться земская и государственная системы национального образования, которую осуществля-

ли новые русские «либеральные бюрократы». Но этим шансом, по известным причинам, Россия, вступившая в смуту социальных потрясений, так и не сумела воспользоваться. Не самодержавие, а Октябрьская революция смела начавшуюся «европеизацию», а вместе с ней и так до конца и не сложившийся слой «рациональной» бюрократии, прервав процесс интеграции страны в единое национальное целое. В Советской России вопрос о национальной интеграции был заменен вопросом о «национальном самоопределении», заложившим политическую «мину» под Советский Союз, который, после ослабления государства, распался. Как избежать этой участи полиэтнической Российской Федерации? Этот вопрос будет рассмотрен в заключительном разделе.

ГЛАВА III. ФЕДЕРАЛИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Вопрос о формировании «нации» был и остается ключевым вопросом внутренней политики любого полиэтнического государства. Помимо прочих причин, царская Россия и СССР распались еще и потому, что ни российская империя, ни федерация советских республик так и не были, подобно многим европейским странам, преобразованы в «национальные государства», население которых было политически и культурно интегрировано в новую историческую общность — «нацию».

В современной России «российская нация» тоже до сих пор не сложилась. И это свидетельствует о том, что многоязычная и мультикультурная Россия не застрахована от распада: этническое самосознание в умах миллионов все еще доминирует над «национальным».

Но как интегрировать полиэтническое, мультикультурное население России в политически и культурно единое целое («нацию»), не ущемляя при этом суверенное право народов на развитие их собственных языков и культур? Возможно ли это в принципе? И если «да», то каким (унитарным или федеративным) должно быть государство и его «национальная политика», чтобы, обеспечивая политическое и культурное единство РФ, оно вместе с тем сохраняло бы языковой и культурный плюрализм России?

Разумеется, те или иные ответы на заданные вопросы требуют предпосланных им специальных и междисциплинарных исследований, предполагающих, помимо изучения

этнодемографической ситуации в различных регионах России (Северный Кавказ, Юг, Поволжье и др.) и степени их интегрированности в экономику России, анализ цивилизационно-культурных различий между входящими в состав РФ этносами (т.е. социокультурной гетерогенности населения), их стратификации (иерархии в ареалах совместного проживания) и русской аккультурации, а также тяготения входящих в состав России народов к «внешним» цивилизационно-культурным «ядрам»¹⁸². Обобщенные мной в предыдущей работе результаты таких исследований свидетельствуют: по всем указанным параметрам (численности русского населения в регионах России, степени русской аккультурации и языковой ассимиляции и т.д.) Российская Федерация представляет собой более устойчивое образование, нежели Советский Союз¹⁸³.

Тем не менее, как я попробую показать, необходимы серьезные усилия, способные раз и навсегда пресечь центробежные (дезинтегративные) тенденции и сделать процесс национальной интеграции необратимым. А поскольку решающим фактором интеграции полиэтнического населения в «нацию» является государство, начать следует именно с него. Итак, что представляет собой нынешний российский федерализм и каковы возможные направления его трансформации под углом решения сформулированной нами задачи?

Направления эволюции российского федерализма

Как и пути Господни, они не исповедимы. И тем не менее история СССР и первое десятилетие поспешных реформ в постсоветской России позволяют сделать некоторые эмпирические обобщения, на основе которых можно предложить наиболее предпочтительную (с точки зрения формирования российской нации) теоретическую модель его возможной эволюции. Но прежде чем перейти к непосредственному реше-

нию этой задачи, следует предварительно оговорить содержание дефиниции «федерализм», которое, как показывает опыт, совсем и не для всех очевидно.

Термин «федерализм» образован от латинского «*fedus*», что означает «договор» и «союз», а также «порядок» и «закон», позднее под «*federatio*» понималось также «объединение». Родоначальником федерализма считается Иоханнес Альтузиус (1562–1638), разработавший «федеральную теорию народного суверенитета» на основе принципа союза и согласия. Он считал, что федерация учреждалась в результате иерархического возвышения новообразованного союза над меньшими по размерам союзами — начиная с семьи вплоть до государства¹⁸⁴.

В отечественной политологии федерализм обычно означает: во-первых, теорию и практику формирования целостного союзного государства, образованного совокупностью политически и юридически равнозначных частей, связанных общими интересами, историческими судьбами, договорными конституционными отношениями и совместным управлением единым государством; во-вторых, форму государственности, в основе которой лежат следующие принципы: формирование геополитического пространства государства как единого целого из территорий членов (субъектов) федерации (штатов, кантонов, земель, республик и т.п.). Субъекты федерации обычно наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая принятие собственной конституции. Компетенция между федерацией и ее субъектами разграничивается союзной конституцией. Каждый субъект федерации имеет свою правовую и судебную системы, одновременно существует единое федеративное гражданство¹⁸⁵.

Федерации принято противопоставлять, с одной стороны, унитарным государствам, а с другой — конфедерациям. В качестве образцов унитарных систем приводят такие страны, как Франция, Великобритания, Италия, Египет. Основной принцип, на который делается упор во всех этих случа-

ях, заключается в том, что в каждом из них обнаруживается верховный единый центр власти. Когда речь заходит о примерах конфедерации, обычно упоминают Американскую Конфедерацию (1781 г.), Северо-Германский Союз (1867 г.), Швейцарскую Конфедерацию, существовавшую со времен средневековья и вплоть до 1867 г., а среди современных — Североатлантический Союз (НАТО), Арабскую лигу, Организацию африканского единства (ОАЕ). Главным признаком конфедерации считается то, что центр не является там носителем верховной власти — он наделен своими полномочиями по соглашению составляющих конфедерацию единиц. Например, английский политолог П. Кинг, один из самых авторитетных в мире исследователей проблем федерализма, в своей книге «Федерализм и федерация», отмечая относительность такого критерия, пишет, что «подобно тому, как имеется бесчисленное множество часто несопоставимых типов централизации — децентрализации, существуют и другие критерии классификации правительств, не имеющие никакого отношения к степени централизации, и такие критерии тоже многочисленны и разнохарактерны»¹⁸⁶.

Конкретизируя далее такой подход, он дает следующее определение федерации: «Это государство, которое конституционно поделено на одно центральное и два или более территориальных (региональных) правительства. Сфера ответственности центра охватывает всю нацию в целом, тогда как полномочия территорий (регионов) имеют по преимуществу местный характер. Центральное правительство не является сувереном того образца, который не допускает вовлеченности в процесс принятия властных решений региональных единиц. Это обусловлено тем, что региональные единицы конституционно инкорпорированы в центр для выполнения определенных целей — например, для решения вопросов, связанных с принципами формирования федерального законодательного органа и назначения центральной исполнительной власти или же с процедурой принятия поправок к конституции. Соответственно в федерации

суверенный элемент состоит, как минимум, из трех компонентов: центра и двух или более территориальных единиц (регионов, кантонов, провинций либо штатов). На региональном уровне политическое участие людей, проживающих в этих территориальных единицах, может быть как ограниченным и непредставительным, так и репрезентативным и широким»¹⁸⁷.

В состав современных федераций входит различное число субъектов: от 89 в Российской Федерации до 3–4 в Бельгии и Пакистане. Федерации, основанные на территориальном принципе, оказались более устойчивыми (США), тогда как образованные на национально-территориальной основе (Югославия) распались или подвергаются внутреннему давлению сепаратистов. Однако федеративное устройство многих государств обусловлено именно полиэтническим составом населения. В основу Российской Федерации положены национально-территориальный и территориальный принципы, каковые определяют и федеративные системы Бельгии, Канады, Индии, где эти системы достаточно эффективно обеспечивают решение национального вопроса и разграничение полномочий центра и регионов.

Но почему в Российской Федерации использование этих принципов в последнее десятилетие привело к невиданному росту этнонационализма? По мнению многих, это связано с историческими особенностями образования РФ и несовершенством ее конституционно-правовой базы.

Исторически РСФСР (в отличие от СССР) была федерацией, образованной «сверху», решением V Всероссийского съезда Советов, принявшего конституцию РСФСР. В результате многие народы России, либо никогда не имевшие собственной государственности, либо утратившие ее несколько веков назад, получили по крайней мере символическую государственность (впрочем, местные политические элиты восприняли ее как реальную). Подписание Федеративного договора в 1992 г. по существу росчерком пера превратило Россию в договорную федерацию. Центр и субъек-

ты федерации поменялись ролями, и теперь уже бывшие автономии стали стремиться – и безуспешно – ограничить компетенцию центральной власти.

Принятие в 1993 г. Конституции России реально мало что изменило: договорные отношения между федеральным центром и многими регионами продолжают действовать. И это «параллельное право», легитимизирующее объективное неравенство регионов и, в ряде случаев, создающее преимущество республик перед другими субъектами федерации, постоянно провоцировало и провоцирует этнополитический и этнокультурный национализм, а соответственно неустойчивость России как федеративного государства.

Так, быть может, все дело в «асимметрии» Российской Федерации, которая, по мнению многих исследователей, должна быть устранена?¹⁸⁸ Или же не приемлем сам «федерализм», который должен быть заменен унитарной государственностью? Исторический опыт и политические теории на эти вопросы однозначного ответа не дают. Многие исследователи считают, что для социокультурной и конфессионально гетерогенной федерации симметричное административно-правовое устройство и политическое устройство недопустимо: унифицированные политические модели эффективно нигде не работают¹⁸⁹.

Примером успешно функционировавшей асимметричной системы в одно время была, по мнению некоторых, Российская империя, где одним было устройство Финляндии, а совсем иным – Кавказа. Асимметрично оформленной федерацией является Индия, где в зависимости от этнокультурных особенностей оформились различные системы управления и политического устройства штатов и территорий, которые складывались путем автономного конституирования отдельных этносов и культурных групп. А вот «усредненные» гетерогенные федерации СССР и СФРЮ распались.

Так что универсального средства от дестабилизирующих общество всплеск этнической розни не существует. Даже, казалось бы, сложившаяся национально-государственная

однородность не гарантирована от разложения. Как показывают социологические обследования, США, которые зачастую приводятся в качестве образца переплавки общества в наднациональную общность, свыше четырех пятых населения признают свою коренную этническую принадлежность.

Показательна ситуация и во многих европейских странах. Так считают себя фламандцами, брюссельцами, валлонами, а не бельгийцами, свыше половины жителей Бельгии. К шотландцам или уэльсцам причисляют себя две трети населения соответствующих регионов Великобритании; так же определяют свою национальную принадлежность баски и каталонцы в Испании. Подобным образом обстоит дело и в Восточной Европе. События последних лет на Балканах показывают, к каким трагическим последствиям при соответствующих внешних воздействиях это может привести. А не такие же примеры дают бывшие советские республики? И разве не отмеченные явления вызвали острые затяжные конфликты в северокавказском регионе России?

Естественно, что отрицательный опыт федеративного строительства 1990-х гг. в России, распад Югославской федерации, другие примеры такого же рода дают обильный материал сторонникам унитаристской модели решения национальных и региональных проблем, подвигая их отказаться от федерализма. Для этого выстраивается следующая система аргументов.

1. Мировой опыт не подтверждает тезис, что федеративное государство более демократично, чем унитарное: такие федеративные государства, как Нигерия, Пакистан, Камерун, Коморские Острова, Объединенные Арабские Эмираты, Малайзия весьма проблематично рассматривать как демократические государства. В то же время унитарные Франция, Финляндия, Италия служат образцом демократического развития. Опыт федеративного строительства в советской и постсоветской России показывает, как в стремлении достичь «подлинной федерации» в бывших автономиях, а ныне республиках, шел «естественный» — по национальности, зем-

лячеству и родству – отбор кадров в государственные органы власти, хозяйственную и культурную сферы. Не секрет, что сегодня большая часть руководящих кадров в республиках сформирована не по профессиональным и деловым качествам, а по принципу принадлежности к «титульной национальности».

2. Широко распространена точка зрения, что федеративные государства наиболее полно удовлетворяют национально-культурные запросы своих граждан. Но мировой опыт свидетельствует об обратном: те же унитарные государства дают примеры того, как эффективно можно решать национальные проблемы. А как их не надо решать, показывают как раз упомянутые федеративные страны.

3. Часто высказывается мнение о том, что федерализм является необходимой предпосылкой развития гражданского общества. Но само по себе отождествление общества с административными структурами не выдерживает критики. Так федерализм в Нигерии, Камеруне, Пакистане не помог этим странам даже в малейшей степени приблизиться к уровню развития гражданского общества в унитарных западноевропейских государствах.

4. Считается, что федерализм привносит в жизнь общества атмосферу диалога, открытого обсуждения спорных вопросов, совместного поиска путей к компромиссу. Однако развитие российского федерализма показало противоположное. Все договоры и соглашения, начиная с Федеративного договора, готовились бюрократическим путем, без гласного обсуждения, имея характер сепаратных сделок.

5. Среди российских политиков принято считать, что федерация обеспечивает разделение властей по вертикали и создает систему противовесов, которая препятствует узурпации власти и диктатуре. Но никто и ничто, в сущности, не мешает установить в унитарном государстве процедуры разрешения конфликтов между центральными и региональными органами власти в судебном порядке, которые исключают чисто административно-бюрократическое вмешательст-

во сверху, как, например, в унитарной Франции. Федеративное устройство Пакистана, Нигерии, ряда латиноамериканских стран в то же время не защитило их народы от авторитаризма и диктатуры федеральных властей и военных переворотов, тогда как унитаризм названных западных государств убедительно показывает силу правовых институтов¹⁹⁰.

«Таким образом, — заключает один из авторов и составителей сборника А.Н.Аринин, — мировой опыт государствоведения убедительно показывает, что унитарные демократические государства намного эффективнее решают жизненные проблемы общества, нежели недостаточно демократически развитые федерации. Следовательно, главное в развитии государства — не его внутреннее устройство, а государственный режим его функционирования. Он, как известно, выражается в средствах и способах властвования, в демократическом или антидемократическом характере его воплощения в жизнь»¹⁹¹. Аналогичной позиции придерживаются многие¹⁹².

Что же, аргументы вполне основательные. Их трудно оспорить, оставаясь в теоретическом пространстве сравнительной политологии, но, безусловно, следует учитывать в практике реформирования российского федерализма. Что, кстати, уже пытаются делать: стремясь усилить контроль и влияние федерального центра, создали федеральные округа, реформировали Совет Федерации, вернулись к назначению губернаторов и запустили «механизм» укрупнения субъектов федерации, пока за счет слияния национальных автономий с краями и областями. Последнюю идею, естественно, поддерживают губернаторы. Президенты национальных республик, разумеется, против укрупнения, аргументируя это социально-экономическим и этнокультурным своеобразием национально-государственных образований, которое даже теоретически не поддается систематизации. Поэтому считают они, единственный путь эволюции российского федерализма, позволяющий «выровнять» социальное и экономическое неравенство субъектов федерации, лежит в плоскости их самоуправления и предоставления

каждому из них индивидуальных полномочий¹⁹³. Отсюда делается вывод необходимости развития практики договоров Центра с регионами, а также расширения полномочий регионов в сфере совместного ведения, в то время как возможности федерального вмешательства должны быть максимально ограничены.

Существует и компромиссный подход, согласно которому Федерация должна обеспечить единый правовой статус ее субъектов, а расширение полномочий последних в сфере совместного ведения невозможно без усиления ответственности регионов за соблюдение федерального законодательства. В данном случае речь идет о концепции «кооперативного федерализма», которая многим и мне представляется весьма перспективной. И должна быть реализована параллельно с осуществлением задачи формирования так называемой «политической гражданской нации», о которой в последние годы так много пишут.

Для ее реализации, считают авторы из Института политического и военного анализа, помимо исключения из законодательных актов всех субъектов РФ понятий «титовская нация», «коренное население» или «коренной народ» и лишения «национальных образований в составе России всех льгот и привилегий, связанных со статусом национальных республик», предлагается (для преодоления «политико-правового местничества») создать имеющие общенациональное значение «функциональные округа»: судебные, правоохранные, по вопросам безопасности, образовательные и округа по управлению федеральным имуществом. «Данные округа не должны совпадать с существующим территориально-административным делением и между собой.

Посты руководителей правоохранительных, судебных, образовательных структур субъектов федерации ликвидируются, а подведомственные им дела передаются в ведение руководителей округов. При назначении на должности руководителей округов следует учитывать следующий кадровый принцип: карьера кандидата в течение десяти лет до момен-

та назначения не должна быть связана с территорией будущей службы. Срок пребывания в должности руководителя округа не должен превышать пяти лет»¹⁹⁴.

Солидаризуясь с идеей создания «политической гражданской нации» (хотя, как я пытался показать, иной «нация» быть и не может), думаю, что создание «функциональных округов» и некоторые другие, подобные этой, конкретные меры по модернизации Российской Федерации — шаг в сторону бюрократической централизации и унитаризма. Разве нельзя установить *единые для всей России судебные, правоохранительные, образовательные и иные стандарты в рамках федерации?*

Кроме того, следует иметь в виду, что при анализе правовой регламентации устройства любого федеративного государства, а также при определении мер по его совершенствованию, необходимо учитывать прежде всего два обстоятельства. Во-первых, всякое федеративное государство, хотя и состоит из отдельных субъектов (республик, штатов, земель, кантонов), но представляет собой единое, целостное государство и отнюдь не является какой-либо формой объединения отдельных государств. Следовательно, федеративному государству присущи все те свойства, что и унитарному государству, а именно: единая территория, население, живущее на этой территории, и власть, действующая на всей территории государства. Во-вторых, федеративное государства — это сложная система, для укрепления которой принципиальное значение имеют два обязательных правила: чем сильнее взаимосвязь между ее элементами, тем выше степень целостности самой системы; ни одна ее часть не может довлеть над системой в целом.

Та автономия, которую институты федерализма предоставляют регионам страны и ее этническим группам, дает этим регионам и группам прямой контроль над тем, что их больше всего беспокоит: над языковыми и культурными традициями, а также над возможностью распределять ресурсы региона в соответствии с пожеланиями его жителей. Феде-

рализм также позволяет «децентрализовать» конфликты, так что региональные проблемы не обретают статус «общенациональных» и, следовательно, не ставят под угрозу общенациональные политические структуры.

Но все эти общие и совершенно правильные теоретические положения «работают» только тогда, когда реализован принцип *двойной детерминации федерального строительства и развития*: «снизу» и «сверху». При этом координирующее влияние федерального центра должно выражаться не в незамысловатом «перераспределении» бюджетных поступлений в пользу экономически отсталых регионов, а в таком «бюджетном федерализме», который мог бы способствовать их действительно экономическому росту. Тем самым по мере ликвидации реального социально-экономического неравенства субъектов будут, если и не устранены, то, по крайней мере, серьезно ослаблены предпосылки этнокультурного и политического национализма. И главное — появятся серьезные объективные основания для формирования новой общенациональной (надэтнической) идентичности. Для этого Россия должна стать, прежде всего, экономически мощным и действительно «социальным государством», развивать системы транспортных, информационных и других коммуникаций, поощрять (а не блокировать!) миграцию и общение, стимулировать опережающее развитие общенациональных систем образования и науки, финансируя их не «по остаточному», а по приоритетному принципу.

Суммируя, можно утверждать, что в обозримых пределах *наиболее целесообразным и перспективным направлением эволюции российского федерализма является поступательное движение от политически, юридически и социоэкономически «асимметричной» договорной федерации к «кооперативному федерализму»*, в котором многие атрибуты государственного суверенитета субъектов федерации — за исключением лингвистической и культурной — добровольно делегируются в федеральный Центр. Первым и главным шагом на этом пути должно быть восстановле-

ние дезинтегрированного образовательного пространства России, запуск механизма «политической мобилизации», для осуществления которой, как я пытался показать, нужна *идея нации*, обладающая большим мировоззренческим потенциалом и апеллирующая, как писал Хабермас, «к уму и сердцу с большей силой, чем народный суверенитет и права человека».

Какой (организационно и содержательно) должна быть общероссийская система образования, чтобы, обеспечивая политическое и культурное единство РФ, она вместе с тем сохраняла бы языковой и культурный плюрализм России? Ответ на этот и некоторые другие вопросы будет дан в заключительном параграфе этой книги.

Роль образования в формировании российской нации

Прежде чем приступить к обсуждению этой темы, следует вернуться к началу нашего исследования и вспомнить, что «*нация*» как исторический феномен европейской истории *амбивалентна*: это политическое и одновременно культурное сообщество граждан, в котором политический (демократический) компонент (законодательно фиксированный государством или в виде «идеи государства») обязательно поддерживается общей для всех (национальной) культурой. В качестве новой (надэтнической) формы коллективной идентичности «идея нации» обеспечивает юридически конституированную государственную форму «культурным субстратом». Этот процесс формирования новой солидарности приводит, как пишет Хабермас, «к двойному кодированию гражданства, так что определяемый гражданскими правами статус означает в то время и принадлежность к нации, определяемой в культурном плане»¹⁹⁵.

Иными словами, без общего для всех «культурного субстрата» демократическое государство не может быть подлинно «национальным». А решающим фактором создания об-

шей для всех, лингвистически однородной «национальной культуры» и ее трансляции в среде этнически разного населения страны была и остается формируемая и контролируемая государством общенациональная система образования. Благодаря которой в сознании лингвистически и культурно разных людей укореняются общие для всех «национальные символы», подкрепленные общей «исторической памятью» о годах совместной жизни, побед и поражений в борьбе с другими «нациями».

Строго говоря, Российская империя даже не ставила цели формирования на просторах России *одной нации* (на базе великорусского этноса и общей культуры) *как политической общности — то есть как согражданства*. Ибо в ней, как позже и в СССР, не существовало главных основ общенациональной интеграции — политической демократии и развитого гражданского общества. Но дело не только в этом.

Цепляясь за имперский принцип госстроительства и будучи по существу даже не классической империей (с характерным для нее космополитизмом: *civic Romanus* — гражданин всего культурного мира), а деспотией, Россия так и не смогла стать европейским унитарным государством, способным организовать общее политическое и культурное пространство для равноправной жизни своих народов.

Разделяя своих «подданных» на «великороссов» и «иностранцев», не отделив православие от государства, она так и не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всей территории империи. Наоборот. Первоначально создав сеть так называемых русско-«иностранческих» школ, в основу которых легла педагогическая система Н.И.Ильминского (1828–1891), царское правительство, не желая повышения образованности формирующейся «национальной интеллигенции» за счет русской культуры, затем спешно «отыграло назад»¹⁹⁶. И стало бороться с введением светских предметов в программы конфессиональных школ.

Например, «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае», созванное министром внутренних дел П. Столыпиным в 1910 г., постановило «устранить из профессиональных мусульманских школ (мектебе и медресе) предметы преподавания общего характера, в том числе и русский язык, ограничив программу преподавания в означенных школах исключительно предметами, относящимися к изучению мусульманского вероучения, подчинив их в отношении соблюдения этого требования общему учебному надзору»¹⁹⁷.

Основы наук, русский язык, культура и история в качестве обязательных предметов изучения так и не были введены на всем пространстве империи, в котором даже почти поголовно неграмотное население русскоязычных территорий продолжало делить себя на «псковских», «калужских» и «тутошних». В этих условиях о формировании российской нации как согражданства и речи быть не могло.

К началу первой мировой войны царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. Ее многочисленные народы, включая русских, не охваченные общей системой образования, почти поголовно неграмотные, продолжали «жить на особицу». И после 1917-го Российская империя, так и не ставшая «национальным государством», распалась.

* * *

После октября 1917 г. общая миссия школы с иноэтничным (нерусским) составом учащихся, ее образовательная и интегративная функции были переосмыслены в свете новой идеологической доктрины, провозгласившей в качестве стратегической цели создание нового «социалистического общества». Для многих народов бывшей империи, находившихся

на разных ступенях общественного развития, доктрина предлагала сокращенный, спрямленный сценарий перехода в такое общество.

В структуре формируемой системы советской единой школы был выделен самостоятельный тип школ — «*национальная школа*». Организационно и содержательно она являлась частью общей системы, но отличалась спецификой учебного плана — местом и ролью родного языка в качестве языка обучения (принцип «школа на родном языке»), использованием в содержании образования элементов национальной (этнической) культуры.

Определяющим тем не менее было идеологическое единство содержания образования, задававшееся единством воспитательного идеала и целей обучения и обеспечивавшееся едиными принципами и критериями отбора дидактического материала из общего массива национальных культур.

В составе задач национальной школы особое место занимала функция интеграции учащихся разных национальностей в новую надэтническую социальную (социалистическую) общность на базе пролетарского интернационализма, общего (русского) языка, истории и культуры. Но в силу постоянной смены приоритетов в ходе советской модернизации эта задача решалась крайне непоследовательно.

До середины 1930-х гг. приоритетной задачей советской школы (а в ее рамках и национальной) оставалась реализация обязательного начального обучения. Это было необходимо в предпосылку и условием решения главной культурно-политической задачи — осуществления всеобщей грамотности населения, которая могла быть достигнута, прежде всего, на родном языке.

Отсюда целенаправленное развертывание (включая инфраструктуру) сети начальных национальных школ, принесшее к началу 1930-х гг. очевидные результаты: число языков, на которых издавались учебники, достигло 104.

В 1938 г. национальным школам вменяется задача обязательного обучения школьников русскому языку. При этом в целях ее упрощения была предпринята унификация графики — силовой перевод алфавитов родных языков, использовавших латинскую графику, на кириллицу.

Все это, казалось бы, должно было существенно изменить старую «парадигму» национальной школы, расширить ее культурно-стандартизирующий потенциал, частично изменить приоритеты. Но этого не случилось. После Великой Отечественной Иосиф Сталин решает сохранить федеративное устройство СССР. И вопреки прежним радикальным инициативам «национальная школа» удерживается от немедленного перехода на русский язык обучения, сохраняет базовый принцип «школа на родном языке», получает дополнительный и крайне важный самостоятельный вектор действия («русский язык для нерусских»).

Для национальной школы выстраивается модель, предполагающая собственное целостное, не компонентное содержание образования, исходно опиравшееся на родной язык и культуру.

Согласно этой модели начальное звено национальной школы было полностью на родном языке. Среднее звено выстраивалось на двуязычной и бикультурной основе, а старшая школа — полностью на русском языке и культуре.

Ситуация принципиально меняется в конце 1950-х. Воодушевленный идеей скорейшего построения коммунизма, Н.С.Хрущев приходит к выводу, что наступило время подумать не только о конкретных сроках наступления «светлого будущего», но и о слиянии наций, как это предусматривает сама цель коммунизма. Вместо сталинской формулы «расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур» Хрущев и его шеф-идеолог Сулов выдвинули новую формулу: «Расцвет и сближение наций». Из этой формулы намеренно была исключена «национальная форма» Сталина, то есть национальный язык как главный признак любой национальной культуры. Причина ясна: когда

произойдет «слияние наций» через «сближение», то и язык будет для всех один – русский. Первой ступенью к слиянию наций и созданию единой коммунистической нации и является новая историческая социальная общность – «советский народ».

На базе этой идеологической новации началась школьная реформа 1958 г., целью которой был отказ от базового принципа национальных школ «школа на родном языке». Право выбора школы (русской или национальной) и языка обучения было передано родителям.

В условиях поддерживаемого политически русскоязычия высшей школы эта норма вызвала массовый переход национальных школ на русский язык обучения. Следствием было понижение статуса родного языка до уровня обычного учебного предмета, его вытеснение на периферию сферы образования как одной из важнейших публичных сфер языкового функционирования. Так в школах союзных республик с преподаванием на родном языке утвердилась *модель двухкомпонентного содержания образования*.

Она апробировалась с середины 1960-х гг. и обеспечивалась в полном объеме учебниками, подготовленными и изданными республиканскими издательствами. *Такая модель при безусловном идеологическом единстве содержания позволяла реализовывать принцип унификации содержания школьного образования в Советском Союзе через внедрение единых учебников, изданных для русскоязычных школ РСФСР и выстроенных на русской и мировой культурах.*

К сожалению, эта программа недооценивала принцип национально-культурной автономии народов СССР. В итоге *родной язык в качестве языка обучения сохранился к концу 1980-х гг. в Российской Федерации лишь у 18 этносов, в том числе в звеньях выше начальной школы – лишь у четырех (Башкортостан, Татарстан, Тува и Якутия).* По данным переписи 1989 г. русский язык как родной указали 28% нерусского населения РСФСР и еще 60% – как второй язык (в СССР соответственно 13% и 49%). Именно поэтому одним

из главных требований республиканских элит в конце 1980-х гг. стало требование возврата к принципу «школа на родном языке».

В 1990-е гг. уже в новой России этот принцип был возрожден. Но было допущено столько ошибок и перегибов, что сегодня в РФ проблема формирования нации как согражданства стоит почти так же остро, как и в российской империи.

* * *

Стремительный распад СССР обладал такой силой инерции, что сначала РСФСР, а затем и РФ оказались на грани развала из-за мощного всплеска этнонационализма и «регионализма» в бывших республиканских автономиях, краях и областях. В условиях острейшего социально-экономического кризиса первой половины 1990-х гг. Борис Ельцин фактически занимался покупкой лояльности региональных политических элит федеральному Центру («Берите суверенитета столько, сколько сможете»), которые тут же превратили эту самую лояльность в ликвидный политический товар: получение льгот и преференций в обмен на демонстрацию поддержки.

Юридически формула «преференции в обмен на лояльность» была закреплена в Федеративном договоре 1992 г., росчерком пера превратившем РФ из централизованной в «договорную» асимметричную федерацию, где, как уже отмечалось, Центр и субъекты поменялись ролями. Теперь уже бывшие автономии стали стремиться, и небезуспешно, ограничить компетенцию центральной власти.

Особенно ярко эта тенденция воплотилась в законах «О языках народов РСФСР», «О языках народов РФ» (1991/1998), «Об образовании в Российской Федерации» (1992/1996/2002) и соответствующих подзаконных актах, которые фактически дезинтегрировали единое образовательное и культурное пространство страны: тот самый принцип, который в этих законах был продекларирован.

Между тем в условиях федеративного государственного устройства эта норма (единство образовательного и культурного пространства РФ) выступала в качестве важного критерия, регулирующего межсубъектные отношения и обозначающего предельные границы субъектных притязаний.

С одной стороны, Закон об образовании гарантировал учащимся получение общего образования на родном языке в объеме основного (право выбора языка обучения закреплялось за школой, ее учредителями) и их интеграцию в национальную и мировую культуру. *Но в нем не нашло отражения то важное обстоятельство, что в условиях России роль основного ретранслятора ценностей мировой культуры и роль культурного интегратора в целом выполняет русская культура.*

С другой стороны, – и это главное, – *Закон разделил содержание общего образования на три самостоятельных блока («компонента»), выражающих интересы государства, субъектов федерации и местного самоуправления.*

Согласно Закону эти компоненты являются предметом независимой компетенции соответствующих субъектов, и распределение компетенции между ними носит «исчерпывающий» (т.е. изменяемый только законом же) характер. При этом какого-либо специального механизма согласования интересов сторон (при их несовпадении), способного обеспечить необходимое равновесие сил, в Законе предусмотрено не было. Это был и существенный недостаток Закона, который и по сей день не исправлен.

Установленный законом независимый статус отдельных компонентов означал практически полный перевод этнокультурного содержания обучения на региональный уровень. *Реально государство перестало выступать в качестве субъекта, облеченного правом и обязанностью регулировать этнокультурные аспекты содержания образования.*

Национальные республики в составе РФ, разумеется, воспользовались несовершенством закона: установили собственные «государственные» стандарты для национальной школы и, снизив ее связи с русским языком и русской куль-

турой, выстроили содержание образования на собственной культурной основе. В итоге к настоящему времени в учебный процесс оказались включены 75 языков народов России, из них 30 функционируют (в разном объеме) в качестве языка обучения. Школы с обучением на родном (нерусском) языке и с родным языком как учебным предметом в 2002/2003 учебном году составили 25,6% всей школьной сети Российской Федерации. В совокупности через них прошли 13,5% учащихся¹⁹⁸.

Показательна и динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости и последовательности республик.

В общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40%, Республики Башкортостан – 45%, Республики Татарстан – 60%, а Республики Тыва – 80%. Для этих школ в субъектах РФ разрабатываются и издаются учебно-методические комплекты, включающие учебник, программу, минимум содержания образования и требования к уровню подготовки учащихся по предметам регионального (национально-регионального) компонента¹⁹⁹.

Мало того. Вслед за провозглашением политического суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках, которые (вместе с декларациями о суверенитете) стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территории национально-государственных субъектов РФ и *спровоцировали процессы, ведущие к разрушению единого коммуникативного пространства России.*

В этих, по сей день не отмененных, законах «государственными» на территории субъекта федерации провозглашаются, как правило, два языка – язык «коренной нации» и русский язык. А иногда «огосударствуются» три языка, как, например, в Кабардино-Балкарии. Это означает, что документооборот в этих республиках ведется не на одном, а на

нескольких «административных языках». Мало того. В большинстве случаев республиканские законы о языке включают статьи, легитимизирующие льготы и преференции по этноязыковому принципу для представителей так называемых «титulyных» этносов.

Одновременно оформились и укрепились тенденции регионализации и партикуляризации образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, литература, политология, социология) в республиках, краях и областях России. Эти изменения касаются, прежде всего, так называемого регионального компонента образования, под видом которого зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титulyного» («коренного») этноса.

С 1991 г. в национальных республиках РФ выросло целое поколение ученых и педагогов, сделавших свою карьеру на обосновании тезиса об исторической, политической, этнической исключительности «своего» народа и противопоставлении местной истории, местных традиций и обычаев Российскому государству, русскому и другим народам. Активизировался и набирает силу процесс переписывания истории народов России, искусственного замыкания «на себя» этнонациональных историографий и других отраслей обществоведения, в результате чего говорить о едином образовательном пространстве на сегодняшний день не приходится. Что делать?

* * *

Прежде всего, необходимо понять, что, не взирая на социальную и экономическую стабилизацию, на изъятие из Конституций республик в составе РФ положений о политическом суверенитете, этнический национализм у нас не только не ослабел, но и обрел новые – культурные, образовательные и коммуникативные – формы. Стоило только (после

событий в Беслане) Президенту России лишь упомянуть о российской нации как согражданстве, а Институту национальных проблем образования Министерства образования и науки РФ представить общественности проект Концепции государственной этнонациональной образовательной политики Российской Федерации, как «национальная интеллигенция» республик сразу же квалифицировали их как «возвращение к имперскому прошлому», покушение на язык, традиции и культуру многочисленных народов России²⁰⁰.

Если временно вынести за скобки сепаратистские устремления республиканских этнополитических элит, преследующих цель трансформировать РФ в конфедерацию независимых государств, то озабоченность республиканских культурных элит понять можно. Памятуя о столетиях насильственной русификации, они и теперь боятся потерять свои языки и культуру. И либо не понимают, либо не хотят понимать, что в *демократически устроенных федеративных «национальных государствах»*, помимо «нации сограждан», *связанной общими системами культурных и политических ценностей, могут сосуществовать и развиваться нации иного — неполитического — типа: так называемые «этнонации», суверенитет которых определяется их лингвистической и культурной автономией.*

Именно этот суверенитет следует всячески укреплять и поддерживать, не забывая о формировании «российской идентичности», которая, прежде всего, связана с политическими ценностями и политическими стандартами совместной жизни народов России. Разумеется, высокая степень культурной стандартизации также необходима. Должен быть один государственный язык (остальные языки должны получить статус региональных) и единая национальная символика, общая — надэтническая культура, общие традиции и главное — общее положительное отношение к надэтническому институту сограждан — государству. «Мы — граждане российского государства» — этот уровень политико-культурной идентификации людей разной этнической принадлежности в одно «воображаемое сообщество» — «нацию» должен стать доминирующим.

Послесловие

Завершая исследование, целесообразно вновь вернуться к его началу и напомнить читателю, что, не взирая на многолетние дискуссии в России и за ее рубежами, центральные философские и теоретико-методологические проблемы изучения этносов, наций и национального государства все еще далеко не решены.

Прежде всего, это связано с трудностью самих проблем и объектов исследования: будучи системными, сложно организованными объектами, «этносы», «нации» и «национальные государства» не существуют, что называется, в «чистом виде», а всегда предстают в облики конкретно-исторических форм, которые, естественно, нельзя привести к какому-то общему научному «знаменателю».

С другой стороны, в силу своей практической значимости национальные проблемы «заболтаны» политиками и националистами всех мастей и оттенков. Начиная с 1990-х гг., в России, всегда отличавшейся значительной этнической и конфессиональной терпимостью, возникли десятки партий и общественных движений откровенно националистического толка. Чеченский, русский, татарский, якутский и иной национализм, сепаратистские настроения и идеи захлестнули Россию. Основу этих настроений и идей составляет объективное неравенство экономического, социального и культурного положения многих российских народов, которые следует решительно преодолевать.

Главным средством решения этой судьбоносной для России задачи может быть критический пересмотр разработанной еще в 1996 г. Министерством по делам национальностей и национальных отношений Концепции национальной политики и выработка на ее основе долгосрочной Программы национального развития РФ, ключевым моментом которой должен стать комплекс мер

по преодолению правовой и социоэкономической «асимметрии» Российской Федерации и формированию российской нации.

Стратегия достижения этой цели связана с развитием в России политической демократии, институтов гражданского общества, рыночной экономики и, конечно, общенациональной системы образования. Сохраняя в своем составе «национальные школы», эта система должна быть содержательно единой и выстраиваться на основе «образовательных округов», территориальные границы которых не должны совпадать с границами субъектов Федерации. Образовательное пространство России надо интегрировать и унифицировать.

Прежде всего *необходимо пересмотреть концепцию Закона об образовании в РФ* и внести в него поправки, устраняющие региональный принцип организации содержания образования и устанавливающие единые государственные стандарты образования на всей территории России.

Во-вторых, *следует создать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи.*

В-третьих, *вести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования*, которые до сих пор не сформированы.

И, наконец, — осуществив этнически независимую экспертизу, *привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России*, где на протяжении последних лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.

Эти меры являются вынужденными, но абсолютно необходимыми. Государство должно взять на себя роль «воспитателя нации» и, осуществив правовое и социоэкономическое выравнивание регионов, интегрировать их в единое правовое, политическое, социоэкономическое, коммуникативное и образовательное пространство России. Только экономическое процветание, подъем общей, политической и

правовой культуры населения всех регионов обеспечит поступательное движение к российскому национальному единству: тому состоянию, когда гимн и российский триколор действительно будут символизировать для всех этнически разных людей их общность и в качестве носителей великой российской культуры, и в качестве сограждан великого национального государства.

Примечания

- 1 *Росс К.* Федерализм и демократизация России // Полис. 1999. № 3. С. 17.
- 2 В этом случае категории «этнос» и «нация» определяются через социально-психологическое понятие «идентичности» – т.е. субъективно-символически.
- 3 См.: *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
- 4 *Тишков В.* О нации и национализме. Полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 34.
- 5 *Тишков В.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 597–598. Судя по более поздним публикациям, автор до сих пор придерживается этой позиции.
- 6 Автор разделяет позицию тех специалистов в области философии и методологии науки, которые помимо «норм и идеалов исследования», а также «научной картины мира» в блок оснований науки включают и ее «философские основания». При этом подчеркивается, что «философские основания», будучи эвристически значимыми, более фундаментальны, нежели другие, в частности – нормативные основания научного поиска. (Подробнее см.: *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопр. философии. 1989. № 10. С. 3–18.) Последние, по моему мнению, если речь идет о той или иной научной дисциплине на конкретном этапе ее развития, включают в себя не только общенаучные принципы и нормы исследования (простоты, непротиворечивости и др.), но и – функционально – исследовательскую «парадигму», иначе, «категориальную матрицу» – базовую нормативную общую теорию, сдвиги или смена которой определяет качественный скачок в развитии дисциплины. В этом, функциональном, смысле, на мой взгляд, правомерно говорить о «парадигмальных» основаниях научных дисциплин. В частности – о парадигмальных основаниях, например, политологии или этнологии, вектор развития которых может быть задан не только предпосланной им «философией истории», но и господствующей в научном сообществе «парадигмой»: формационной или, допустим, цивилизационной концепцией исторического развития.
- 7 См.: *Schramm P.E.*. Kaiser, Rom und Renovativ. Darmstadt, 1957. S. 91.
- 8 *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки полит. теории. СПб., 2001. С. 204.
- 9 *Ziegler H.O.* Die moderne Nation. Ein Beitrag zur politischen Soziologie. Tübingen, 1931. S. 23.
- 10 См.: *Козинг А.* Нация в истории и современности. М., 1978. С. 39.

- ¹¹ Следует обратить внимание, что в «чистом» виде ни один из подходов в науке и философии XVII—XVIII вв. не представлен. Каждый из рассматриваемых ниже мыслителей развивал тот или иной подход *par excellence*, не исключая из сферы анализа и влияние других факторов на происхождение и развитие народов (наций).
- ¹² *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 248.
- ¹³ *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940. С. 87.
- ¹⁴ Следует обратить внимание, что до сих пор никакой твердо установленной грани между терминами «этнология» и «антропология» нет. Они используются как взаимозаменяемые, и когда речь идет о гуманитарных ответвлениях антропологии (культурной, социальной, психологической, структурной и др.), и когда вопрос касается физической антропологии. Одних и тех же ученых, работающих в разных направлениях антропологии, называют то антропологами, то этнологами.
- ¹⁵ *Кант И.* О различных расах людей // *Кант И.* Соч. 1747—1777 гг.: В 2 т. Т. 2. С. 460.
- ¹⁶ *Гегель Г.В.Ф.* Соч. Т. III. М., 1956. С. 39.
- ¹⁷ Там же. С. 57.
- ¹⁸ Там же. С. 63.
- ¹⁹ Там же. С. 76.
- ²⁰ Там же. Т. VIII. М.—Л., 1935. С. 71.
- ²¹ Там же. С. 75.
- ²² Там же. С. 76.
- ²³ Там же. С. 48.
- ²⁴ *Гегель Г.В.Ф.* Философия духа // *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С. 360—361.
- ²⁵ *Гегель Г.В.Ф.* Конституция Германии // *Гегель Г.В.Ф.* Политические произведения. М, 1978. С. 176.
- ²⁶ Связанный, главным образом, с распадом Османской, Австро-Венгерской и Российской империй.
- ²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 428.
- ²⁸ См.: *Миль Дж.С.* Представительное правление. СПб., 1907. С. 275.
- ²⁹ *Ренан Э.* Что такое нация. СПб., 1886. С. 39.
- ³⁰ *Neumann F.J.* Volk und Nation. Berlin, 1888. S. 74.
- ³¹ *Vierkandt A.* Gesellschaftslehre. Hauptprobleme der philosophischen Soziologie. Stuttgart, 1923. S. 318.
- ³² См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 91, 96, 101—113.
- ³³ *Соловьев В.С.* Русская идея // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 220.
- ³⁴ Там же. С. 228—229.

- ³⁵ *Соловьев В.С.* Русская идея // *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 246.
- ³⁶ *Бердяев Н.А.* Судьба России. СПб., 1918. С. 1.
- ³⁷ *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 174.
- ³⁸ Там же. С. 176.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 182.
- ⁴¹ *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 113.
- ⁴² Там же. С. 159.
- ⁴³ Там же. С. 36.
- ⁴⁴ Там же. С. 50.
- ⁴⁵ *Bauer O.* Bemerkungen zur Nationalitätenfrage // *Die Neue Zeit.* 1908. Bd. I. S. 796.
- ⁴⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 387.
- ⁴⁷ *Сталин И.В.* Соч. Т. 2. С. 296–297.
- ⁴⁸ Изначально, в первой половине XIX в., этнология включала в свою предметную область и физическую антропологию. Это, в частности, нашло отражение в уставе «Парижского общества этнологии», где в сфере этнологии относилось «изучение особенностей человеческих рас, специфики их физического строения, умственных способностей и морали, а также традиций языка и истории». С середины века появляется тенденция противопоставлять этнологию как науку о народах и антропологию как науку о человеке. Так в Германии, например, открылось «Общество антропологии, этнологии и предьстории» (1869), в Италии — «Итальянское общество антропологии и этнологии» и т.д. Наряду с этим сложилась и иная традиция — рассматривать этнологию в качестве составной (социальной) части антропологии. В соответствии с ней созданные в 1863 г. «Этнологическое общество» и «Антропологическое общество» в 1871 г. были преобразованы в «Королевский Антропологический институт Великобритании и Ирландии». Как уже отмечалось, обе эти традиции сохранились до наших дней.
- ⁴⁹ Его успехи связаны с работами Л.Окенема, и, особенно, Ж.Ламарка, предположившего, что виды живых существ в процессе развития приобретают свойства, позволяющие им приспосабливаться к окружающей среде, а эти свойства передаются последующим поколениям путем наследования.
- ⁵⁰ Не меньшее значение эволюционизм имел и в гуманитарных науках. Во Франции, например, на основании распространения эволюционистских предпосылок на развитие общества возникла социологическая теория О.Конта, последователями которого были Э.Дюркгейм, Л.Леви-Брюль и Ш.Летурно.

- 51 В 1871 г. почти одновременно вышли в свет работы Э.Тайлора «Первобытная культура» и Дж.Мак-Леннана «Теория патриархата», а годом ранее – «Происхождение цивилизаций» Дж.Лаббока.
- 52 Подробнее см.: Этнография и смежные дисциплины. М., 1994. С. 125–130.
- 53 Там же. С. 141.
- 54 Там же. С. 142, 149–150.
- 55 См.: *Челпанов Г.* Социальная психология или «условные рефлексы»? М., 1926. С. 21.
- 56 *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию // *Шпет Г.Г.* Соч. М., 1989. С. 573–574.
- 57 Там же. С. 573.
- 58 *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. II, гл. III. Пг., 1920. С. 282.
- 59 Там же. Сорокин рассматривал «кумулятивные группы» как группы, соединяющие несколько элементов взаимодействия.
- 60 См.: *Kohn H.* Die Idee des Nationalisms. Ursprung und Geschichte bis zur französischen Revolution. Heidelberg, 1950. S. 34, 37.
- 61 Подробнее об этом см.: *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии.* 1989. № 10. С. 3–18.
- 62 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 333.
- 63 *Гуревич А.Я.* К дискуссии о докапиталистических общественных формах: формация и уклад // *Вопр. философии.* 1968. № 2. С. 118–119.
- 64 См.: Исторический материализм: Учеб. пособие для аспирантов нефилос. специальностей. М., 1974. С. 139.
- 65 См.: *Философская энциклопедия.* Т. 5. М., 1970. С. 394.
- 66 См.: *Вопр. истории.* 1966. № 4, 6, 12; 1967. № 1, 6, 7; 1970. № 8.
- 67 *Бурмистрова Т.Ю.* Теория социалистической нации. Л., 1970. С. 3.
- 68 *Куличенко М.И.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972. С. 29.
- 69 *Козинг А.* Нация в истории и современности. М., 1978. С. 118.
- 70 Там же.
- 71 См.: *Калтахчян С.Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1968. С. 152, 153.
- 72 *Каммари М.Д.* Расцвет социалистических наций и их сближение в период перехода от социализма к коммунизму. Львов, 1961. С. 14.
- 73 См.: *Исупов А.А.* Национальный состав населения СССР. М., 1964. С. 9; *Ефимов А.В.* О направлениях в изучении наций // *Новая и новейшая история.* 1967. № 4. С. 35; *Ихлов М.* От раздробленности – к единству // *Сов. Дагестан.* 1970. № 1. С. 36; *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // *Сов. этнография.* 1970. № 4. С. 108.
- 74 См.: *Изв. АН КиргССР.* 1975. № 6. С. 22.
- 75 См.: *Тишков В.А.* Экология американских индейцев. М., 1985. С. 4.

- 76 *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford—N. Y., 1986. P. 141.
- 77 *Duetsch K.W.* Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1966. P. 97.
- 78 *Materialen zum Berecht zur Lage der Nation 1974.* (West) Berlin, 1974. S. 70. Впоследствии идеи этой — информационно-коммуникационной — концепции использовали в своих работах, посвященных этничности, российские исследователи С.А.Арутюнов и С.В.Чешко.
- 79 *Connor W.* Selfdetermination: The New Phase. World Politics, 1967. Vol. XX. № 1. P. 30.
- 80 См.: *Kohn H.* Die Idee des Nationalisms. Ursprung und Geschichte bis zur französischen Revolution. Heidelberg, 195. S. 37, 34.
- 81 См.: *Seton-Watson H.* Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and Politics of Nationalism. Boulder. Col., 1977. P. 5.
- 82 См.: *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. М., 1989. С. 64.
- 83 См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. М., 1992. С. 96.
- 84 *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 227.
- 85 *Бромлей Ю.В.* Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988. С. 49.
- 86 Подробнее см.: *Тишков В.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 597—645.
- 87 *Бородай Ю.М.* Этнос, нация, государство // Полис. 1992. № 5—6. С. 19.
- 88 *Межуев В.М.* Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5—6. С. 16.
- 89 Там же.
- 90 *Шевченко В.Н.* Нация, государство, национализм: европейский опыт и российская действительность // Социальная теория и современность. Вып. 12. М., 1993. С. 10.
- 91 *Андерсон Б.* Воображаемые общности. Размышления о происхождении и сущности национализма // Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000. С. 79.
- 92 Там же. С. 79—86.
- 93 *Энтони Д. Смит.* Образование наций // Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000. С. 91.
- 94 *Тишков В.* О нации и национализме. Poleмические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 34.
- 95 *Тишков В.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 597.
- 96 Подробную критику инструментальной парадигмы в этнологии см.: *Козлов В.* Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. 1996. № 5; *Кучуков М.М.* Нация и социальная жизнь. Нальчик, 1996; *Руткевич М.Н.* Теория нации: Философские вопросы // Вопр. философии. 1999. № 5.

- ⁹⁷ *Энтони Д. Смит*. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 27–450.
- ⁹⁸ *Бородай Ю.М.* Этнос, нация, государство // *Полис*. 1992. № 5–6. С. 19–21.
- ⁹⁹ *Абдулатипов Р.* Нации на распутье: опасные заблуждения оракулов национализма // *Национальная политика России: история и современность*. М., 1997. С. 568.
- ¹⁰⁰ *Мнацаканян М.О.* Этносоциология: нация, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998. С. 27.
- ¹⁰¹ *Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования)*. М., 1999. С. 21.
- ¹⁰² *Мирский Г.И.* На развалинах империи: Этнические и нац. пробл. в бывшем Сов. Союзе. М., 2001. С. 6.
- ¹⁰³ См.: *Мнацаканян М.О.* Нации и национализм. М., 2004. С. 103.
- ¹⁰⁴ В основе которого лежит отсылка к психологической процедуре идентификации «свой – чужой».
- ¹⁰⁵ *Кольев А.Н.* Нация и государство: Опыт консерватив. реконструкции. М., 2005. С. 272.
- ¹⁰⁶ Подробнее см.: *Империя и нация в русской мысли начала XX века*. М., 2004. С. 67, 91, 101, 128, 323.
- ¹⁰⁷ Начиная с 1989 г., когда была создана АКИРН, вышло более двух десятков монографий, посвященных так называемому «русскому вопросу» и «русской этнополитологии», большая часть из которых принадлежит Е.С.Троицкому.
- ¹⁰⁸ Термины «нация» и «национальность» автор употребляет как тождественные.
- ¹⁰⁹ *Сорокин П.* Проблема социального равенства: Национальность, нац. вопр. и соц. равенство // *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992. С. 246.
- ¹¹⁰ Там же. С. 247.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. С. 247–248.
- ¹¹³ Там же. С. 248.
- ¹¹⁴ *Malinowski B.A.* Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, (NS), 1931.
- ¹¹⁵ Цит. по: *Маркарян Э.С.* Проблема целостного исследования культуры в антропологии США // *Этнология в США и Канаде*. М., 1989. С. 16.
- ¹¹⁶ *Redcliffe-Brown A.R.* Natural Science of Society. Glencoe, 1957. P. 106.
- ¹¹⁷ *Redcliffe-Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. Cambridge, 1952. P. 176.
- ¹¹⁸ *Jenks C.* Culture. N. Y., 1993. P. 40.
- ¹¹⁹ См.: *Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России* /Отв. ред. А.Г.Здравомыслов. М., 1998.

- 120 *Здравомыслов А.Г.* К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: Новый подход к исслед. этнополит. динамики России. М., 1998. С. 12.
- 121 Подробнее об этом см.: *Гранин Ю.Д.* Марксизм: утопия или научный проект? // Филос. науки. 1991. № 3. С. 3–17.
- 122 Этногенез и образование наций трактуются как часть геофизической, биологической, экономической и культурной (всеобщей и локальной) истории человечества.
- 123 Подробнее см.: *Гранин Ю.Д.* Нации, национализм и федерализм. С. 77–79.
- 124 Этот термин стал широко использоваться в англоязычной литературе в 1970-е гг. и по своему объему близок к предложенному у нас Ю.В. Бромлеем, но не прижившемуся, термину «этникос».
- 125 Что само по себе было удачно, так как давало возможность исследования этнических общностей разного таксономического уровня: «этнических меньшинств», «этнографических групп» и др.
- 126 *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я // *Фрейд З.* Я и ОНО. Соч. М.–Харьков, 2001. С. 801–807.
- 127 *Erikson E.* Insight and Responsibility. N. Y., 1964. P. 203–204.
- 128 *Erikson E.* Psychosocial Identity // *A Way of Looking at Things Selected Papers* /Ed. by S.Schlein. N. Y., 1995. P. 675–679.
- 129 *Mead D.G.* Mind, Self and Society. Chicago, 1936.
- 130 *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 122.
- 131 *Сикевич З.В.* Этнический фактор в политических процессах современной России: Докт. дис. СПб., 1996. С. 18, 196.
- 132 *Тишков В.А.* О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3.
- 133 Поэтому нации и этносы можно характеризовать и как большие и малые, разделенные и единые «общества», подчеркивая всегда системный характер их внутренних и внешних связей, придающих им качественную определенность и устойчивость. Этим они отличаются от «групп» и «диаспор».
- 134 Как показали исследования социобиологов, «социальность» присуща многим биологическим популяциям различных видов живых существ.
- 135 *Мархинин В.В.* Социально-философские основания теории этноса: Дис. в форме научн. докл. на соискание степени д-ра филос. наук. Новосибирск, 1994. С. 14.
- 136 См.: *Мархинин В.В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. Томск, 1989.
- 137 См.: *Турукало В.П.* Нация и национальные отношения: истоки, теория, современность: Дис... д-ра филос. наук. М., 1996. С. 78–79.
- 138 См.: *Гегель Г.В.Ф.* Конституция Германии // *Гегель Г.В.Ф.* Полит. произведения. М, 1978. С. 65–176.
- 139 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 421–422.
- 140 Подробнее см.: *Прохоренко И.Л.* Испанское национальное государство и феномен национализма // Национализм: теория и практика. М., 1994. С. 87.

- ¹⁴¹ В этом случае предполагается, что «нации» еще нет, и роль государства заключается в том, чтобы ее сформировать, превратившись тем самым в действительно «национальное государство».
- ¹⁴² То есть в период, когда на политической карте Европы одно за другим (Греция, Италия, Германия и т.д.) стали появляться национальные государства.
- ¹⁴³ На этот момент, кстати, одним из первых обратил внимание тот же Ф.Мейнеке, утверждавший, что по первому пути шло развитие стран Западной Европы, по второму – Центральной и Восточной Европы, а Германия создала некий «гибридный» путь, сочетавший в себе элементы первого и второго типов национального развития.
- ¹⁴⁴ См.: *Валлерстайн Б.* Раса. Нация. Класс. М., 2004; *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004, *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки неополитической теории. СПб., 2001; *Кагиян С.Г.* Этносы, нации и национализм. М., 2003; *Кольев А.Н.* Нация и государство. М., 2005; *Малыхов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005; *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. М., 2003.
- ¹⁴⁵ В соответствии с этим в новейшей истории формирования наций и национальных государств выделяют три основных периода: **первый** (XIX – начало XX вв.) – дезинтеграция Австро-Венгерской, Испанской, Османской и Российской империй; **второй** (1945 – по настоящее время) – массовый распад международной колониальной системы, в результате которой были образованы более 100 национальных государств; **третий** (1989 – по настоящее время) – распад некоторых бывших социалистических стран Восточной Европы (Чехословакии и Югославии) и Советского Союза.
- ¹⁴⁶ *Савицкий П.Н.* Борьба за империю // Империя и нация в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 268–302.
- ¹⁴⁷ См.: *Яковенко И.Г.* От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6. С. 119, 120.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 118.
- ¹⁴⁹ То есть антиподами «национальных» государств.
- ¹⁵⁰ Они могли существовать только за счет постоянной внешней экспансии, наращивая территории и фактически грабя населяющие их народы: экономическая неэффективность компенсировалась исключительно фискальной политикой. Хорошим примером в этой связи является история более поздней колониальной Испанской империи, экономической предпосылкой распада которой был постоянный приток золота из южных колоний, благодаря которому ремесленное производство в самой метрополии захирело и, начиная с XVIII столетия, Испания фактически стала экономической периферией промышленно развитой Западной Европы.

- 151 Они сами в процессе становления трансформировались в колониальные империи, которые отличались от империй внутренних (каковой была, например, петровская Россия) и средневековых азиатских империй. Но установление этих различий выходит за рамки нашего исследования.
- 152 Хотя на практике регулярные коммуникации и целенаправленная политика государства создали одинаковые условия и единую легально признанную профессиональную систему с потенциально мобильной рабочей силой в масштабах всей страны только в XIX в. Подробнее см.: *Deutsch K.W.* Tides among Nations. N. Y., 1979. P. 17–23.
- 153 *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки неополитической теории. СПб., 2001. С. 271.
- 154 Правда, некоторые исследователи считают наличие бюрократии атрибутом любого государства. Так, интерпретируя государство как конкретный способ распределения и концентрации социальной власти, преследующей цель повышения способности к «наведению порядка», Зигмунт Бауман (солидаризуясь с Корнелиусом Кастариадисом) отмечает, что название «государство» следует употреблять « в тех случаях, когда оно построено в форме *Государственного аппарата* — предусматривающей наличие отдельной «бюрократии» — гражданской, клерикальной или военной — пусть и рудиментарного характера: другими словами, иерархической организации с четко отграниченной сферой компетенции» (*Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 90).
- 155 *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford—N. Y., 1986. P. 138.
- 156 См.: *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983. P. 14–48.
- 157 *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. P. 141.
- 158 *Alter P.* Nationalismus. Fr. a/M., 1985. S. 100–105.
- 159 *Deutsch K.W.* Tides among Nations. N. Y., 1979. P. 284.
- 160 *Ibid.*
- 161 «И даже там, где ее влияние было сильным и с течением веков привело к культурной ассимиляции, сохранявшаяся пассивность и отсутствие возможностей прямого участия в решении более важных дел в конечном счете не обеспечило полной интеграции — независимо от того, было ли подчиненное сельское население в известной мере приобщено к единой культуре, как в Италии, или оставалось резко дифференцированным, как чехи и немцы в Богемии или малайцы и китайцы в Малайе» (*Дойч К.* Рост наций // Этнос и политика. Хрестоматия. М., 2000. С. 64).
- 162 Там же.
- 163 *Deutsch K.W.* Tides among Nations. P. 18.
- 164 *Ibid.* P. 27.
- 165 Выражающаяся, прежде всего, в устойчивом воспроизводстве «национальных символов».
- 166 *Ibid.* P. 28.

- ¹⁶⁷ См.: *Sculze H.* Staat und Nation in der Europäischen Geschichte. München, 1994. P. 189; *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки неополит. теории. СПб., 2001. С. 272–273.
- ¹⁶⁸ «Все общества, — пишет, например, Майкл Шадсон, — фиктивны. Личностная идентификация с какой-либо группой людей, выходящей за пределы того круга лиц, с которым человек сталкивается лицом к лицу в повседневной жизни, определяется силой воображения. Культурные импульсы могут заставить человека идентифицировать себя с единоверцами по религии, с коллегами по работе или профессии, с согражданами в каком-то национальном государстве, с родичами по расширенной племенной группе, характеризующейся этническим единством. Любая из этих идентификаций есть элемент создания «воображаемой общности», как это квалифицирует Бенедикт Андерсон» (*Шадсон М.* Культура и интеграция национальных обществ // *Междунар. журн. соц. наук.* 1994. № 3 (6). С. 83).
- ¹⁶⁹ В течение сорока лет, прошедших после издания библии Гутенберга, в свет вышло более 20 млн томов книг, а в следующем столетии — 150–200 млн.
- ¹⁷⁰ *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983. P. 44.
- ¹⁷¹ См.: *Геллнер Э.* Нации и национализм /Пер. с англ. Т.В.Бердаковой, М.К.Тюнькиной. М., 1991. С. 86–87.
- ¹⁷² Там же. С. 92, 93.
- ¹⁷³ *Шадсон М.* Культура и интеграция национальных обществ. С. 89.
- ¹⁷⁴ «Предположение, что чем выше частота взаимодействия между группами, тем выше вероятность их уподобления, — отмечает Хетчер, — вроде бы подтверждается экспериментальными исследованиями взаимодействия между малыми группами. Но поскольку нетрудно найти доказательства, что межгрупповое общение часто приводит не к взаимной адаптации, а к враждебности, требуются менее уязвимые объяснения» (*Hechter M.* Internal Colonialism. The Celtic Fringe in the British Development, 1536–1966. L., 1975. P. 25).
- ¹⁷⁵ *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрею Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура. М., 2004. С. 398.
- ¹⁷⁶ Экономической, политической, социальной или культурной.
- ¹⁷⁷ См.: *Янов А.* Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. М., 2001; *Он же.* Загадка николаевской России. М., 2003; *Он же.* Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. М., 2005 и др.
- ¹⁷⁸ *Кантор В.* О необходимости у нас бюрократии // *Свободная Мысль.* 1996. № 12. С. 82.
- ¹⁷⁹ Он существовал в качестве периферийного национализма лишь на окраинах империи — Польше, Прибалтике и Финляндии.
- ¹⁸⁰ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки неополитической теории. СПб., 2001. С. 267.

- ¹⁸¹ Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. СПб., 1918. С. 42.
- ¹⁸² Одной из важных причин распада СССР была ориентация ряда этносов (и соответствующих политических элит) не на российское ядро, а на иные страны и регионы (Европу, Румынию, мусульманские страны). В известной степени тяготение к внешним «ядрам» характерно и для некоторых, прежде всего мусульманских и тюркоязычных, народов России. Но выражено оно, за немногочисленными исключениями, значительно слабее.
- Географическое положение и степень русской аккультурации большинства народов России, в сущности, исключают возможность их альтернативной интеграции в рамках каких-либо региональных объединений с участием иностранных государств. Поэтому их переориентация на какие-либо другие страны мало вероятна, а интерес к культуре родственных зарубежных народов вполне может быть удовлетворен путем расширения культурных связей с соответствующими зарубежными и странами.
- ¹⁸³ По сравнению с СССР Российская Федерация обладает гораздо большей степенью социокультурной гомогенности. За немногочисленными исключениями, нерусское население подверглось глубокой и всесторонней русской аккультурации и языковой ассимиляции, во многом переняло ценностные ориентации и поведенческие стандарты, политическую культуру русской нации. Некоторые исследователи даже считают, что в границах Федерации в общих чертах и в основном сформировался российский народ (суперэтнос), обладающий общей культурой и языком. Но этот вывод нуждается в двух существенных оговорках.
- Во-первых, ряд небольших, компактно расселенных народов, в первую очередь – северокавказских, сохранил многие черты самобытности и их русская аккультурация имеет скорее поверхностный, зачастую чисто внешний характер. Во-вторых, процесс становления российского народа в условиях всплеска национализма или, пользуясь распространенным эвфемизмом, «бурного роста национального самосознания» в последние годы приостановился и даже был повернут вспять. Подробнее см.: *Грани Ю.Д.* Нации, национализм и федерализм. М., 2002. С. 230–236.
- ¹⁸⁴ См.: Политическая энциклопедия. Т. 2. М., 1999. С. 542. См. также: Федерализм. Энциклопедический словарь. М., 1997.
- ¹⁸⁵ См.: Политическая энциклопедия. Т. 2. М., 1999. С. 542.
- ¹⁸⁶ King P. Federalism and Federation. L., 2000. P. 28.
- ¹⁸⁷ Ibid. P. 31.
- ¹⁸⁸ «Федерализм, – подчеркивают В.Ильин и А.Ахизер, – правильно толковать не как национально-территориальную, но как территориальную форму демократического устройства на базе волеизъявления всех (а не

- «титულных») проживающих в данной административной единице граждан» (*Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы.* М., 1998. С. 235).
- ¹⁸⁹ См.: *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф.* Опыт федерализма. М., 1994; *Абдулатипов Р.Г.* Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996; *Иванов В.Н., Яровой О.А.* Российский федерализм: становление и развитие. М., 2000 и др.
- ¹⁹⁰ *Росс К.* Федерализм и демократизация России // *Полис.* 1999. № 3. С. 17. Эту точку зрения разделяют многие авторы сборника «Федерализм власти и власть федерализма». М., 1997. См.: С. 58, 71, 73, 94, 108, 146. Правда, некоторые считают, что федерализм, все-таки, обладает большим политическим потенциалом, который власть не использует в силу своей некомпетентности.
- ¹⁹¹ *Аринин А.Н.* Проблемы развития российской государственности в конце XX века // *Федерализм власти и власть федерализма.* М., 1997. С. 73.
- ¹⁹² См., например: *Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы.* С. 219–241.
- ¹⁹³ В западной литературе такой подход называется «форалистическим федерализмом».
- ¹⁹⁴ Тезисы по российской национальной политике /Рук. авт. коллектива А.А.Шаравин. М., 2004. С. 12.
- ¹⁹⁵ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки неполитической теории. СПб., 2001. С. 271.
- ¹⁹⁶ «Рекомендуемое и даже навязываемое нами татарам русское образование весьма ловко обращается ими против наших ...патриотических упований», – писал в 1886 г. Н.И.Ильминский министру просвещения. Описания по поводу развития культуры и пробуждения национального самосознания татарского народа он емко выразил в одной фразе: «фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже человек университетского образования».
- ¹⁹⁷ *Сафиуллина Р.Р.* Инструмент полицейско-охранительной политики? // *Звезда Поволжья.* 2004. № 43. С. 4.
- ¹⁹⁸ *Кузьмин М.Н.* Научное обоснование Концепции государственной этнонациональной образовательной политики Российской Федерации. М., 2004. С. 9.
- ¹⁹⁹ Анализ учебных изданий, имеющих гриф органа управления субъекта РФ: Предварит. результаты, подгот. Ин-том нац. пробл. образования М-ва образования и науки РФ. М., 2004. С. 2.
- ²⁰⁰ См., например: *Сафиуллина Р.Р.* Инструмент полицейско-охранительной политики // *Звезда Поволжья.* 2004. № 41–46.

Оглавление

Предисловие	3
ГЛАВА I. «НАЦИЯ» И «ЭТНОС»	9
Эволюция понятий «этнос» и «нация» в истории европейской философии и науки XVII – начала XX столетий	9
Методологический анализ современных отечественных и зарубежных дискуссий	40
«Нация» и «этнос» как объекты дисциплинарных и социально-философских исследований	63
ГЛАВА II. НАЦИИ, ЭТНОСЫ И ГОСУДАРСТВО	87
Исторические формы государств и пути формирования наций	87
Национальная интеграция. Анализ концепций и исследовательских подходов	112
ГЛАВА III. ФЕДЕРАЛИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ	129
Направления эволюции российского федерализма	130
Роль образования в формировании российской нации	141
Послесловие	152
Примечания	155

Научное издание

Гранин Юрий Дмитриевич

**Этносы, национальное государство
и формирование российской нации:
Опыт философско-методологического исследования**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В.К. Кузнецов*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 19.12.06.

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 7,75. Тираж 500 экз. Заказ № 038.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14